

Сергей Громенко – профессиональный историк, журналист и общественный деятель.

Родился в 1985 г., коренной крымчанин. Окончил симферопольскую школу № 23 с золотой медалью, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского – с красным дипломом. В 2006–2007 гг. работал главным редактором крымского общественно-политического еженедельника «Голос молодежи». В 2006–2008 гг. – советник Председателя Верховной Рады АР Крым. С 2009 г. – член Национального союза краеведов Украины, администратор электронной энциклопедии Крыма «Крымология» (www.krytology.info). Лауреат V Международного конкурса им. Ежи Гедройца (2011 г.).

«Записки польских путешественников о Крыме тем и хороши, что полуостров в них представлен отнюдь не однобоко. Развернутые сухие описания эпохи Просвещения сменяются яркими художественными текстами эпохи Романтизма, на смену которым приходят краткие записки вояжеров-реалистов. Ранние произведения наполнены неистребимым духом «прогрессорства», в них Крым предстает ареной будущей продуктивной деятельности иностранных колонистов, а местное население – варварами, зато в позднейших трудах Таврида принимается как она есть – экзотичная, местами дикая, населенная неведомым, но благородным народом. Воспоминания первых путешественников тесно привязаны к одиноким скрипучим мажарам и неудобным седлам, а последние туристы широко пользуются преимуществами, предоставляемыми железной дорогой и регулярным дилижансным сообщением. Перед глазами одних – дикая природа и дух отшельничества, другие видят прекрасные дворцы и комфортабельные отели. Полуостров во всем его многообразии: транспортная инфраструктура, города и села, памятники культуры и архитектуры, местные народы, наконец, – все это мы можем видеть глазами польских путешественников на протяжении всего «долгого девятнадцатого столетия». Ни одна мало-мальски значимая деталь крымской истории или современности не прошла мимо вояжеров, ни одно выдающееся событие не было обойдено их вниманием. В конечном итоге весь корпус польской путевой литературы предстает нашему взгляду «вещью в себе», самоценным и самостоятельным источником, способным раскрыть перед нами не одну увлекательную и познавательную страницу жизни Крыма. »

СЕРГЕЙ ГРОМЕНКО

STEPY, MORZE I GÓRY

СЕРГЕЙ ГРОМЕНКО

STEPY, MORZE I GÓRY

ПОЛЬСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА
О КРЫМЕ

БИОБИБЛИОГРАФИЯ
КРЫМОВЕДЕНИЯ

Выпуск 14

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Крымский университет культуры, искусств и туризма
Крымское общество поляков

СЕРГЕЙ ГРОМЕНКО

STEPY, MORZE I GÓRY

ПОЛЬСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА
О КРЫМЕ

Под редакцией профессора А. А. Непомнящего

Симферополь
2011

ББК 63.3(0)5

УДК 930.1+[94(477.75):910.4(=162.1),17/19"]

Г 87

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
(протокол № 6 от 20 июня 2011 г.)*

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Крымского университета культуры, искусств и туризма
(протокол № 7 от 6 апреля 2011 г.)*

Рецензенты:

Ганкевич В. Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского;

Ковалева И. Ф. – доктор исторических наук, профессор кафедры историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Крымского общества поляков

Громенко С. В.

Г 87 Stepy, morze i góry : Польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме / С. В. Громенко ; под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего. – Симферополь : Антикава, 2011. – 304 с., илл. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 14).

ISBN 978-617-562-002-1

ББК 63.3(0)5

УДК 930.1+[94(477.75):910.4(=162.1),17/19"]

Монография посвящена исследованию оригинального, содержательного корпуса исторических источников по истории Крыма – польской путевой литературы эпохи Российской империи, представленной разнообразными жанрами: от автобиографий и путевых дневников до писем и газетных очерков. В работе предложена периодизация визитов польских путешественников в Крым, составлена и обоснована типологизация записок вояжеров, приведены биографические справки, ряд ранее неизвестных воспоминаний и писем введен в научный оборот.

Для историков, этнографов, крымоведов, всех, кто интересуется историей Крыма.

Громенко С. В.

Г 87 Stepy, morze i góry : Польські мандрівники кінця XVIII – початку XX століття про Крим / С. В. Громенко ; за ред. і вступ. ст. А. А. Непомнящего. – Симферополь : Антикава, 2011. – 304 с., іл. – (Серія : «Біобібліографія кримознавства» ; вип. 14).

ISBN 978-617-562-002-1

ББК 63.3(0)5

УДК 930.1+[94(477.75):910.4(=162.1),17/19"]

Монографія присвячена дослідженню оригінального, змістовного корпусу історичних джерел з історії Криму – польської подорожньої літератури епохи Російської імперії, представленої різноманітними жанрами: від автобіографій і подорожніх щоденників до листів і газетних нарисів. У роботі запропонована періодизація візитів польських мандрівників до Криму, складена і обґрунтована типологізація записок вояжерів, наведені біографічні довідки, низка раніше невідомих спогадів і листів введена до наукового обігу.

Для істориків, етнографів, кримознавців, всіх, хто цікавиться історією Криму.

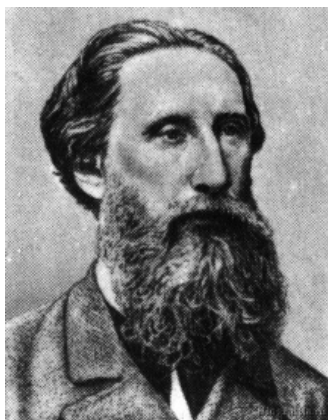
© С. В. Громенко, текст, подбор иллюстраций, 2011

© А. А. Непомнящий, серия, редакция, вступ. ст., 2011

© Издательство «Антикава», оригинал-макет, 2011

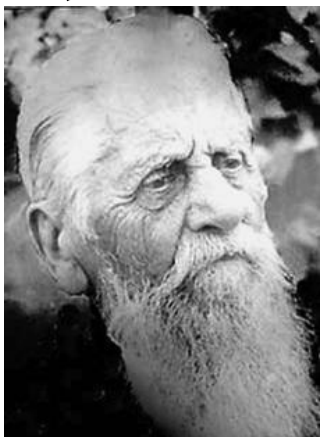
ТРУДЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В КРЫМОВЕДЕНИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В последнее десятилетие объектом научного интереса крымоведов все чаще становятся оригинальные труды путешественников, которые разновременно посещали полуостров. Незаангажированность содержащейся там информации, сочность красок и оригинальность оттенков повествования о крымских народах, уникальные по источниковедческой информативности данные о крымских древностях – все это делает такие работы актуальными и востребованными в исторических и историографических реконструкциях.

Григорий Геннади

Первая попытка систематизации записок вояжеров в Крым связана со значительно выросшим в середине XIX века интересом к Крыму в связи с событиями Восточной (Крымской) войны. Российский библиограф Григорий Николаевич Геннади (1826–1880) в 1855–1856 годах на страницах «Вестника императорского Русского географического общества» опубликовал список иностранных сочинений о Крыме, который охватывал публикации XVIII – первой половины XIX века. Туда вошли наиболее известные сочинения иностранных и российских путеше-

Арсений Маркевич

ственников, вышедшие на европейских языках. Приведены также их русскоязычные переводы или разбор этих трудов в отечественных периодических изданиях. Важной составляющей таких списков были аннотации составителя к наиболее значимым сочинениям. Этот библиографический перечень в дополненном виде в 1857 году перепечатало ведущее парижское библиотечное издание «*Courtier de la librairie Jeannot*» (№ 23, 28).

В 1894, 1898 и 1902 годах вышли в свет три выпуска классического ретроспективного указателя печатных материалов о Крыме – «*TAURICA*» Арсения Иванова

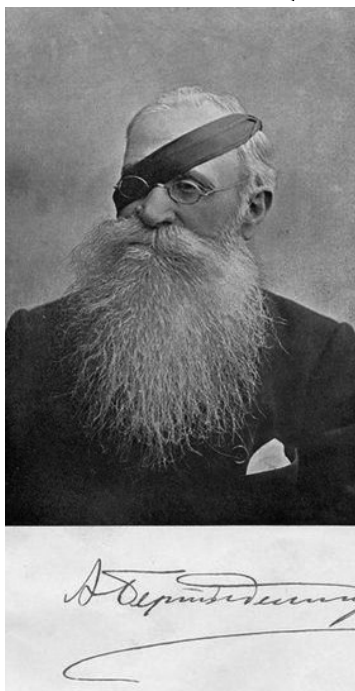
Маркевича (1855–1942), которые до сегодняшнего дня остаются единственным универсальным библиографическим пособием по крымоведению. Сконцентрировавший обширный срез библиографии по истории и этнографии народов Крыма справочник сыграл определяющую роль в развитии крымоведения. В нем не только впервые были сведены воедино источники по средневековой истории региона, но и систематизированы российские и западноевропейские исследования. Вся литература о Крыме в вадемекуме разделена на двенадцать крупных отделов, среди которых присутствуют «2) география, этнография, статистика, путешествия».

В досоветское время были изданы несколько библиографических пособий, включавших исключительно перечень сочинений путешественников по России. Прежде всего это труды Федора (Фридриха) Павловича Аделунга (1768–1843), продолженные киевским библиографом и книговедом Вениамином Александровичем Кордтом (1860–1934). Хотя указатели не охватывают период наиболее массового «паломничества» в Крым отечественных и иностранных вояжеров (конец XVIII – XIX век), в них содержатся упоминания о более ранних поездках в Крым. Подборки Ф. П. Аделунга и В. А. Кордта были хронологически продолжены в фундаментальном труде секретаря Новгородского губернского статистического комитета,

хранителя Новгородского музея Сергея Рудольфовича Минцлова (1870–1933).

Предпринимались и попытки опубликовать на русском языке полнотекстовые издания, увидевшие свет в Европе. Одним из первых инициаторов подготовки к изданию в русском переводе описаний Крыма, подготовленных «заезжими» учеными, выступил «патриарх крымоведения» Александр Львович Бертье-Делагард (1842–1920). На заседании Таврической ученой архивной комиссии 26 марта 1918 года было зачитано письмо А. Л. Бертье-Делагарда к А. И. Маркевичу с составленной им развернутой программой для Комиссии по изданию серии записок иностранцев о Крыме начиная с писателей древности и до XIX века включительно.

В марте–июне 1918 года уже тяжелобольной историк предпринял подготовку новой редакции перевода сочинения академика П. С. Палласа о Крыме, которому придавал исключительное значение как историческому источнику. Работы по переводу Александр Львович выполнил вместе с Софьей Львовной Белявской – своей сестрой и незаменимой помощницей. В предисловии переводчики подробно остановились на своей методике перевода текста изданий 1801 и 1803 годов. В целях достоверности они сравнивали свой текст с печатными изданиями «Наблюдений...» на французском и английском языках. В переводе сохранялись употреблявшиеся в XVIII столетии научные термины и их толкования. Именно поэтому авторы перевода охарактеризовали сочинение П. С. Палласа как «устаревшее в научном смысле». Они указывали на слишком доверчивое, на их взгляд, отношение П. С. Палласа к сведениям античных авторов о Крыме, перечислив его ошибки «историко-археологического свойства». Вместе с тем по степени

Александр Бертье-Делагард

достоверности, научной значимости наблюдений и выводов они поставили труд П. С. Палласа на первое место среди аналогичных по тематике сочинений его современников. Заметим, что публикация данного перевода увидела свет только в 1999 году. Современными исследователями он оценивается как слабый. Кроме того, перевод издан без полноценного комментария и тщательной редакции. В латинских названиях растений замечены многочисленные ошибки. Неудовлетворительно составлен и справочный аппарат. Очевидно, что подготовкой справочного аппарата и самого издания занимались непрофессионалы в крымоведении. Иначе трудно объяснить искаженное написание ряда общеизвестных фамилий (например, Маракуева, С. С. Жегулин назван Шегулиным и т. д.).

Еще одна попытка серьезно заняться изучением, анализом и переизданием в русском переводе записок иностранных путешественников в Крым была предпринята в противоречивые тридцатые годы XX века. Инициатором и исполнителем работ тогда стал крупнейший крымовед эпохи Николай Львович Эрнст (1889–1956). Сотрудничество Н. Л. Эрнста с партийным функционером высокого ранга Б. С. Ольховым позволило краеведу начать работу над давно задуманным им изданием «Серии старинных путешествий и описаний Крыма». Свободно владевший немецким языком Н. Л. Эрнст подготовил тогда к печати сразу два перевода: сочинения профессора университета в Галле Ганса Эрлика Тунманна «Крымское ханство» и французского консула в Бахчисарае в 1753 году Шарля Клода Пейсонелля «Трактат о торговле на Черном море и о политическом и общественном устройстве Крымской Татарии». Б. С. Ольховый редактировал эти работы и лоббировал их издание через партийные советские органы.

В 1936 году удалось издать только сочинение Тунманна «Крымское ханство». Книжка вышла под грифом энциклопедического издания «История народов Крыма», общую редакцию которого осуществлял Б. С. Ольховый. Н. Л. Эрнст отмечал во введении, что «вопрос о необходимости издания в русском переводе ряда старинных и редких сочинений о Крыме был поднят еще в дооктябрьское время в среде Таврической ученой архивной комиссии по инициативе известного крымского историка-археолога-нумизмата А. Л. Бертье-Делагарда. Он же и взял на себя организацию выполнения таких переводов. В исполнение этого намерения был сделан перевод Тунманна с сестрой Бертье-Делагарда

С. Л. Белявской, перешедший потом в портфель Таврического общества истории, археологии и этнографии, ныне Общества изучения Крыма». Николай Львович писал, что перевод Софьи Львовны Белявской страдал рядом недостатков, что заставило его исправить и частично выполнить работу заново. На титульном листе книги значатся два переводчика: Н. Л. Эрнст и С. Л. Белявская. Описание Крымского ханства Тунманна впервые было опубликовано в Бюшинговом землеописании и представляло для своего времени «большой шаг вперед в области познания территорий, входивших в состав Крымского ханства. Это было первое систематическое, всестороннее, исчерпывающее описание ханства в меру уровня тогдашних знаний. До этого в литературе существовали лишь либо разрозненные, случайные сведения о Крыме, либо описания путешественников, излагавших, конечно, только то, что они видели, либо отдельные мемуарные записи, либо изложения отдельных сторон жизни ханства, либо, наконец, совсем робкие попытки систематических описаний. Тунманн дал, например, первый связный очерк всей истории Крыма от легендарных до-греческих времен, до его, автора, дней. В этом очерке много фактических ошибок, много пробелов объясняемых тогдашним уровнем знаний, методологией и объемом доступных источников. Эти ошибки и пробелы не умаляют его пионерского значения. Мы на сегодняшний день, через 150 лет после Тунманна, — констатировал Н. Л. Эрнст, — не можем похвалиться, что имеем хорошее связное изложение всей истории Крыма. Скажем прямо, мы все еще не имеем пока никакого, даже плохого. Тем выше нужно оценить достижение Тунманна». Уже набранный Крымгосиздатом сделанный Н. Л. Эрнстом перевод Ш. К. Пейсоннеля был задержан Главлитом. Цензоры насторожили идеи автора о необходимости и перспективах возможных экономических связей Крыма с Западной Европой. Проект был оборван, так как вскоре были репрессированы и его исполнители — Б. С. Ольховый и Н. Л. Эрнст.

В советский период дальнейшее развитие получает библиографирование путевых дневников и мемуаров путешественников по России, в том числе по Крыму. В этой области выделяется исследование Михаила Александровича Полиевктова (1872–1941) «Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу», подготовленное в Научно-исследовательском институте кавказоведения. Как известно, маршрут большинства вояжеров проходил через Крымский

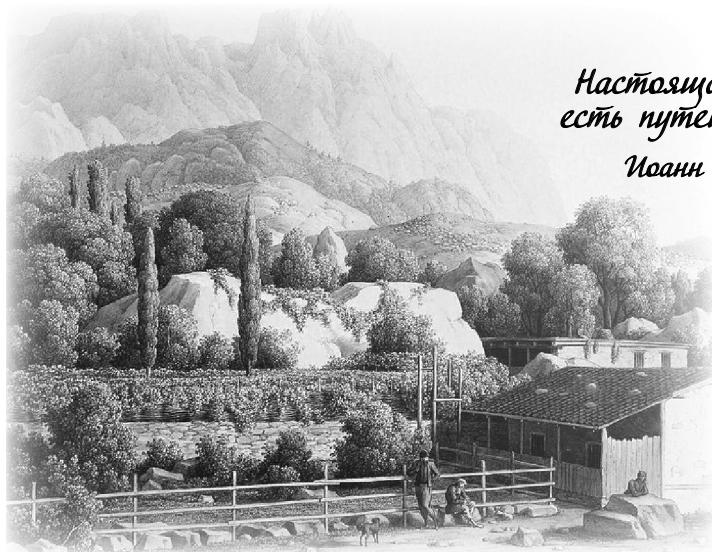

полуостров, поэтому настоящее исследование имеет важнейшее значение для составления библиографии путешествий по Крыму.

Сегодня продуктивно разрабатывают сюжеты, связанные с изучением текстов вояжеров, крымские исследователи С. В. Громенко и Г. С. Каушлиев, в серьезных разработках которых подвергнут научному анализу большой пласт этого историографического наследия в области крымоведения. Новая книга серии «Биобиблиография крымоведения» вводит в научный оборот неизвестный корпус имен и сочинений и позволит читателю познакомиться с неискаженными фактами крымской истории.

А. А. Непомнящий,

*Заслуженный деятель науки и техники
Автономной Республики Крым,
доктор исторических наук,
профессор*

*Настоящая жизнь
есть путешествие.*

Иоанн Златоуст

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Если не говорить о любви,
больше всего радости и утешения
приносят нам путешествия.*

Теодор Драйзер

I

Возрождение в современном обществе интереса к украинской истории, поиски отечественными учеными новых идей, парадигм, методологических установок и актуализация наследия профессиональных историков досоветской эпохи приводят не только к переосмыслению уже известных фактов, утверждений, положений, но и к исследованию новых источников по истории Украины в целом и ее отдельных регионов в частности. Одним из наиболее перспективных направлений развития таких исследований является изучение и введение

в научный оборот ранее практически полностью игнорируемых источников личного происхождения, включая записки путешественников.

Из всех регионов современной Украины Крым, несомненно, занимает ведущее место по продолжительности и насыщенности исторической жизни – это касается как античных времен и Средневековья, так и XIX века. Поэтому вполне понятен постоянный интерес образованных кругов государств Черноморского бассейна к Крымскому полуострову, интерес не только официальных лиц, но и ученых, исследователей и разного рода путешественников. Ни одна местность на побережье Черного моря, за исключением разве что Стамбула, не привлекала к себе столько внимания путешественников. Учитывая это, следовало бы ожидать, что дневники, записки и воспоминания вояжеров будут играть особую роль в становлении и развитии источниковедения и историографии Крыма, однако этого не произошло ни в XIX, ни в XX столетии.

Лишь в последнее десятилетие в крымоведческие исследования возвращается изучение записок путешественников как источников, до того обделенных вниманием ученых.

Следовательно, введение в активный научный оборот воспоминаний польских путешественников о Крыме, ранее малоизвестных или неизвестных, является актуальной и важной задачей, реализация которой позволит существенно расширить источниковую базу сегодняшних исследований истории Крыма и обогатить отечественную историографию малоизученным наследием вояжеров из Польши.

Гильгамеш

II

Путешествие как историко-культурный феномен насчитывает не одно тысячелетие. Оно родилось в те времена, когда индивидуальные мотивы и побуждения к странствию впервые вошли в противоречие с традиционными установками к перемещению архаических человеческих сообществ. Умелый охотник, исполняющий обязанности фуражировщика и поэтому

оказавшийся далеко отошедшим от стоянки своего племени – еще не путешественник. Возможно, первым в истории «вояжером», известным нам по имени, был Гильгамеш. Именно он, отправившийся в странствие не ради добычи или поиска безопасного места, а ради обретения цветка бессмертия для павшего друга, руководствовался мотивами более высокого порядка, нежели окружавшие его люди.

Следует заметить, что споры о том, кого считать путешественником и каковы вообще критерии вояжа, не утихают до сих пор. Вот как выразила суть этой дискуссии Марина Федорова в своей статье «Путешествия русских женщин в XVIII веке»:

Среди наиболее распространенных определений слова «путешествие» нас заинтересовали следующие: путешествие – это перемещение в пространстве с мирными целями (и из путешествий тут же «выпадают» завоевательные экспедиции, крестовые походы и т. д., как бы далеко они ни заходили и как бы к ним ни относились сами их участники). Путешествие – это путь, предполагающий возвращение, и все «невозвращенцы» исключаются из ранга путешественников. Путешествие – это странствие, о котором составлен рассказ (т. е. путешественник, не оставивший воспоминаний или путевого дневника, за такового не признается). Путешествие – это перемещение в пространстве, свершаемое по собственной воле» (и ссылка не признается путешествием даже при наличии путевых дневников, впечатлений и рассказов). Невольно возникает ряд вопросов: «Можно ли назвать путешествием такое перемещение в пространстве, которое обусловлено внеположными ему целями (военный поход, торговое предприятие)?», «Можно ли назвать путешествием подневольное перемещение (изгнание) или перемещение, которое не подразумевает возвращения (эмиграция)?», «Можно ли вообще говорить о путешествиях до того момента, когда оно было осмыслено как таковое в рамках культурной традиции (т. е. в Европе – начиная примерно с XVIII в.)?»*.

В конечном итоге большинство исследователей согласны с тем, что путешествие как таковое имеет место в том случае, когда выполняются два фундаментальных условия – осуществляется активное перемещение в пространстве и происходит познание нового. В самом общем виде это можно выразить так: поездка из села на ярмарку в ближайший город будет для главы крестьянского семейства деловым

* Федорова М. С. Путешествия русских женщин в XVIII веке / М. С. Федорова // Вестник славянских культур : научно-информационный журнал / гл. ред. М. Н. Громов. – 2010. – № 2 (XVI). – С. 25–30.

предприятием, для его супруги – развлечением, а вот для маленького сына, впервые отправляющегося в дорогу, – настоящим путешествием. Не желая остаться в стороне от теоретических поисков в этом направлении, представляю вниманию читателей свою классификацию путешествий, построенную на различных степенях связи познания нового с перемещением в пространстве (*схема на с. 20*).

III

Подобно тому как отличались друг от друга исторические эпохи, отличались и путешествия – по цели, мотивам, срокам, направлениям, составу участников и отношению в обществе. Первый период в истории путешествий (с древнейших времен до начала раннего Средневековья) являлся периодом, так сказать, эпически индивидуалистическим. Знания о географии далеких стран были так неполны, а средства транспорта так ненадежны, что всякий, отправлявшийся в путешествие, сразу причислялся к пантеону героев, само же странствие приравнивалось к подвигу. Кроме упомянутого выше Гильгамеша, первого «вожера» в истории, эпическим странствиями отличился Одиссей, чье имя вскоре стало нарицательным, обозначающим длинные и небезопасные поездки. Путешествия совершали и вполне реальные исторические персонажи, например Геродот или Александр Македонский, впрочем, и их странствия трактовались современниками в обычной эпической манере.

Одиссей

Второй период – раннего и зрелого Средневековья – характеризовался кардинальным переворотом как в системе мотивации путников, так и в организации их передвижений. Знания не стали полнее, дороги – безопаснее, а корабли – надежнее. Изменился сам характер странствия: на смену героям-одиночкам пришли различные группы, эпический эгоцентризм сменился групповой покорностью, место торжественных сказаний заняли благочестивые размышления, типичный же облик путника эпохи венчал не щит

Пилигрим

с родовым девизом, а знамя с крестом или полумесяцем. Фантастический успех самых младших мировых религий – христианства и ислама – вызвал к жизни новый образ путешественника и новые требования к путевой жизни: отдельные яркие индивидуалисты надолго уступили место многочисленным невыразительным паломникам. И что наиболее впечатляет – ни характер пилигримов, ни атмосфера эпохи совершенно не зависели от того, куда вела торная дорога – в Иерусалим, Рим или Мекку. И хотя место знания в эту эпоху прочно заняла вера, весь этот период отнюдь не является «темными

веками» истории путешествий. В самом деле, трудно представить себе облик тогдашней Евразии без групп людей, смиренно, но твердо шествующих из одного края Ойкумены к другому, прочно связывающая разобщенные сельские мирки тесными нитями общей религии и культуры.

Третий период в истории путешествий начался, когда паломничества только обрели популярность, а до времени Крестовых походов – венца и конца религиозных странствий – оставалось более двух столетий. Речь идет о периоде научно-прагматических поездок, продолжительном и неоднозначном времени, в которое сложились основы наших знаний о планете. Если характерной чертой предшествующего периода было почти тотальное бескорыстие в мотивах странников, то теперь (зрелое Средневековье – середина XVIII в.) по пятам каждого ученого-первопроходца шел купец или фискальный чиновник. Весь период можно разделить на три этапа. Первый (до XV в.)

Паломник. Акварель Ильи Ретина

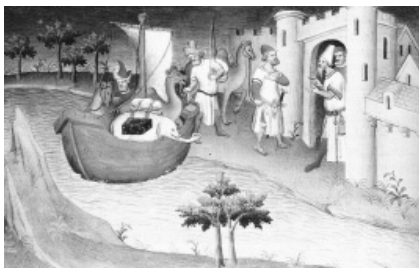
Ибн Баттута

характеризуется деятельностью ученых-одиночек, зачастую трудившихся не из собственного интереса (как это было в античный период), а по заданию своих стран. Пальма первенства на этом этапе принадлежала арабским географам-вожерам, например аль-Идриси или Ибн Баттуте. От них не отставали Рубрук и Марко Поло. Второй этап (XV–XVI вв.) известен нам как время Великих географических открытий, герои которых – Колумб, да Гама, Магеллан и др. – не только уточнили карты мира в кабинетах

своих королей, но и существенно пополнили их казну золотом и прянощами. Обратную сторону этого процесса познания составляли «деяния» Кортеса и Писарро, одновременно «открывших» и «закрывших» цивилизации древней Америки. На третьем этапе (XVII – сер. XVIII в.) ученые окончательно и бесповоротно заняли подчиненное положение в связке с капитанами кораблей, лишь изредка обслуживая колонизаторские экспедиции Кука или Лаперуза в Юго-Восточной Азии. Но как бы то ни было, именно в это время путевая литература, бывшая в первый период уделом избранных («Анабазис» Ксенофонта, «Записки о Галльской войне» Цезаря), стала по-настоящему массовым продуктом, существенно повлиявшим на состояние общественного мнения.

Четвертый период – с середины XVIII века, т. е. от начала эпохи Просвещения, до последней трети XIX века, т. е. до полного упадка Романтизма, – это время окончательного и бесповоротного разделения целей

путешествия, а заодно – и состава корпуса путешественников. На первом этапе (эпоха Просвещения) наиболее распространены научно-исследовательские экспедиции, на втором (эпоха Романтизма) – персональные вояжи, но и те и другие весь период существовали параллельно. Вояжи характеризовались несколькими

Путешествие Марко Поло

чертами. Во-первых, из небытия воскрес яркий индивидуализм античного периода: блестящие поэты, дипломаты и светские львы (Байрон, Сегюр, Карамзин) совершали вояжи в поисках вдохновения или экзотики, а их путевые заметки составляли событие в литературной жизни европейских стран. Во-вторых, путешествия, а именно так называемые «grand tour» («гранд тур, большое турне») стали неотъемлемым элементом в образовательной программе светской молодежи. В-третьих, все больше писателей рождались и вырастали в заокеанских колониях европейских государств,

Джордж Байрон

а их произведения все чаще побуждали жителей метрополий увидеть далекие земли своими глазами. Но в то же самое время от описанных выше светских вояжеров решительно отделились профессиональные ученые-путешественники, более не связанные экономической конъюнктурой, а работавшие ради науки как таковой: Паллас, Дарвин, Пржевальский. Натуралисты-одиночки к концу периода практически перевелись, а ученые экспедиции различных обществ и Академий наук с течением времени эволюционировали в более-менее постоянные институты, участие в которых перестало рассматриваться как подлинное путешествие. Иначе сложилась судьба не связанных с наукой вояжеров.

Николай Пржевальский

Пятый период – с последней трети XIX века до начала Первой мировой войны – это завершение эры путешествий и наступление эры туризма. Если дать дискуссионному термину «туризм» краткое определение, то это будет «упорядоченное путешествие», в котором отдых как таковой вполне может заменить познание нового. Незведанные тропинки сменились в это время регулярным сообщением, живописные конные прогулки – «бездушной» железной дорогой, свободу выбора вояже-

ра ограничивал проездной билет, взамен почтовых станций или ночевки на сеновалах путнику предоставлялись гостиничные номера. Разумеется, что путешествия как таковые не исчезли с наступлением эры туризма (равно как и туристические прогулки имели место в античном мире), но их качество было безвозвратно утеряно. Дело даже не в том, что туристы менее любопытны, нежели путешественники, и не в том, что последних всегда окружал некий ореол таинственности и романтичности. Просто «познание нового» перешло из коллективной в индивидуальную категорию: Ливингстон открыл водопад Виктория не только для себя лично, но и для всего ученого мира, а нынешние туристы, посещая Ангкор-Ват, «просвещаются» индивидуально, не внося никаких новых сведений в мировую копилку знаний. Поэтому «сохранившиеся» до сегодняшнего дня индивидуальные странствия уже не могут изменить картину эпохи. Эра путешествий окончательно завершилась.

IV

Если говорить о польских путешественниках по Крыму в контексте описанной выше схемы, то нельзя не увидеть, что они, как нарочно, полностью ей соответствуют. Посетившие Тавриду в конце XVIII века Станислав Сестренцевич-Богуш и Ян Потоцкий были детьми своего времени – эпохи Просвещения: оба ученые, оба первопроходцы, оба составители тщательных, но неудобочитаемых научных отчетов. То ли дело вояжеры эпохи Романтизма – Густав Олизар, Генрик Жевуский, Адам Мицкевич, Карл Качковский, Эдмунд Хоецкий и Антоний Марчинковский – все сплошь поэты-гении или публицисты, прекрасно владеющие слогом и не чуждые юмора, все яркие индивидуалисты и искатели приключений. Их воспоминания и дневники полны фактических ошибок, но легко читаются сегодня и наверняка будоражили воображение современников сто – сто пятьдесят лет назад. А вот те, кто посетил Крым под конец XIX столетия – Гелена Скимунт, Эдвард Павлович, Анна Воланьская-Дзедушицкая и Адам Сераковский – уже не так интересны. Общего в их происхождении, образовании и роде занятий ничего нет, крымская экзотика их интересует лишь как дань моде; описанию отелей и нарядов публики уделено больше места, чем славному прошлому полуострова. Впрочем, это не их вина, они лишь следовали в общем русле тогдашнего обще-

ственно-литературного потока. Обо всех этих группах, об их особенностях, сходствах и различиях я подробно буду говорить ниже.

V

Еще два слова о структуре этой книги. Первая часть предназначена больше для коллег-историков: в ней рассмотрена историография проблемы путешествий, охарактеризована существующая источниковая база и описаны методы исследования. Три главы этой части написаны, как мне кажется, без излишнего академизма, но материал диктует свои требования, поэтому заранее прошу прощения, если кому-нибудь из читателей начало книги покажется скучноватым.

Вторая часть посвящена биографиям польских вояжеров. Все путешественники разделены на три группы в соответствии с преобладающими литературными вкусами эпохи. Эпохи эти также кратко охарактеризованы. Большинство жизнеописаний реконструированы впервые в отечественной исторической науке мною лично, разумеется, они отнюдь не исчерпывающие и, возможно, содержат неточности. Но начало положено.

В третьей части собраны и проанализированы те фрагменты путевых заметок польских вояжеров, которые освещали наиболее интересные и важные аспекты жизни полуострова. Стиль подавляющего большинства цитат при переводе сохранен и, возможно, они покажутся несколько странными современному читателю, но только так можно было сохранить колорит оригинала.

Иллюстрациями к первой части книги служат нынешние фотографии учреждений, в которых я работал над источниками и литературой, ко второй – портреты или фотографии польских путешественников, сделанные до 1914 года. В третью часть помещены виды Крыма 30–70-х годов XIX столетия с указанием авторства и/или источника, откуда они взяты.

Хронологические рамки книги ограничены, с одной стороны, годом присоединения Крыма к Российской империи (1783 г.), следовательно, появлением возможностей для безопасных визитов российских и европейских, в том числе и польских, путешественников, с другой – годом начала Первой мировой войны (1914 г.), т. е. закрытием этого региона для свободных путешествий иностранных граждан. Географические рамки

охватывают исключительно территорию Крымского полуострова (современные АР Крым и Севастополь).

VI

Хочу выразить благодарность всем тем, без чьей помощи эта книга никогда не была бы написана: своему научному руководителю профессору Андрею Непомнящему, никогда, я надеюсь, не терявшему веры в мои способности; жене Анне, терпеливо сносившей мои многочисленные поездки и сутками напролет работавший компьютер; моим родителям Ванде Викторовне и Виктору Матвеевичу, постоянно поддерживавшим меня; а также всем моим друзьям и знакомым, спокойно принявшим мой затворнический образ жизни в последние годы. Отдельную благодарность приношу председателю Крымского общества поляков Николаю Древецкому за финансовую помощь, а также другу и коллеге Денису Яшному, чье богатое собрание старинных видов Крыма помогло проиллюстрировать мой текст. Если вы держите эту книгу в руках, значит, наши общие жертвы, положенные на алтарь науки, оказались не напрасны.

Место познания нового в структуре путешествия (авторская модель)

PO

Listy z podróży

Podróż na Krym, Kaukaz
do Tunisu.

Adama

ЧАСТЬ I

Историография,

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Biblioteka Dziel Wyborowych

Вообразите себе тысячу человек, совершающих вконец путешествие; если бы каждый из них был надлюдателем, то каждый написал бы книгу впечатлений, совершенно отличную от остальных; и все же немало интересного и меткого осталось бы сказать тому, кто отправился бы в то же путешествие после них.

Луи Мерсье

СЧУН,

MORZE I GÓRY.

SZKICE I WSPOMNIENIA Z PODRÓŻY

PRZEZ

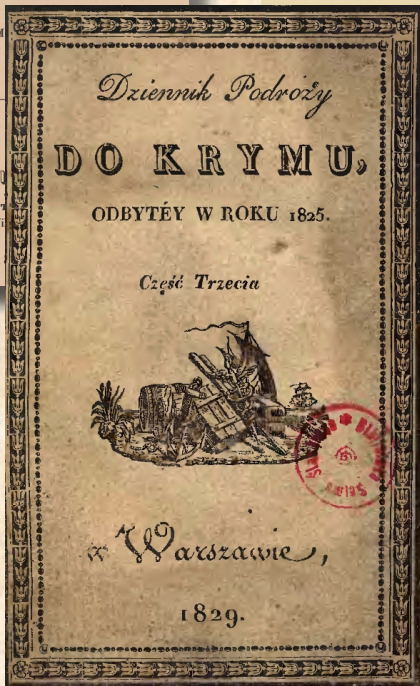
Antoniego Nowosielskiego.

TOM

W

Nakład i druk T. Księgarza i Typografa W.

1

pomnożone.

burg.

AUTORA.

DRUKIEM KAROLA KRAYA

ЧАВА 1

Путешествия в исторической ретроспективе

*Вот говорят, путешествие –
лучшее средство образоваться
во всем: правда, точно правда!
Как многому тут научишься!*

Николай Чернышевский

Ситуация с отечественной историографией путевой литературы в известном смысле парадоксальна. С одной стороны, тысячи наименований опубликованных записок путешественники самого разного масштаба, сотни сборников, десятки библиографических указателей, с другой – отсутствие мощного теоретического фундамента под процессом исследования путешествий как таковых. Более того, до конца не завершены дискуссии о том, что именно считать путешествием, каковы его критерии и характеристики. Вот почему первая глава книги содержит не описания польских путешественников, а небольшой историографический экскурс, освещающий историю изучения путевой литературы: в первом разделе – в Российской империи, во втором – в советское время, третий раздел описывает достижения современной мысли, а в четвертом – речь пойдет непосредственно об изучении биографий и трудов польских вояжеров.

Литература путешествий в Российской империи

Возникновение и расцвет путевой литературы. Выделение в российском обществе литературы путешествий в отдельный жанр

напрямую связано с выходом в свет в 1791–1792 годах и потрясающим успехом «Писем русского путешественника» Николая Карамзина [1]. Чрезвычайное влияние Карамзина на общественную мысль, отмечал Виссарион Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» [2], привело к тому, что новое направление долго довлело над искусством и идейным движением, а спустя некоторое время в России начался настоящий бум записок путешественников, дневников и путевых очерков.

Увлечение новым жанром достигло пика в 40–50-е годы XIX века. По утверждению русского историка и литератора Александра Скабичевского, «никогда не процветали у нас в такой мере путевые записки, письма и впечатления, как в сороковые и пятидесятые годы» [3]. Современники с восторгом встречали каждое новое описание путешествия. Так, краевед Иван Андреевский писал: «Отправившись в отпуск на летние месяцы или проведя несколько времени на службе в отдаленной области, почему бы не издать умной и приятной картины того, что Вы увидели, что чувствовали, что Вас более всего поразило в природе, обществе, зданиях, занятиях народа, просвещении страны, нравах и обычаях жителей?» [4, с. 175].

Тем не менее научный интерес к новому явлению практически отсутствовал. Так, историк и литературовед Николай Надеждин отмечал, что «известия путешественников – особый ряд богатых источников, ряд также еще не разработанный, даже не вполне изданный» [5, с. 97]. Известный писатель Иван Гончаров, приступая к записи своих впечатлений от плавания на фрегате «Паллада» (1855 год), жаловался, что «у нас нет науки о путешествиях» [6, с. 7]. Объяснить такую ситуацию можно тем, что, хотя известные литераторы и журналисты охотно откликались на издание мемуаров XVIII – начала XIX столетия, они не различали при этом процесс упорядочивания воспоминаний и литературный труд. А по словам Петра Вяземского, «люди, не принадлежащие к разряду записных писателей, боятся причислить себя к известному ремеслу и вписаться в известный цех писательства» [7, с. 189]. Даже В. Белинский, разграничивавший в многочисленных статьях и рецензиях историческую и художественную ценность автобиографических произведений, рассматривал путевую литературу как «последнюю

грань в области романа» [8, т. 10, с. 316]. В конечном итоге российское научное сообщество долго не видело в записках путешественников исторический источник, предпочитая думать о них как о средстве интеллектуального досуга.

Изучение путевой литературы. Однако отдельные попытки теоретического осмысления записок путешественников все же имели место в российской историографии XIX века. Начало было положено после появления ряда статей будущего академика словесности Петра Пекарского в журнале «Современник» под общим заголовком «Русские мемуары XVIII в.» [9]. И хотя в своем анализе автор не касался собственно путевой литературы, ограничиваясь воспоминаниями соотечественников, именно после его публикации дневники и мемуары стали рассматриваться историками того времени в качестве настоящих, хотя и второстепенных, источников.

К примеру, определением жанра литературных путешествий и ее влияния на читателя занимался Николай Чернышевский. Он писал, что «путешествие – это лишь отчасти роман, отчасти история, отчасти политика, отчасти естествознание. Каждому читателю дает оно все, что только хочет найти он» [10, с. 978]. Кроме того, Н. Чернышевский отметил и другую важную черту путевой литературы – возможность синтеза канонов других жанров.

Уже упомянутый В. Белинский, между прочим, отметил такую характерную для записок путешественников особенность, как предубежденность и стереотипность впечатлений. Мысль, что «путешественники склонны видеть в той или иной стране не то, что в ней есть, но то, что они раньше, еще у себя дома, решили в ней видеть» [8, т. 6, с. 59–60], опередила аналогичные убеждения современных исследователей более чем на столетие.

Педагог, переводчик и писатель Василий Водовозов в своей работе «Словесность в образцах и разборах» [11], которая впервые увидела свет в 1868 году, и до 1905 года выдержала шесть переизданий, пытался прояснить влияние наблюдательности, осведомленности и непредубежденности путешественника на его произведение. Автор решил рассчитать общее для всех записок вояжеров соотношение между субъективными и объективными элементами в тексте, придя к выводу о необходимости их полного равновесия.

Наиболее глубокий в российской досоветской историографии анализ жанра и стиля записок путешественников содержится в работе историка литературы Василия Сиповского «Н. М. Карамзин, анализ «Писем русского путешественника» [12], защищенной в 1899 году автором как магистерская диссертация на историко-филологическом отделении Санкт-Петербургского университета. В ней автор не только рассматривает путевые письма Н. Карамзина, отыскивая в них следы влияния путешественников-сентименталистов из Европы, но и выделяет составные части любого произведения путевой литературы; кроме «сентиментального», это еще и «исторический», «политический» и «эстетический» элементы [12, с. 375].

Также В. Сиповский указывает на особенности именно русской путевой литературы – это «соединение описательного элемента и размышления», особенно подчеркивая последнее слово [12, с. 494]. В труде Василия Сиповского просматривается и общая схема эволюции записок отечественных путешественников: от практических и утилитарных произведений эпохи Петра I до почти художественных романов с сюжетом и приключениями в конце XVIII века. В начале XIX столетия, отмечает автор, акцент смещается с фактической стороны вояжа на описание внутренних переживаний путешественника, ярким образцом чего и являются письма Николая Карамзина [12, с. 529]. Но уже с 30-х годов этого века начинается обратный процесс – на смену передаче субъективных ощущений приходит более-менее правдивое воспроизведение реальных событий.

Итог изучения записок путешественников XVIII столетия подвел российский (позже – советский) историк Константин Сивков в книге «Путешествия русских людей за границу в XVIII веке» [13], изданной в Петербурге в 1914 году. Ученый собрал материал из самых известных произведений путевой литературы – от Бориса Шереметева до Николая Карамзина – и подверг его всестороннему анализу. Автор сделал вывод, что постепенные изменения в структуре и форме записок путешественников являются не столько эволюцией жанра, на чем настаивал Василий Сиповский, а скорее эволюцией восприятия «другого» мира, в частности Европы, российскими путешественниками. Именно возможность на подобных материалах изучать изменения в мировоззрении людей и является, по мнению автора,

*Российская национальная библиотека
(Санкт-Петербург)*

главной ценностью путевой литературы [13, с. 5]. Однако более полувека теоретические разработки К. Сивкова оставались не востребованными.

В целом российская досоветская историография, несмотря на позднее включение записок путешественников в сферу своих интересов, достигла

значительных успехов в их изучении, по меньшей мере отечественных. Теоретические разработки в области анализа путевой литературы во многом опережали свое время, а отдельные ученые пришли к вполне современным выводам о роли и месте личности вояжера в его произведении. К сожалению, последовавшие после 1917 года перемены в общественной и научной мысли на долгие десятилетия затормозили перспективные исследования в этом направлении.

Общероссийские сборники и указатели записок путешественников. Кроме теоретических студий досоветская историография представлена в нашем исследовании сборниками и указателями записок вояжеров. И хотя не все они прямо относятся к интересующей нас теме, но их использование позволяет полностью реконструировать процесс изучения путевой литературы в Российской империи.

Первой следует вспомнить «Библиотеку иностранных писателей о России» [14], составленную Василием Семеновым, в двух томах, напечатанных в 1836 и 1847 годах. В работе «иностранцы писатели» все являются путешественниками – от Иосифа Барбаро до Сигизмунда Герберштейна.

Отдельные воспоминания путешественников, в особенности те, чьи авторы следовали канону древних «хождений», были собраны этнографом Иваном Сахаровым в двух книгах: «Путешествия русских людей в чужие земли» [15] и «Путешествия рус-

ских людей по Святой земле» [16]. Они были изданы в 1837 и 1839 годах соответственно.

В небольшой работе с претенциозным названием «Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках» [17], вышедшей в 1843 году под редакцией писателя Василия Любич-Романовича, помещены лишь записки из путешествия Рафаэля Барберини в Московию.

Воспоминания западноевропейских, в частности голландских, вояжеров и купцов можно найти в двухтомном сборнике «Сказания иностранных писателей о России» [18], составленном под руководством председателя Императорской Археографической комиссии Авраама Норова, тома которого были напечатаны в 1851 и 1868 годах.

Свой вклад в изучаемый вопрос внес также граф Григорий Милорадович – генерал, сенатор и историк. Его указатель «Иностранные сочинения о Малороссии» увидел свет вначале в 1859 году в «Черниговских губернских ведомостях» (№ 24–31), а затем издан отдельным оттиском [19]. В работе помещены названия нескольких десятков книг, преимущественно записок путешественников, которые были изданы на протяжении 1585–1855 годов на польском, немецком, французском языках и на латыни.

Настоящим шедевром справочной литературы по проблеме путевых заметок стал опубликованный в Петербурге в 1864 году труд лингвиста и библиографа Федора (Фридриха) Аделунга «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений» [20]. В книге упоминается почти сотня иностранных вояжеров, приведены биографические сведения и кратко охарактеризованы произведения, написанные ими по результатам путешествий.

Значительной вехой в издании в Российской империи иностранной путевой литературы стала опубликованная в 1866 году работа знаменитого историка Василия Ключевского, подготовленная по материалам его же диссертации – «Сказания иностранцев о Московском государстве» [21]. Книга открывается вступительной статьей [21, с. 4–21], в которой анализируются причины иностранных вояжей в Московское государство, а также обосновывается важность воспоминаний этих вояжеров. По мнению В. Ключевского, из-за неблагоприятных внешних обстоятельств и несклонности

к саморефлексии, «оглядки на себя», русская историография той эпохи бедна источниками личного происхождения и потому лишь записки иностранных путешественников могут служить для прояснения «ежедневных обстоятельств жизни, повсеместных явлений» [21, с. 7], мимо которых равнодушно проходили соотечественники.

Основу книги составляют свидетельства нескольких десятков путешественников, список которых был составлен Василием Ключевским на основании труда Федора Аделунга. Эти свидетельства впервые сгруппированы не по хронологическому, а по тематическому принципу. Каждый раздел исследования имеет отдельный заголовок, характеризующий содержание представленных в нем материалов: «Границы русского племени», «Прием иностранных послов», «Государь и его двор», «Войско», «Управление и судостроительство», «Доходы казны», «Климат», «Почва», «Народонаселение», «Города», «Торговля» и «Монета». Таким образом, В. Ключевским была составлена первая настоящая энциклопедия свидетельств иностранных путешественников о России, а не очередной указатель. Единственным недостатком этой работы можно считать отсутствие хотя бы кратких биографических очерков вояжеров.

Неизвестными составителями на страницах газеты «Киевские епархиальные ведомости» за 1874 год были напечатаны два сборника путевых свидетельств о Киеве: «Киев в разные годы своего существования по описаниям современников и очевидцев» [22], в котором были собраны заметки от Титмара Мерзбургского (1018 г.) до Рейнгольда Гейденштейна (1596 г.) и «Киев в I п. XVII в. по описаниям Сильвестра Косова, Боплана, Симона Старовольского и дьякона Николая Циховия» [23], в них имена вояжеров обозначены в заголовке.

Под редакцией известного российского историка, журналиста и библиофила Сергея Шубинского в том же 1874 году были изданы два тома сборника «Записки иностранцев о России в XVIII столетии» [24]. В первом томе содержались воспоминания леди Джейн Рондо, жены английского резидента при дворе Анны Иоанновны, во втором – записки графа Христофора Миниха, известного российского военачальника. К обоим томам С. Шубинским

были составлены комментарии, поясняющие читателям взгляды авторов мемуаров.

Другим известным российским историком и археологом – Иваном Забелиным в 1877 году в журнале «Русская старина» была напечатана работа «Посольские путешествия в Турцию в XVII столетии» [25], на тридцати страницах которой не только приведен весьма обстоятельный список московских дипломатов в Стамбуле того времени, но и опубликованы многочисленные отрывки из статейных списков российских посланников. Однако биографические очерки дипломатов-путешественников в работе отсутствуют.

Периодически появлялись в печати и сборники записок вояжеров, побывавших в отдельных регионах Российской империи. Следует вспомнить небольшую подборку «Сказания путешественников о Нижегородском крае», составленную Нижегородским губернским статистическим комитетом в 1887 году в седьмом томе «Нижегородского сборника» [26] (в некоторых изданиях ошибочно указывается 9-й том за 1890 год). В этой работе собраны свидетельства вояжеров за 1526–1703 годы, например Сигизмунда Герберштейна, Рафаэля Барберини, Адама Олеария, Яна Стрюиса, Корнеля де Бруина, описывавших географию региона, исторические события (Ян Стрюис, в частности, был очевидцем восстания Степана Разина), обычаи обитателей края и торговый путь по Волге до Казани.

Другим масштабным источниковым изданием были «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси» [27] под редакцией известного историка Владимира Антоновича, напечатанные в Киеве двумя томами в 1890 и 1896 годах. Первый том составляли фрагменты четырех произведений, из которых два – «Десять отрывков про обычаи татар, литовцев и московитов» [27, Т. 1, с. 4–58] Михалона Литвина и «Дневник» Эриха Лясоты [27, Т. 1, с. 137–190] – непосредственно относились к путевой литературе. Во втором томе были помещены фрагменты восьми дневников и очерков, в том числе и Гийома де Боплана, охватывающих период от 1564 до 1649 года. Кроме того, на последней странице было анонсировано содержание следующих двух томов, которые так никогда и не увидели свет. Третий том предполагалось посвятить свидетельствам современников Хмельнитчины – от «Хронички» Иоахима Ерлича

до описания путешествия Павла Алеппского; четвертый – запискам очевидцев Руины, прежде всего дневнику шотландца Патрика Гордона.

Можно также отметить сборник «Ростов-на-Дону и Приазовский край в описаниях путешественников XVIII и первой половины XIX в.» [28], изданный в 1912 году историком и публицистом Сергеем Сватиковым.

Важным шагом вперед в области составления библиографии путешествий стал указатель Вениамина Кордта с громким названием «Библиографические заметки об иностранных путешественниках по России до конца XVII века: добавления и поправки к труду Адельунга «Uebersicht der Reisenden in Rusland» [29], который был напечатанный на страницах журнала «Ученые записки Юрьевского университета» за 1893 год.

Последним и наиболее, во всех смыслах, монументальным указателем путевой литературы в Российской империи стал труд выдающегося библиографа Сергея Минцлова «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России, напечатанных на русском языке» [30], вышедшей в 1911–1912 годах в Новгороде пятью выпусками (физически – в трех томах). К сожалению, большинство современных исследователей не замечают шестого выпуска, подготовленного дочерью ученого, Марией, и напечатанного на страницах журнала «Русская старина» в 1915 году.

«Обзор записок» стал наиболее подробным указателем досоветской эпохи. Он включает свыше пяти тысяч наименований – совершенно недостижимое для других изданий количество. Разумеется, путевая литература уже не преобладала в этом справочнике, но это не уменьшает его ценности, поскольку он содержит не только библиографию, но и короткие биографические очерки вояжеров. Большинство материалов – библиографических пособий, каталогов, журналов, газет – было просмотрено автором до начала 80-х годов XIX века, однако последние записи относятся к 1909 году.

При всем этом указатель С. Минцлова не является исчерпывающим, что осознавал и сам автор этого труда: «Понятно, я совершил едва половину намеченного. Много, кроме того, в этой работе оказалось ошибок, поскольку часть книг мне не довелось видеть и

сведения о них приходилось черпать из разных каталогов и библиографических работ; много что, верно, пропущено из-за недосмотра с моей стороны» [30, вып. 1, с. 3]. Тем не менее работа Сергея Минцлова и в дальнейшем продолжала оставаться фундаментальным шедевром библиографической литературы.

Следует вспомнить и работу Валентина Бочкарева (в некоторых изданиях указаны ошибочные инициалы – «Н. В.») «Московское государство XV–XVII веков по сказаниям иностранцев» [31], впервые напечатанную в Петрограде в 1914 году. Подобно вышеуказанной работе Василия Ключевского [21], труд В. Бочкарева начинается вступительной статьей под названием «Сказания иностранцев о России XV–XVII вв. как исторический источник» [31, с. 2–10], в которой он пересказывает и обширно цитирует своего выдающегося предшественника, приходя к тому же выводу: «Не будь у нас их записок и дневников, мы вынуждены были бы для характеристики домашнего и общественного бытия давней Руси пользоваться только такими памятниками, как «Домострой» [31, с. 5]. Также похожим является распределение материала книги – все свидетельства сгруппированы по разделам: «Территория и население», «Экономический строй», «Общественный строй», «Государственный строй», «Иностранные посольства», «Москва», «Религия и духовенство», «Домашний и общественный быт», «Древнерусская семья», «Нравы и обычаи» и «Просвещение».

Есть, тем не менее, и разница между книгами историков. Так, Валентин Бочкарев, вместо полусотни сосредоточил свое внимание лишь на двадцати семи путешественниках, однако в Приложениях привел их биографии, чего не хватало книге Василия Ключевского. И все же обе работы выгодно отличаются от подавляющего большинства подобных работ тем, что представляют собой сложные в исполнении и значительно более информативные тематические справочники, а не простые хронологические указатели.

Библиография путешествий по Крыму. После Крымской войны 1853–1856 годов интерес российского общества к Крыму, его истории и этнографии ощутимо вырос, что актуализовало, среди прочего, ретроспективные библиографические изыскания в этих областях. Пионером-исследователем вопроса стал российский би-

блиограф-энциклопедист Григорий Геннади. На протяжении 1855–1856 годов на страницах «Вестника императорского Русского географического общества» он опубликовал список трудов иностранных вояжеров по Крыму в конце XVIII – первой половине XIX столетия [32]. Важным отличием этого указателя стали составленные Г. Геннади аннотации к наиболее выдающимся путевым заметкам.

Спустя десятилетие этот же автор опубликовал значительно расширенный и переработанный «Список сочинений о Крыме» [33] на страницах «Записок Одесского общества истории и древностей». Работа состояла из трех разделов: «Книги на иностранных языках», «Российские книги» и «Виды Крыма», всего в ней было отражено 214 наименований. Как и ранее, наиболее значимые труды были аннотированы, к тому же в издании были указаны все известные на тот момент автору рецензии. Григорий Геннади отметил, что собирается со временем добавить к этой библиографии список журнальных статей, «довольно многочисленных и разбросанных в различных изданиях» [33, с. 624], что, однако, так и не было сделано.

После этой работы авторитет путевой литературы в краеведческих кругах того времени необычайно вырос. Как справедливо отмечал историк искусства Дмитрий Айналов, записки путешественников «не только устанавливали более верные сведения относительно Крыма, но и дали много нового материала в изданиях рисунков с памятников древностей» [34, с. 457–458]. Поэтому работа над указателями путевой литературы продолжалась и в дальнейшем.

Общепризнано, что наиболее детальным и авторитетным указателем литературы о Крыме является библиографический справочник «TAURICA» [35], составленный патриархом крымского краеведения Арсением Маркевичем, который своим трудом совершил настоящий научный подвиг [36, с. 22]. Указатель вышел тремя выпусками – в 1894, 1898 и 1902 годах. Каждый из выпусков был разбит автором на 12 разделов: 1) история, археология, археография, нумизматика; 2) география, этнография, статистика, путешествия; 3) описания, воспоминания, биографии, беллетристика; 4) естественные науки, антропология, медицина; 5) сельское хозяйство,

промышленность, торговля; 6) земское и городское хозяйство; 7) народное образование; 8) сектантство; 9) общественная жизнь и деятельность; 10) оборона Севастополя, военное и морское дело; 11) карты, атласы, виды, планы, чертежи; 12) периодические издания. Внутри каждого раздела литература размещена по алфавиту, всего же указано свыше девяти тысяч наименований.

И хотя в этом справочнике отсутствуют алфавитный и тематический указатели, а в выходных данных часто встречаются ошибки, описки и повторы, он был первым и остается на сегодня единственным универсальным указателем литературы о Крыме [36, с. 22]. В этой работе впервые в досоветской историографии зафиксированы имена польских вояжеров по Крыму в конце XVIII – XIX веке: Яна Потоцкого, Карла Качковского, Адама Мицкевича, Эдмунда Хоецкого и Антония Марчинковского (в указателе – Новосельского, потому что подлинная фамилия этого путешественника была Арсениу Маркевичу неизвестна). Таким образом, именно с этой работы начинается изучение польских путешественников по Крыму в отечественной историографии.

Небольшой обзор путешественников, упоминавших в своих трудах крымскую культурную флору – от Мартина Броневского до Евгения Маркова – сделал выдающийся ботаник, помолог и селекционер Лев Смиринко в своей книге «Крымское промышленное садоводство» [37, т. 1, с. 1–20], впервые напечатанной в Москве в 1912 году и первый раз переизданной в 2001 году в Симферополе.

Записками путешественников заинтересовался и другой известный краевед – Александр Бертье-Делагард. В своей работе «Память о

*Центральный музей Тавриды, библиотека «Таврика»
(Симферополь)*

Пушкине в Гурзуфе» [38, с. 81–85] он, отыскивая упоминания об Александре Пушкине в путевой литературе, поместил обстоятельный список всех известных ему путешественников, посетивших окрестности Гурзуфа в разное время. К списку польских вояжеров, уже известных после работ Арсения Маркевича, ученый добавил Густава Олизара. Кроме того, список этот интересен тем, что в нем отмечены даты приезда путешественников в Крым и приведены выходные данные большинства путевых заметок.

Итак, досоветская историография добилась ощутимых успехов на поприще изучения записок путешественников. Была проведена значительная теоретическая работа по созданию методологической базы исследований, предложены оригинальные концепции и трактовки жанра путевой литературы, продвигалось дело по сбору, систематизации и изданию записок наиболее известных вояжеров. В случае с польскими путешественниками к началу XX века также имелись определенные достижения – описания их воспоминаний попали на страницы библиографических указателей, а отдельные даже удостоились небольших аннотаций. Однако в последующие десятилетия теоретическое и практическое наследие отечественных ученых в этой области оказалось не востребуемым, потому значительные объемы работы последующим исследователям приходилось выполнять, по сути, заново.

Советская историография путевой литературы

Упадок исследований путевого жанра. В советской историографии записки путешественников, как и немало других интересных тем, изучались мало и не очень глубоко. Причиной этого стали два обстоятельства. Во-первых, большинство вояжеров были дворянами или выходцами из «буржуазных кругов», следовательно, их записки представляли собой «классово враждебную» литературу; во-вторых, насквозь позитивистская советская историческая наука не признавала за путевыми заметками никакой ценности – в 30-х годах XX века вся мемуарная литература полуофициально была отнесена к беллетристике [39]. Весьма показательным в этой

связи является утверждение советского источниковеда Сергея Никитина, что записки путешественников интересны историку лишь «в качестве способа установить значимость того или иного путешествия как источника <...> Историка интересует не форма сама по себе, а содержание» [40, с. 84–85]. Позднее, в 1976 году, этот тезис подхватил известнейший советский историк и библиограф Петр Зайончковский: «...ценность мемуаров состоит в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна» [41, т. 1, с. 6]. Как видим, советская методика изучения источников личного происхождения, к каковым относится и вся путевая литература, находилась на ступень ниже не только западной науки, но и историографии Российской империи.

Впрочем, именно в том же 1976 году с официальной «доктриной» не согласился известный филолог и культуролог Юрий Лотман. В частности, он писал, что хотя иностранные авторы в своих трудах часто впадают в ошибки и искажения, но при этом можно и нужно «в самих ошибках, в характере непонимания находить источник ценных известий» [42, с. 125]. И несмотря на то, что его позиция не нашла немедленного отклика среди советских историков, именно на ее основе в конце XX столетия начнет возрождаться изучение путевой литературы в России.

Исторические исследования и библиографические указатели.

По указанным выше причинам исторические исследования, равно как и библиографические указатели, путевых заметок не имели широкого распространения. Одним из немногих исключений можно считать составленный в 1935 году Михаилом Полиевктовым справочник «Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу» [43], где упоминались также вояжеры, попадавшие на Кавказ через Крым, в частности Ян Потоцкий [43, с. 161–162].

А вот в наиболее капитальном указателе советской эпохи «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» [41], который издавался в 1976–1989 годах и вышел в пяти томах и 13 книгах под редакцией Петра Зайончковского, так и не нашлось места ни дневникам, ни воспоминаниям на иностранных языках, в том числе – и путевым впечатлениям польских вояжеров.

Та же тенденция проявилась и во всех других советских указателях и сборниках путевой литературы.

В советской Украине единственным подобным указателем стала работа Вениамина Кордта «Чужоземні подорожні по Східній Європі до 1700 р.» [44], напечатанная в 1926 году на страницах одного из изданий Украинской академии наук. Несмотря на то что в ней отсутствуют упоминания польских путешественников, этот труд и сегодня остается ценным источниковедческим обзором путевой литературы.

А вот в напечатанном в 1936 году в Сталинграде сборнике «Исторические путешествия: извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге» [45] содержатся, между прочим, отрывки из воспоминаний Яна Потоцкого о путешествии в Астрахань.

Встречались в советской литературе и другие сборники, например «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке» [46] 1937 года издания; «Труды русских географов и путешественников XVI–XVIII вв. по изучению Украины и украинского народа» [47], напечатанный в 1954 году; «Африка глазами наших соотечественников: Отрывки из путевых записок XI–XIX вв.» [48], изданный в 1974 году; «Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века» [49], появившийся в 1991 году. Однако они не могли заполнить собой пробел, порожденный отсутствием обстоятельных академических исследований путевой литературы.

Некоторое исключение составляют, правда, работы ориенталиста Бориса Данцига «Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси» [50] и «Русские путешественники на Ближнем Востоке» [51], в которых он рассматривает вопрос путешествий из Руси-России на Ближний Восток, начало которым было положено странствием игумена Даниила (XII век). Впрочем, автора интересует только фактическая сторона путевой литературы. Он специально подчеркивает, что «российские путешественники своими точными, правдивыми и обстоятельными известиями о странах Ближнего Востока внесли ценный вклад в его изучение» [50, с. 230–231]. С точки зрения не только современных

исследователей, но даже и ученых Российской империи, такие заявления выглядят несколько наивно отчасти из-за нелепой идеализации.

И еще одна небольшая работа с красноречивым названием «Использование трудов западноевропейских путешественников как источников по истории Нижнего Поволжья» [52], напечатанная в Волгограде в 1989 году, также написана с позиций советской методологии. В ней, во-первых, преимущество отдано фактической стороне путевой литературы, во-вторых, по исконно советской традиции «неудобные» фрагменты записок, в которых Московское государство предстает по отношению к обитателям Нижнего Поволжья агрессором, попросту изъяты из общего контекста.

Итак, можно с уверенностью констатировать, что советская историческая наука, жестко ограниченная в своем развитии позитивистской методологией и коммунистической идеологией, не внесла заметного вклада в теоретическое и практическое изучение путевой литературы.

Филологические исследования записок путешественников.

При таком отношении к проблеме со стороны историков совершенно естественным было то, что вопросами изучения путевой литературы занимались преимущественно филологи – им приходилось затрагивать значительно более широкий круг вопросов, нежели только стилевые особенности данного жанра.

Начало подобных исследований было положено почти программной работой Татьяны Роболи «Литература путешествий» [53], вышедшей в 1926 году. Во-первых, автор обратила внимание на то, что все разнородные элементы, из которых состоит описание любого путешествия, объединяются только одним мостиком – авторским восприятием, которое, таким образом, становится самоценным предметом рассмотрения. Во-вторых, продолжая мысли упомянутого выше Василия Сиповского [12], исследовательница утверждает, что характерной особенностью путевой литературы является соединение географического, исторического и этнографического материала со «сценками, размышлениями, лирическими отступлениями» [53, с. 48]. Наконец, Т. Роболи обратила внимание на такой ранее игнорируемый элемент любых записок путешественников, как «читатель». По ее мнению, многочисленные намеки автора на какие-либо

личные события создают в путевой литературе «иллюзию интимности» [53, с. 44], а сам читатель выступает в качестве персонажа произведения – хотя скрытого и пассивного [53, с. 71]. Именно возможностью присоединиться к тандему «вояжер – читатель» Татьяна Роболи поясняет популярность среди грамотного населения жанра путешествия. Взгляды исследовательницы оказали существенное влияние на последующих специалистов в этой области.

До середины XX века внимание следующих трех литературоведов – Анатолия Кучерова, Григория Гуковского и Льва Пумпянского – было сосредоточено преимущественно на филологических аспектах путевой литературы, поэтому неудивительно, что две из трех их работ были изданы в рамках десяти томного издания «История русской литературы».

А. Кучеров в статье «Сентиментальная проза и литература путешествий» [54] сосредоточился на исследовании влияния, оказанного «Письмами русского путешественника» Николая Карамзина на последующие путевые записки. Г. Гуковский в своем капитальном труде «Русская литература XVIII века» [55] сравнивает «Письма» Н. Карамзина с «Путешествием из Петербурга в Москву» Александра Радищева и находит, что весь фактический материал, «энциклопедию западной жизни и культуры», Николай Карамзин, в отличие от А. Радищева, показывает «не сам по себе, а как свое личное переживание» [55, с. 514]. В исследовании Л. Пумпянского «Сентиментализм» [56] также подчеркивается, что хотя жанр «реального путешествия» требует «достоверности и серьезности сообщаемых сведений», однако повсеместно произведения вояжеров пронизаны «принципиальным превосходством души автора над всем, что он видел, что рассказывает» [56, с. 443]. Таким образом, советская филология намного раньше советской истории начала применять в своих исследованиях антропологические подходы, а проще говоря – увидела за черно-белыми текстами воспоминаний живые личности их авторов.

Важную роль, которую сыграли в развитии путевой литературы декабристы, отмечают в своих работах некоторые исследователи. Так, например, Василий Базанов в книге «Очерки декабристской литературы» [57] сравнивает записки путешественников эпохи

сентиментализма с дорожными воспоминаниями декабристов. А в книге Нины Петруниной «Декабристская проза и пути развития повествовательных жанров» [58] утверждается, что начало XIX столетия было важной вехой, когда «складывается новый тип путевых заметок, широко раздвинувший их традиционные границы – письма и записки участников войн с Наполеоном, особенно Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии» [58, с. 56].

Работы литературоведов 70-х годов XX века, посвященные путевым запискам, выходят на качественно новый уровень изучения проблемы. Так, научное наследие выдающегося литературоведа Всеволода Михельсона включает семь специализированных статей (1955–1971), докторскую диссертацию и написанную в 1974 году монографию под названием «Путешествие» в русской литературе» [59], в которой была сделана попытка разработать универсальную концепцию развития российской путевой литературы XVIII–XIX веков в русле господствующих в то время литературно-идеологических течений. «Если очерк даже не входил в перечень жанров классицизма, – отмечает В. Михельсон, – то «литературное путешествие» классифицировалось в соответствии с литературными направлениями» [59, с. 105]. Исследователь выделяет сентиментальное «путешествие» Карамзина, романтические «Письма из Дагестана» Александра Бестужева-Марлинского и написанные в жанре реализма «Путешествие в Арзрум» Александра Пушкина и «Письма из Италии и Франции» Александра Герцена. Предлагаемое в этой книге деление записок польских путешественников на эпохи восходит (но не ограничивается) к идее Всеволода Михельсона.

Значительное внимание в описываемый период было уделено в советской историографии изучению «хождений» и паломничеств русских путешественников. Особенно на этом поприще отметился филолог Николай Прокофьев – на его счету множество работ, среди которых «Хождения как жанр древнерусской литературы» [60], «Древнерусские хождения и литература путешествий нового времени (к вопросу о преемственной связи жанров)» [61], «Хождение: путешествие и литературный жанр» [62] и «Записки русских путешественников XVI–XVII вв.» [63]. Однако в раскрытие темы путешествий позднейших эпох его вклад незначителен.

В работе Натальи Масловой «Путевые записки как публицистическая форма» [64], опубликованной в 1977 году, впервые предпринимается оригинальная попытка отделить путевую литературу от «художественного искусства» и определить ее в качестве жанра публицистики. Вторая ее работа «Путевой очерк: проблемы жанра» [65], по сути, повторяет предыдущий вывод. На сегодняшний день рассматривать записки путешественников с литературной точки зрения не как беллетристику, а как публицистику представляется полностью обоснованным.

Еще одна попытка начертить общую схему развития русской путевой литературы принадлежит Виктору Гуминскому. Этот литературовед, доктор филологических наук, в своих трудах «К вопросу о жанре «путешествий» [66] и «Открытие мира, или Путешествия и странники» [67], изданных в 1977 и 1987 годах соответственно, подчеркивал, что записки путешественников являлись самым востребованным литературным жанром именно в переходные периоды развития словесности. Однако в его работах отсутствуют четкие характеристики заявленных переходных периодов, что затрудняет применение его концепции в практической работе.

Глубиной анализа поставленных вопросов отличаются работы Елены Ивашиной «Путешествие» как жанр русской литературы конца XVIII – первой трети XIX в.» [68] та «О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в.» [69], вышедших в 1978 и 1979 годах. В работах раскрыта специфика и роль жанра путешествий в исследованный период. Главное же достижение Е. Ивашиной – это выявление того факта, что к началу 30-х годов XIX столетия литературное путешествие как жанр начинает «выдыхаться», а границы, отделяющие записки вояжеров от отчетов научных экспедиций, теряют былую четкость. На этом фоне совершенно естественным выглядит включение путешественниками (в том числе и польскими) в свои воспоминания разнообразных исторических и статистических сведений, полученных из специализированной литературы.

По мнению филолога Ирины Мальцевой, высказанному в работе 1981 года «Записки путешествий XVIII века как источник литературного языка и языка художественной литературы» [70],

XVIII столетие характеризуется, среди прочего, конвергенцией записок путешественников и собственно мемуарной литературы, которая в это время начинает приобретать все большую популярность в российском обществе. Этот вывод позволяет нам рассматривать автобиографии вояжеров (в нашем случае – Густава Олизара) как составную часть путевой литературы.

Новый шаг в разработке теории изучения записок путешественников сделал в 1984 году упомянутый уже Юрий Лотман. В исследовании творческого наследия Николая Карамзина автор сформулировал новый подход к изучению путевых писем русского историка: «через текст – к личности автора и от нее – снова к тексту» [71, с. 526], что на сегодня, в свете «антропологической революции» в современной историографии (см. следующий раздел), представляется очевидным. Исправленное и дополненное издание труда «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры», где идеи Ю. Лотмана получили продолжение, было осуществлено в 1997 году [72], уже после смерти автора.

Украинская эмиграционная историография путевой литературы. Здесь следует вспомнить две работы украинских ученых-эмигрантов, посвященные запискам иностранных путешественников, написанные в XX веке, но изданные в Украине только после провозглашения независимости.

В частности, речь идет о работе Владимира Сичинского «Чужинці про Україну», написанной в 30-е годы XX столетия, опубликованной в Аугсбурге [73] и переизданную во Львове в 1991 году [74]. Книга разбита на шесть разделов: «найстарші відомості», «відомості про Запорізьку січ», «доба Богдана Хмельницького», «доба Мазепи», «доба від середини XVIII ст.» и «XIX століття», в книге есть список литературы и указатель иностранных авторов. В целом к прямому цитированию автор прибегает нечасто, заменяя цитаты обширным пересказом. Упомянуты в работе и польские путешественники, но лишь те, которые не относятся к изучаемому нами периоду.

Вторым значительным трудом в этой категории является монография профессора Мюнхенского университета Олексы Винтоня-

ка «Україна в описах західноєвропейських подорожників другої половини XVIII ст.» [75], вначале защищенная автором в качестве диссертации, а в 1995 году напечатанная параллельно во Львове и Мюнхене. Благодаря суженным временным рамкам автору удалось сосредоточить внимание на 14 путешественниках: Балтазаре Ганети, Карле Гаммарде, Иоганне Готфриде, Самуэле Гмелини, Иоганне Гильденштедте, Эрнесте Дримнелмане, Балтазаре фон Кампенгаузене, Эдварде Клерке, Вильгельме Коксе, Джозефе Маршалле, Иоганне Меллери, Луи Мессельере, Петере Палласе и Фроанце де Тотте. Исследователь привел не только библиографию и характеристику трудов этих вояжеров, но и их биографии.

По наблюдению О. Винтоняка, главный интерес для путешественников того времени представляли политика российского правительства по проведению массовой колонизации недавно приобретенных земель Северного Причерноморья, введение крепостничества на бывших землях Гетманщины и этнографические особенности украинцев.

Оригинальному тексту предшествует вступительная статья профессора Ярослава Дашкевича, в которой он, кроме источниковедческого анализа собранных материалов и оценки значения трудов иностранных вояжеров как источников к истории Украины, дополняет работу Олексы Винтоняка именами Иоганна Генриха Мюнца (Жана Анриа), Карла Бормея Феерабенда и Адама Нарушевича [75, с. 3–17].

Итак, украинская эмигрантская историография в той же степени, как и советская, характеризовалась отсутствием итоговых трудов по теории изучения путевой литературы, ограничиваясь спорадическим интересом к отдельным вояжерам или историческим периодам.

Таким образом, утилитарный и непостоянный интерес советских историков к путевой литературе, отсутствие фундаментальных трудов по данной тематике, смещение исследовательских аспектов из области истории в область филологии – все это делает для сегодняшних ученых, занимающихся изучением записок путешественников, применение комплексных междисциплинарных подходов не просто возможным, и совершенно необходимым.

Современные теории и методы изучения путешествий

Западная историография. Несмотря на то что путевые заметки ведут свое происхождение с античных времен – от «Анабазиса» Ксенофонта и «Записок о Галльской войне» Цезаря, будучи также связаны с не менее известными именами Марко Поло, Ибн Батуты или Христофора Колумба, – научный интерес к ним в Европе появился лишь в середине XIX столетия [76, с. 608]. Но ни в конце того века, ни до середины следующего дневники, мемуары, автобиографии и исповеди не считались господствовавшими в то время позитивистской и модернистской методологией источниками, достойными значительного внимания исследователей.

Подлинный переворот в западной исторической науке в отношении к путевой литературе произошел в 1978 году с появлением книги Эдварда Саида «Orientalism» («Ориентализм») [77], российское издание 2006 года [78]. В этом, без сомнения эпохальном, исследовании было доказано, что записки путешественников не так отображают реальное состояние вещей (в контексте книги – на Ближнем Востоке, вспомним наивные утверждения Бориса Даницига), как создают новые или подтверждают уже сложившиеся стереотипы (в точности как говорил Виссарион Белинский [8, т. 6, с. 59–60]) – и это касается не только случайных вояжеров, но и профессиональных ученых. «Когда ученый-ориенталист путешествовал по стране своей специализации, то неизменно рассматривал ее сквозь неоспоримые абстрактные максимы по поводу «цивилизации». Редко когда ориенталистов интересовало что-нибудь еще помимо доказательства верности этих банальных «истин», добываемых через их применение (впрочем, без особого успеха) к непонимающим, а следовательно, выродившимся туземцам» [78, с. 83]. Более того, представления европейцев не только о «чужаках», но и о самих себе, о своей мощи складывались под влиянием сравнений, проводимых в путевой литературе. «По мере того как Европа раздавалась вширь, крепло и ощущение ее культурной силы. Причем именно из таких рассказов путешественников... в итоге появлялись колонии и крепи этноцентрические представления» [78, с. 180].

Свои мысли по поводу влияния на империалистическую политику европейских государств культуры в целом и романов и путевой литературы в частности Эдвард Саид изложил еще в одной книге – «Culture and imperialism» («Культура и империализм»), вышедшей в 1993 году [79], украинское переиздание 2007 года [80]. В этом труде, посвященном владычеству европейцев над странами Среднего Востока и Африки, автор также анализирует вклад в имперскую политику и культуру Европы, который сделали путешественники по малоизученным землям. Причем, по мнению Э. Саида, не только записки вояжеров влияли на сознание европейцев, но осуществлялся и обратный процесс: «В своих путевых заметках и исследованиях главным авторитетом... наделяющим смыслом не только колонизацию, но и само существование экзотических географий и народов, вы представляли бы собственное сознание» [80, с. 25]. После появления «Ориентализма» западные исследователи начали постепенно переходить от рассмотрения воспоминаний вояжеров как обычного набора фактов к восприятию их в качестве самодостаточных источников.

Еще одним знаковым трудом, засвидетельствовавшим утверждение новой точки зрения, теперь и на восточноевропейской основе, стала напечатанная в 1994 году книга Лари Вульфа «Inventing Eastern Europe: the Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment» («Изобретение Восточной Европы: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения») [81], перевод на украинский язык 2009 года. [82]. В этом труде, отображающем возникновение и эволюцию западноевропейских представлений о востоке континента, главными источниками являются именно записки путешественников и эссе философов. Что характерно, автора интересуют не столько объективные известия вояжеров, сколько стереотипы, господствовавшие в образованных кругах Англии, Франции и Пруссии относительно земель между Вислой и Волгой.

Другим показательным примером является работа Марии Тодоровой «Imagine the Balkans» («Воображая Балканы») [83], изданная в 1997 году. Подобно книге Лари Вульфа работа М. Тодоровой построена не на отчетах научных экспедиций или официальных документах, а на впечатлениях путешественников из других регионов Европы.

В целом в 80-х годах XX века в западной историографии произошла настоящая «антропологическая революция», одним из важнейших следствий которой стало выделение истории путешествий в специальную отрасль знаний на границах культурной истории, ментальной географии и традиционных студий над мемуарами [84, с. 30–48; 85].

Открывает наш обзор написанных в новом ключе работ книга Перси Адамса «*Travellers and Travel Liars, 1600–1800*» («Путешественники и путевая ложь: 1600–1800 гг.») [86], первый раз изданная еще в 1962 году, а затем переработанная для издания 1980 году, в которой рассмотрены недостоверные сведения и совершенно фантастические рассказы, распространявшиеся плохо образованными первопроходцами, преимущественно конкистадорами, глубин Америки и Африки.

Англоязычная историография 80-х годов XX века представлена, в частности, работой Поля Фуссела «*Abroad: British Literary Traveling between the Wars*» («За границей: британская путевая литература между войнами») [87], ее содержание раскрывается в названии.

Интересна книга Джона Кея «*Eccentric Travellers: Excursions with Seven Extraordinary Figures from the Eighteenth and Nineteenth Centuries*» («Эксцентрические путешественники: экскурсии с семью экстраординарными фигурами восемнадцатого и девятнадцатого столетий») [88], в которой мы знакомимся с ныне забытыми, но весьма популярными в свое время вояжерами: капитан Филипп Тикнес, например, путешествовал по Европе с обезьяной; Томас Маннинг был первым европейцем, говорившим с далай-ламой; Джеймс Холман путешествовал, будучи слепым; Джон Кокран собирался обойти всю Землю, но влюбился в 15-летнюю девочку и осел в Москве; Чарльз Уотертон отправился в Америку бороться с амазонскими кайманами; Йозеф Вольф исходил вдоль и поперек Святую Землю, после чего вознамерился стать папой римским и даже приготовил себе новое имя – Гильдельбранд; Уильям Палграв так владел арабским языком, что сумел инкогнито посетить Мекку; наконец, Готтлиб Лейбнер, владевший 15-ю языками, отправился в Индию и вывез оттуда нескольких аборигенов с целью придать своему поместью экзотичность.

Немаловажной представляется работа Элтона Глазера «The Self-Reflexive Traveler: Paul Theroux on the Art of Travel and Travel Writing» («Саморефлективный путешественник: Поль Теру в искусстве путешествия и путевых записок») [89] в качестве примера литературной мистификации, поскольку и сам путешественник, и его приключения являются воображаемыми, зато преисполненными тонкой иронией по отношению ко всей путевой литературе вообще.

В историографии XX – начала XXI века теоретическое направление «travel literature» («путевая литература» или же «травелог») презентована трудами таких ученых, как Денис Портер, «Haunted Journeys: Desire and Transgression in European Travel Writing» («Преследованные вояжеры: желание и подъем в европейской путевой литературе») [90], в котором автор проявил внимание к психологическим мотивам путешествий; Мэри Прагг, «Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation» («Имперский взгляд: путевая литература и транскультурация») [91], в котором речь идет о влиянии записок вояжеров на колониальное сознание викторианской эпохи, и Али Бегдад, «Belated travelers: orientalism in the age of colonial dissolution» («Запоздалые путешественники: ориентализм в эпоху колониального распада») [92], где главным объектом исследования стали вояжеры, преимущественно немецкие, конца XIX века, прибывшие на Восток уже после формирования устойчивой традиции ориентализма.

Ряд работ этого периода посвящены гендерным студиям с точки зрения путешествия – например, книга Сары Миллс «Discourses of Difference: An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism» («Беседы разных: анализ женской путевой литературы и колониализма») [93]; Карен Лоуренс «Penelope Voyages: Women and Travel in the British literature tradition» («Вояж Пенелопы: женщины и путешествия в британской литературной традиции») [94], в которых речь идет не только о феномене женщины-путешественницы, но и о вояже как возможности определить и изменить границу традиционных женских ограничений в английском обществе; два труда Элисон Блант: книга «Travel, Gender and Imperialism: Mary Kingsley and West Africa» («Путешествие, гендер и империализм: Мэри Кингсли и Западная Африка») [95] и статья «The Flight from

Lucknow: British Women Travelling and Writing Home from India» («Вылет из Лакхнау: британские женские путешествия и письма домой из Индии») [96] в сборнике с красноречивым названием «Writes of Passage: Ambiguity and Contradiction in British Colonial and Post-Colonial Travel Writing» («Записи прохождения: двусмысленности и противоречия в британской колониальной и постколониальной путевой литературе») – в обоих исследованиях сосредоточила внимание на неразрывности гендера и восприятия пространства, доказав, что путевая литература мужчин и женщин совершенно различна; следует вспомнить подобные студии Индиры Гоуз над ролью гендерного вопроса во время вояжа в ее работе «Women Travelers in Colonial India: The Power of the Female Gaze» («Женщины-путешественницы в колониальной Индии: сила женского взгляда») [97].

Не останавливались исследования в обозначенных областях и с наступлением XXI века. Заслуживают внимания, например, постколониальные студии Барбары Корте «English Travel Writing: From Pilgrimages to Postcolonial Explorations» («Английская путевая литература: от паломничества до постколониальных исследований») [98]; изучение Майклом Кронином функций языка во время вояжа в труде «Across the Lines: Travel, Language, and Translation» («Вдоль линии: путешествие, язык и перевод») [99]; исследование политических функций путешествия Бернарда Швайцера «Radicals on the Road: The Politics of English Travel Writing in the 1930s» («Радикалы в дороге: политика английской путевой литературы в 1930-х гг.») [100].

Весьма интересной является работа Дениса Нэша «On Travelers, Ethnographers and Tourists» («На путешественников, этнографов и туристов») [101], в которой не только обсуждается разница между викторианской и современной традициями путевой литературы, но и доказывается, что различие между путешественниками, этнографами и туристами являются виртуальными и при более детальных исследованиях можно будет увидеть их преувеличение.

Заслуживают внимания два тематических сборника под редакцией Кристи Зигеля с многообещающими названиями: «Issues in Travel Writing: Empire, Spectacle, and Displacement» («Вопросы в

путевой литературе: империя, спектакль и перемещение») [102] – 18 эссе, которые охватывают широкий круг вопросов, связанных с путешествием, и «Gender, genre, and identity in women’s travel writing» («Гендер, жанр и сознание в женской путевой литературе») [103].

Успешно завершился многолетний труд Тима Янгса, основавшего специализированный журнал «Studies in Travel Writing» («Студии над путевой литературой»), а также издавшего два сборника работ (в соавторстве): в 2002 году – «The Cambridge Companion to Travel Writing» («Кембриджский попутчик путевой литературы») [104] и в 2004 году – «Perspectives in Travel Writing» («Перспективы в путевой литературе») [105].

Французская историография представлена немного скромнее, однако ключевые работы в ней стали появляться не позднее, чем в английской. Так, например, книга Марии-Терезии Гипп «Mythes et réalités, enquête sur le roman et les mémoires» («Мифы и реалии: изучая роман и мемуары») [106] была напечатана в 1976 году, еще до появления «Ориентализма».

Следует также отметить статью Владимира Береловича «La France dans le «Grande tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIII siècle» («Франция в «Гранд-тур» российского дворянства второй половины XVIII столетия») [107], в которой содержится не только анализ «большого вояжа» молодых дворян Российской империи за границу, но и детальные подсчеты.

Небезынтересна книга Валери Берти «Un essai de typologie narrative des récits de voyage français Orient au XIX siècle» (Исследование типологии рассказов из вояжей по французскому Востоку в XIX веке») [108], где отделяются друг от друга собственно путешествие и туризм, а также проанализирована трансформация во времени путевых записок как литературного жанра.

В коллективной работе «La culture du voyage: Pratiques et discours de la Renaissance à laube du XX siècle» («Культура вояжа: практики и дискурсы от Ренессанса до начала XX столетия») [109] рассматриваются такие проблемы, как соотношение и взаимосвязи между текстами записок путешественников и тогдашней литературной традицией, круговорот сведений между вояжерами и от

них – читателям, а также само восприятие феномена путешествия современниками.

Еще одна недавняя коллективная монография французских исследователей «Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal: Contraintes nationales et tentations cosmopolites» («Вояжи по Европе от Гумбольдта до Стендаля: трудности национального и искушение космополитического») [110] предлагает сосредоточиться на ряде вопросов, как-то: изменение маршрутов европейских путешествий с течением времени, взаимовлияние научных сведений и свидетельств вояжеров, соотношение между реальными впечатлениями от путешествия и их последующим описанием.

Нами в этом разделе были рассмотрены лишь важнейшие из всех научных трудов западной историографии, относящихся к изучению путевой литературы, поскольку размер этой книги не позволяет даже вскользь упомянуть все книги по этому вопросу. По нашим подсчетам, сделанным на основе работы под редакцией Кармен Андраш «New Directions in Travel Writing and Travel Studies» («Новые направления в путевой литературе и путевых студиях») [111], количество всех изданий, которые касаются сферы путешествий, за последние тридцать лет (т. е. с начала «антропологической революции») в западной (не только английской и французской) и турецкой историографии существенно превышает три тысячи (sic!) наименований.

Современная российская историография. В наше время в направлении, основанном Юрием Лотманом, работают другие исследователи, например Виталий Афиани и Любовь Хорошилова. В статье 1992 года «Познание России (путешествие как факт культуры и исторический источник)» [112] они рассматривают путешествие в качестве культурного феномена, которое не только отображает, но и самостоятельно создает сознание современников. По мнению авторов, записки вояжеров являются отдельным поджанром родственной им мемуарно-эпистолярной литературы.

Исследовательница Елена Малето в статьях «Зарубежный Восток в восприятии русских путешественников» (первая публикация в 1994 году в сборнике «Русская история: проблемы менталитета» [113], вторая – в 1997 году в сборнике «Россия и внешний

мир: диалог культур» [114]) и подготовленной в 2005 году на их основе монографии «Антология хождений русских путешественников XII–XV веков: Исследование. Тексты. Комментарии» [115] рассматривает эволюцию представлений о Востоке по материалам путешествий и паломничеств. Анализируя феномены, нашедшие отображение в путевой литературе, автор пришла к выводу, уже сделанному в начале XX столетия Константином Сивковым [13], что «образ иного» на протяжении XII–XV веков трансформировался под влиянием изменений в мировоззрении самих путешественников.

Паломничества на Святую Землю в новейшей российской историографии вообще вызывают немалый интерес. Стоит вспомнить сборник 1995 года «Путешествия в Святую землю: записки русских паломников и путешественников XII–XX вв.» [116], составленный Борисом Романовым, в котором собраны свидетельства о путешествиях в Палестину от игумена Даниила до Ивана Бунина, или сборник «Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей первой половины XIX века» [117], упорядоченный коллективом авторов. Комментарии к этим работам сосредоточены уже не столько на фактическом материале путешествия, сколько на ощущениях паломников и вояжеров.

К изучению природы путешествия присоединяются также и географы, например Борис Родман. В статье «Искусство путешествий» [118], опубликованной в 1995 году, описывает логистические аспекты выбора маршрута путешествия, а также стратегию и тактику его прохождения.

Сугубо историческим подходом отличается небольшая статья Юлии Кузнецовой «Литература путешествий как исторический источник: корреспонденция русского священника из Испании» [119]. В ней мы не находим теоретических постулатов – только более-менее качественный источниковедческий анализ путевых писем о Константина Кустодиева.

Небольшая статья Елены Мухиной «Национальные английские добродетели и пороки глазами русских писателей-путешественников XIX в.» [120] посвящена вопросу восприятия путешественниками менатлитета англичан и языковым аспектам этой проблемы. Той же темы касаются статьи Златы Канонистовой «Образ англи-

чанина на страницах русских путеводителей (вторая половина XIX – начало XX в.)» [121] и «Особенности восприятия Лондона русскими путешественниками во второй половине XIX – начале XX в.» [122], в которых она доказывает, что восприятие Англии путешественниками практически не менялось на протяжении второй половины XIX столетия.

Чрезвычайно интересной с точки зрения применения новых методологических подходов является книга Александра Эткинда «Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах» [123], изданная в 2001 году. Эта работа посвящена путешествиям, реальным и воображаемым, совершенным русскими вояжерами и писателями в Америку в последние два столетия, и влиянию, которые стали порождением подобных визитов. Среди вопросов, затронутых автором, рассматриваются: как и зачем Александр Пушкин читал Алекса Токвиля, как сексуальная революция в Америке повлияла на российское радикальное движение, почему Михаил Булгаков сделал персонажем «Мастера и Маргариты» американского посла. Свою методику автор характеризует как «новый историзм» – соединение интеллектуальной истории, политической науки и анализа путевой литературы.

Занимательной в контексте нашего исследования представляется публикация Олега Сухих «Прощай, цивилизация: переживание границы с Казахской степью русскими путешественниками XIX в.» [124]. В ней проанализированы как записки профессиональных вояжеров, так и воспоминания заключенных и ссыльных, пересекающих воображаемый рубеж Европы и Азии. Именно изучению слухов, легенд и стереотипов, окружавших этот символический рубеж, посвящена эта статья.

Зарождение интереса российского общества к истории Египта – тема книги Галины Беловой «Русские в стране пирамид: путешественники, ученые, коллекционеры» [125], второй раздел которой рассказывает о русских путешественниках по Востоку: Василии Григоровиче-Барском, Осипе Сенковском, Аврааме Норове, Порфирии Успенском, Данииле Мордовцеве и ряде литераторов и поэтов во главе с Николаем Гумилевым.

Особо следует выделить капитальное трехтомное издание «Русский путешественник эпохи Просвещения» доктора истори-

ческих наук Сергея Козлова [126]. В первом томе рассмотрены разнообразные путешествия русских XVIII столетия: академические экспедиции, образовательные вояжи, «Гранд-тур» молодых дворян. Второй том посвящен профессиональным российским путешественниками и их визитам в Северную и Южную Америку. В третьем томе рассматриваются и анализируются путевые записки из первого русского кругосветного путешествия Юрия Лисянского и Ивана Крузенштерна. Труд отличается целостностью подхода к предмету исследований и, в частности, раскрывает влияние европейской, прежде всего английской, традиции вояжа на русских путешественников.

Другим амбициозным проектом в этой сфере является монография доктора педагогических наук Игоря Зорина «Феноменология путешествий» – [127], которая должна появиться в восьми частях (на сегодняшний день опубликованы первые три). В первой – «Этнология путешествий» – рассмотрены два вопроса: во-первых, миграция как вид путешествия и ее влияние на процессы этногенеза; во-вторых, становление этнографических экспедиций как разновидности путешествия. Вторая часть – «Мифология путешествий» – посвящена такому виду античной культуры, как мифологические путешествия, т. е. воображаемые странствия героев и полубогов, составляющие основу не только мифологии, но и географии в понимании древних народов. Основу третьей части – «Философии путешествий» – составляет анализ восприятия античными философами путешествия как одной из форм целостного постижения мира, а также рассмотрения роли странствования в культуре древнего мира.

Другие заметные работы посвящены отдельным аспектам изучения путевой литературы. Так, ряд статей Павла Куприянова в журнале «Историк и художник» за 2004 год [128] акцентирует внимание на вопросах литературности записок и этнических стереотипов вояжеров. Также в центре изучения – соотношение факта и вымысла в мемуарах вояжеров, формирование традиций жанра травелога. Как можно заметить на этом примере, российская историческая наука только открывает для себя вопросы, уже решенные в западной историографии несколько десятилетий тому назад.

И, например, в статье географа Надежды Щербининой «Знания о природных ресурсах России в путевых заметках путешественников XVIII в.» [129] используются классические советские методы – автора интересуют лишь факты, приводимые вояжерами в своих воспоминаниях.

Интересной, но не более того, является хрестоматия «Записки путешественников и исследователей: вторая половина XVII–XVIII вв.» [130], составленная Надеждой Закаблуковской и содержащая отрывки из произведений путешественников, посетивших околицы Байкала.

Своеобразно подошел к изучению зарубежных визитов россиян в XIX веке в монографии «Русское зарубежье в первой половине XIX века» исследователь Владислав Гросул [131]. Его интересовали не путешествия как таковые, а та роль, которую вояжеры сыграли в установлении взаимосвязей между Российской империей и остальным миром. Автор пришел к выводу, что именно путешествия способствовали появлению в русском обществе нового типа людей, «известного как русский европеец. Вернее, русский западноевропеец» [131, с. 665]. Книга получила противоречивые отзывы, но стимулировала продолжение студий в данном направлении.

Не прекращаются в современной России и филологические изыскания в сфере путешествий. Среди последних работ стоит вспомнить статью доктора филологических наук Екатерины Стеценко «История, написанная в пути: записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.» [132]; профессора университета Иллинойс Марины Балиной «Литература путешествий» [133]; Татьяны Савченко «Литература «путешествий» второй половины XX века: константы жанра» [134] и Александра Сорочана «Е. П. Блаватская и женская литература путешествий» [135].

Большую практическую ценность имеет фундаментальная монография доктора филологических наук Валентины Науменко «Здесь, на конце России исполинской: Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII – начала XX века» [136], в которой собраны и, что немаловажно, проанализированы фрагменты произведений русской путевой литературы авторов, имевших отношение к финским землям. Книга состоит из двух частей: в первой анализи-

руются труды путешественников-ученых, во второй – вояжеров-литераторов, всего свыше сотни имен. Недостатком работы является отсутствие в ней обзора современных трудов в данной сфере и изложения авторской методики исследования.

Однако наиболее знаковыми публикациями последнего времени стали исследования питерского историка Александра Юрченко, посвященные известным путешественникам Средневековья. В книге «Христианский мир и великая монгольская империя» [137] впервые переведено на русский язык и проанализировано донесение Бенедикта Поляка, спутника знаменитого ватиканского посла к монголам Иоанна де Плано Карпини, причем в работе предпочтение отдано изучению именно мифов и слухов, окружающих Монгольскую империю, а не фактическим известиям. Вторая монография, чье содержание наглядно иллюстрируется названием – «Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография» [138], – является образцом применения в современной российской историографии современных теоретико-методических приемов изучения путевой литературы.

Следует заметить, что по проблематике путешествий и изучения путевой литературы в России за период с 1983 по 2010 год по специальностям «история», «культурология», «философия» (исключая филологию) было защищено 15 кандидатских диссертаций [139–153] и ни одной докторской.

Новейшая украинская историография. Современная отечественная историография в разработке методологии изучения путевой литературы продвигается сравнительно скромно. Если в обзоре западноевропейской литературы мы сосредоточили свое внимание только на знаковых работах, то в этом случае будем вынуждены перечислить почти все научные труды, касающиеся нашей темы.

Впервые к рассмотрению записок путешественников с новой точки зрения обратился известный отечественный историк и филолог Дмитрий Наливайко. В его фундаментальном труде «Очима Заходу: рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст.» [154], готовившемся свыше 30 лет и опубликованном в 1998 году, автор рассматривает, среди прочего, такие важные темы, как национальные стереотипы Украины в сознании жителей Западной Европы и

трансформация представлений о ней в течение столетий. Однако главным теоретическим достижением Д. Наливайко стало обоснование научного подхода к изучению так называемой «литературы факта», прежде всего – путевой литературы.

Автор корит советскую историческую науку не только за «пресловутую марксистско-ленинскую методологию с ее смехотворными претензиями на роль единственно истинной и эффективной», но и за преувеличение «научности» историографии минувших эпох, непонимание ее внутренних установок, недооценку тех аспектов, в которых наука пересекается с литературой. «Недооценивались и соответственные ее функции, те функции, в которых историография приближается к другой сфере духовно-практической деятельности человечества, к литературе и искусству» [154, с. 11–13]. Так, отмечает Дмитрий Наливайко, «в середине XIX ст., с распространением позитивизма, история переходит в сферу гуманитарных наук, берет на вооружение статистику, кое-какие средства и приемы естественных и точных наук, словом, приобретает сугубо научный статус. В значительной мере изменилось ее содержание, ее структура, в еще большей степени – ее формы и стиль, но всем этим, конечно, не аннулировался ее эстетический потенциал, ее эстетико-художественные возможности» [154, с. 14–15].

По мнению исследователя, недооценка литературной составляющей научных произведений прошлого ведет к непониманию их сути, а следовательно, это полностью ошибочный методологический путь. В полной мере это касается и «литературы факта», т. е. документальной и путевой литературы преимущественно XVI–XIX столетий. Д. Наливайко отмечает: «Это как раз тот период, когда в Западной Европе, развернувшей активное освоение всего мира, происходит настоящий расцвет этой литературы, различных ее жанров, таких как описания путешествий и разных миссий, отчеты, дневники, мемуары, письма и т. п. Она содержит огромный познавательный материал о жизни различных народов в различные эпохи и является источником первой величины для истории, этнографии, культурологии и других наук, широко ее использующих. Вместе с тем документальная литература также имеет прямое отношение к литературному процессу, более того, в определенные эпохи она играла в нем очень важную роль.

Удельный вес художественного элемента в ее памятниках может быть совершенно разным, но многие из них отличаются высокими художественными качествами и входят в классический литературный фонд» [154, с. 16–17].

Значительную конструктивную роль, особенно в XVI–XVIII веках, путевые заметки играли во взаимном познании и взаимном сближении народов, в развитии межнациональных и межрегиональных отношений. Книги странствий, воспоминания, письма и дневники людей, побывавших и поживших в отдаленных и малоизученных странах, знакомили соотечественников с жизнью различных народов, с их бытом и обычаями, общественным устройством и культурой, причем обрисовывая все это в меру своего литературного дарования, конкретно и колоритно, они тем самым приближали отдаленные народы к своим читателям. Последние в свою очередь кроме экзотических «изюминок» открывали в жизни этих народов много «своего», т. е. похожего, близкого или аналогичного.

Дмитрий Наливайко отмечает также активную причастность «литературы факта» к большим идейным движениям XV–XVIII столетий, ренессансного гуманизма, Просвещения, вообще к прогрессу передовой мысли. Как известно, заключает автор, гуманисты Возрождения развивали идею «единства человеческого рода», что в то время было важной новаторской мыслью. В противовес средневековому церковному понятию «братства во Христе», порождавшему религиозную нетерпимость по отношению к иноверцам, гуманисты выдвинули лозунг «братства в человечестве», долженствовавший способствовать разрушению конфессиональных и расовых барьеров. Более того, именно из записок путешественников, побывавших в отдаленных землях, вырастали критические мысли и отрицание общепринятых норм и догм. Простое сопоставление общественного строя, законов и верований экзотических стран с отечественными вело к тому, что понятия и явления, казавшиеся до того абсолютными и неизменными, показывались в ином свете, обнаруживая свою «земную природу» и относительность.

«В целом, – завершает Дмитрий Наливайко свою теорию исследований, – можно сказать, что «литература факта», играя огром-

ную роль в развитии тогдашних международных связей, активно действовала в направлении главных заданий передовой европейской мысли XVI – XVIII веков. Конечно, это совсем не означает, что в ее потоке не появлялись произведения, написанные с ретроградных позиций, пронизанные духом предубеждений, религиозной или национальной вражды. Таких изданий тоже появлялось немало, но не они определяли ее основное содержание, ее роль и значение в тогдашней общественной и духовной жизни. Причем очень часто произведения «литературы факта» отмеченное действие производили своей, так сказать, фактической стороной, своими старательными зарисовками с натуры, независимо от мировоззренческих горизонтов их авторов, которые в своих суждениях часто не поднимались над уровнем рядового дворянина или доброго католика» [154, с. 18–19]. За этот труд автор в 1998 году был удостоен Государственной премии Украины им. Т. Г. Шевченко.

Другим современным украинским ученым, обратившимся к обозначенной проблематике, стал крымский профессор Андрей Непомнящий. Его монография «Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX в.)» [155] стала первой в отечественном источниковедении работой, в которой корпус записок путешественников и близких к ним путеводителей был использован в качестве главных, а не вспомогательных источников. Автор раскрыл ряд интересных сюжетов, связанных прежде всего с мотивацией путешественников, приехавших в Крым, поясняя ее безопасностью степных путей после ликвидации Крымского ханства, романтическим ореолом вокруг полуострова и устойчивой европейской традицией воляжей: «Несмотря на то что насыщенная событиями, многогранная история края, переплетение здесь культур

Национальная библиотека Украины
им. В. И. Вернадского (Киев)

различных народов, уникальные природные ландшафты и климат всегда влекли сюда просвещенных европейцев, во времена Крымского ханства на такой вояж мог осмелиться ограниченный круг людей. Ситуация принципиально изменилась после 1783 года в связи с переустройством общественной жизни на полуострове на европейский лад. Это позволило отечественным и зарубежным путешественникам удовлетворить свое любопытство по отношению к столь таинственному и романтическому месту» [155, с. 38].

Важнейшим следствием массового паломничества как отечественных, так и иностранных вояжеров в Тавриду А. Непомнящий считает два факта. Во-первых, популяризацию истории и этнографии народов Крыма в обществе: «разработка и публикация в воспоминаниях туристов общих исторических очерков Крыма, подготовка разделов, связанных с историей отдельных городов или памятников, способствовали популяризации истории края», а во-вторых, накопление базового материала для позднейших основательных исследований полуострова: «готовясь к путешествию, а затем работая над описанием «крымских впечатлений», наиболее образованная часть путешественников систематизировала знания, накопленные до того в научной литературе», кроме того, следует подчеркнуть, что и сами по себе «записки путешественников, приложенные к ним и изданные отдельно виды, рисунки, фотографии являются для нынешнего поколения исследователей важным историческим источником», — отмечает Андрей Непомнящий [155, с. 77–78].

Автором также составлен наиболее полный на сегодняшний день список путешественников по Крыму с конца XVIII до начала XX столетия с указанием библиографических данных их мемуаров, дневников и записок. Нельзя не отметить, что в этом издании нашлось место описанию трудов шести польских вояжеров: Яна Потоцкого, Густава Олизара, Карла Качковского, Адама Мицкевича, Эдмунда Хоецкого и Антония Марчинковского. К исследованию записок путешественников Андрей Непомнящий возвращался и в ряде статей [156–160], и в фундаментальной монографии по истории изучения Крымского полуострова «Историчне кримознавство» [36], однако все они географически ограничивались территорией Крыма, что делает вопрос создания

подобных трудов на материалах других регионов Украины до сих пор актуальным.

В монографии харьковской исследовательницы Валентины Мацапуры «Украина в русской литературе первой половины XIX века» [161] изучаемой нами теме посвящен отдельный раздел под названием «Образ Украины в русской литературе 1800–1810 гг.: жанр путешествия».

«Жанр путешествия, – отмечает автор, – на рубеже XVIII и XIX веков выделяется как самостоятельный, имеющий синкретический характер. «Путешествие» подчиняет себе, вбирает в себя другие жанровые образования: <...> путевые очерки, анекдоты, дневники, письма, отрывки лирических произведений, документы и тому подобное. Рубеж восемнадцатого и девятнадцатого столетий характеризуется необычной популярностью этого жанра, который привлекал внимание как первоклассных, так и второстепенных авторов. Однако, несмотря на очевидную их популярность, «путешествия» изучены плохо» [161, с. 18–19].

Кроме теоретических изысканий в этой работе помещен анализ трудов предшественников, в частности уже упоминавшегося Дмитрия Наливайко, а также на основе источниковедческих разработок прошлого подсчитано количество русских писателей, побывавших в Украине в 1800–1850 годах и оставивших нам свои воспоминания в виде путевых записок. Всего их, как известных, так и совсем забытых, двадцать три человека [161, с. 19–20].

Среди главных достижений русских путешественников-литераторов В. Мацапура называет «открытие» вполне реального, хотя и чрезмерно романтизированного «малороссийского народа» и отстаивание, вопреки официальной пропаганде империи, отдельности этого народа. Большинство вояжеров признавало украинцев

*Таврический национальный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь)*

«отдельной нацией, отличающейся собственным менталитетом, образом жизни, особенностями быта, и имеющей собственный язык и историю» [161, с. 30].

Уделил внимание вояжерам по Крыму эпохи Российской империи еще один крымский исследователь – филолог Андрей Мальгин. В его работе «Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи (конец XVIII – начало XX в.)» [162] первый раздел – «К брегам полуденной Тавриды» – посвящен вкладу путешественников в становление и развитие Крыма как курорта.

А. Мальгин подошел к решению поставленной проблемы со структуралистским подходом – он не рассматривал маршруты и обстоятельства путешествия каждого вояжера отдельно, а составил общую картину условий поездок в Крым. Он заметил, что после первых экспедиций ученых-вояжеров вроде Петера Симона Палласа, которым приходилось преодолевать на своем пути значительные трудности, настал черед «пилигримов, которых звало в путь не какое-то определенное дело, а просто любопытство, поиски новых впечатлений, острые ощущения» [162, с. 16]. Тремя главными причинами, обусловившими ажиотаж вокруг путешествий по Крыму, автор называет «природу, «древности» и «этнографическую экзотику» [162, с. 19].

В первом разделе Андрей Мальгин раскрывает литературную подоплеку большинства вояжей; показывает изменения в количестве путешественников по Крыму за первую четверть XIX века; характеризует временные показатели поездок; сосредоточивает внимание на состоянии путей, способах передвижения и наиболее популярных маршрутах; предоставляет справку о распространении в Крыму путеводителей [162, с. 16–20]. Также автором описаны главные города и местечки Таврической губернии с точки зрения притягательности для туристов, комфорта и уровня услуг, там предоставляемых [162, с. 21–40].

Чрезвычайно показательным является тот факт, что А. Мальгин подчеркнул взаимосвязь между путешествиями по Крыму и господствующими литературными движениями: «В. Измайлов и П. Сумароков являлись ярчайшими представителями литературы эпохи сентиментализма, авторы пушкинской эпохи – романтики

(Гераков, Муравьев-Апостол), писатели 30–40-х годов (Белинский, Свиньин, Пассек) – реалисты.

Господствующее литературное направление, таким образом, оказывало серьезное влияние если не на непосредственное восприятие, то на его последующую литературную обработку» [162, с. 41].

Отдельный подраздел – «Иностранцы в Тавриде во время мира и войны» – посвящен иностранным вояжерам. В нем также обращается внимание на обстоятельства, вызвавшие интерес путешественников, а их самих автор сгруппировал не по хронологии или маршрутам, а по национальностям – англичане, французы, немцы, итальянцы [162, с. 61–66].

Значительное внимание Андрей Мальгин посвятил специфическому явлению путешественников-военных, посетивших Крым и описавших его памятники во время Крымской войны [162, с. 67–71]. И «хотя Крымская кампания <...> вкрай расстроила только что начинавшее становиться на ноги местное хозяйство, за ее событиями все же нельзя отрицать известного положительного значения в дальнейшей судьбе полуострова как туристского региона» [162, с. 71]. Так, по мнению автора, война способствовала быстрому развитию транспортной инфраструктуры, появлению множества отелей и трактиров и, наконец, небывалому всплеску интереса к Крыму в Западной Европе.

Завершается подраздел обзором первого американского вояжа на полуостров, совершенного в 1867 году. После этого «финального аккорда», отмечает исследователь, посещение иностранцами Крыма становится делом обыденным» [162, с. 73]. Среди тогдашних польских путешественников в работе упомянуты Адам Мицкевич и Густав Олизар.

Отдельным аспектам изучения записок путешественников посвящены небольшие статьи украинских ученых: Татьяны Крутой «Дневник ак. Гильденштедта как источник по истории Донбасса» [163]; Марии Вальо «Подорож Якова Головацького в контексті подорожньої літератури про Карпати» [164]; Николая Варварцева «Україна в оцінках і свідченнях Заходу: французькі інтерпретації першої половини XIX ст.» [165]; Петра Брицкого «Німецькі мандрівники і посли про Україну в історії Середньовіччя і Нового часу» [166]; Петра Бо-

чана «Відомості німецьких мандрівників і послів – важливе джерело історії українського народу» [167]; Марии Федунь «Подорожня література в західноукраїнській мемуаристиці першої половини ХХ століття» [168]; Сергея Черноуса «Жанрова своєрідність подорожей Юзефа Ігнація Крашевського» [169].

Отдельно следует упомянуть монографию крымского филолога Елены Деремедведь «Крымская Ривьера: авантюрные приключения англичанок в Тавриде» [170], описывающую маршруты поездок и специфику женских путевых заметок на примере английских путешественниц по Крыму конца XVIII – первой четверти XIX века. Нужно отметить, что заявленной теме посвящены еще несколько статей исследовательницы [171–174].

Значительным вкладом в развитие путевых студий стали опубликованные материалы ряда крымских международных конференций под общим названием «Пилигримы Крыма: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме», а также одноименного сборника статей, вышедшего в 1998–2003 годах [175–180]. На страницах этих сборников размещено множество статей, представляющих интерес для любого исследователя феномена путешествия и путевой литературы. В рамках нашей темы особенное внимание уделено статье Станислава Цинала, касающейся пребывания в Крыму Адама Мицкевича: «Мицкевич в гостях у караимов в Евпатории» [181].

В завершение обзора новейшей украинской историографии следует уделить внимание и диссертационным исследованиям по путевой проблематике. За девятнадцать лет независимости на темы, связанные с путешественниками, были защищены лишь три диссертации. Так, в Донецке в 2000 году первой защищена диссертация Натальи Никифорова «Мандрівні записки Й. А. Гільденштедта як джерело з соціально-економічної історії України другої половини XVIII ст.» [182]; следующие две работы: Петра Бочана «Україна в поглядах німецьких і французьких вчених, послів і мандрівників XVII–XIX ст.» [183] и Елены Деремедведь «Жанрові особливості англійської жіночої літератури мандрів кінця XVIII – першої половини XIX століття (на матеріалі творів про Крим)» [184] – были защищены в 2008 году в Черновцах и Симферополе соответственно.

Изучение вышеуказанных книг и диссертаций дает возможность увидеть процесс весьма медленного проникновения в украинское научное сообщество новых методологических установок, приемов и мировоззренческих идей. Если в диссертации Н. Никифоренко ис-

Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко (Симферополь)

пользовалась целиком позитивистская советская методология, соседствующая с осторожными попытками включить в работу изучение «повседневности», то в труде П. Бочана можно увидеть ссылки на новые методики исследования. Однако лишь диссертация Е. Деремедведь, на материалах которой была написана вышеупомянутая монография, претендует на полноценное использование нового подхода к изучаемой тематике. В этой работе не только широко применялись методы антропологического исследования, но и сделан акцент на чрезвычайно популярные в западной науке гендерные студии.

Изучение наследия польских вояжеров в советский период и нынешнее время

Советская историография. Советская историография имела в своем распоряжении только одну научно-популярную работу, посвященную непосредственно польским путешественникам и их вкладу в развитие науки, но и она была переведена с польского языка. Речь идет о книге Ядвиги Худзиковской и Яна Ястера «Ludzie wielkiej przygody» [185], изданной в СССР в 1957 году под заголовком «Люди великой отваги: рассказы о польских путешественниках» [186]. Она охватывает период с XIII по XIX столетие, на ее страницах упоминаются 13 вояжеров, в частности—Ян Потоц-

кий [186, с. 52–76]. В книге приведена его подробная биография и упомянуты важнейшие научные труды, но это издание лишено справочного аппарата, поэтому не может полностью удовлетворить исследователей данной проблематики. Отдельные сведения относительно биографии и творческого наследия Яна Потоцкого содержатся в советских трудах по истории Астрахани: С. Бернштейна-Когана [187], А. Маркова [188], В. Никитина [189]; Кавказа: Н. Орловской [190], И. Алироева [191], Т. Равдоникаса [192] и Ближнего Востока – уже неоднократно упоминавшегося Бориса Данцига [193].

Станислав Сестренцевич-Богуш не удостоился ни одного специального исследования, но отдельные аспекты его деятельности освещались в работах Григория Белова «Херсонес Таврический: историко-археологический очерк» [194], Василия Базанова «Вольное общество любителей российской словесности» [195], Александра Каждана «Церковь в истории России в IX в. – 1917 г.: критические очерки» [196], Олега Домбровского «Средневековые поселения и «исары» Крымского Югобережья» [197], Александра Формозова «Пушкин и древности юга России» [198] и некоторых других. Сведения о деятельности прелата-вояжера в этих работах крайне фрагментарны, биографические известия отсутствуют вовсе.

Густав Олизар оказался в центре внимания советских исследователей по двум причинам: из-за личного знакомства с Александром Пушкиным и мнимого участия в декабристском движении. Его литературному наследию посвящена работа Павла Ивинского «К истории русско-польских литературных связей эпохи Романтизма: А. С. Пушкин и Г. Олизар» [199], литература об участии Г. Олизара в национально-освободительном движении значительно обширнее. Здесь мы находим статью Лидии Медведской «Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество» [200, с. 296–314], книги Прохора Ольшанского «Декабристы и польское национально-освободительное движение» [201, с. 162–163], Ольги Орлик «Декабристы и европейское освободительное движение» [202, с. 142–143], Ивана Хренова «Очерки революционных связей народов России и Польши: 1815–1917 гг.»

[203, с. 67–68] и очерк Милицы Нечкиной «Олизар» в сборнике «Декабристы: биографический справочник» [204, с. 294–295]. Во всех этих изданиях Густав Олизар предстает как выдающийся революционер и уникальный посредник между российским и польским освободительным движениями, что является сильным преувеличением, как это следует из воспоминаний самого вояжера.

Советская историография жизни и творчества Адама Мицкевича чрезвычайно обширна, однако специализированных трудов, посвященных Мицкевичу-вояжеру, в ней не нашлось. О пребывании поэта на юге Российской империи рассказывает только одна работа – статья Якова Борового: «Мицкевич накануне восстания декабристов. Мицкевич в Одессе» [205], опубликованная в сборнике «Декабристы–литераторы». Значительное число позднейших трудов по литературоведению, декабристскому движению и биографии А. Мицкевича ничего не прибавили к выводам, сделанным в этой статье.

Имя Генрика Жевуского в советской литературе упоминалось преимущественно в контексте его отношений с Адамом Мицкевичем; впрочем, в одной работе его деятельность рассматривалась отдельно, хотя и поверхностно. Речь идет о книге Нинель Мохнач «Идейная борьба в Белоруссии в 30–40-е годы XIX в.» [206], где позиция Г. Жевуского исследована в разрезе тогдашних общественно-политических отношений, раскрыты его взгляды на «крестьянский вопрос» и роль аристократии [206, с. 56–58]. В остальных работах советской эпохи путешественник выступает в качестве второстепенного персонажа.

Сведения о Карле Качковском, которыми располагала советская историография, крайне немногочисленны и касаются преимущественно пребывания вояжера в Одессе, где он встречался с Адамом Мицкевичем: уже упомянутая статья Я. Борового [205, с. 412, 445–461] и комментарии в сборнике материалов под редакцией Бориса Томашевского «Пушкин: исследования и материалы» [207, с. 437–438]. О судьбе сосланных в Казахстан товарищей К. Качковского по восстанию можно узнать из книги Гайрата Сапаргалиева «Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане» [208].

Как и большинство своих предшественников, Эдмунд Хоецкий так же не удостоился отдельной работы в советской литературе, но количество упоминаний о нем уступает лишь количеству упоминаний об Адаме Мицкевиче. Э. Хоецкий служил примером литератора-реалиста в книгах В. Витта [209; 210], Л. Будаговой [211], Р. Кырчива [212], О. Цыбенко [213] и Б. Бялокозовича [214]. Имя вояжера появлялось в примечаниях к изданию трудов Александра Герцена и Николая Огарева [215–219], а также в работах, посвященных революционерам – А. Герцену (Ирины Белявской «А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века» [220] и Вадима Прокофьева «Герцен» [221]), Михаилу Бакунину (Вячеслава Полонского «Материалы для биографии М. Бакунина» [222] и Юрия Стеклова «Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность» [223]), Михаилу Петрашевскому (Павла Щеголева «Петрашевцы в воспоминаниях современников» [224], Виктора Евграфова «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев» [225] и Вадима Прокофьева «Петрашевский» [226]). Не меньше внимания Эдмунд Хоецкий заслужил как активный участник европейского революционного движения середины века, о чем свидетельствуют работы И. Удальцова [227], В. Дьякова [228–230], С. Фальковича [231] и уже упоминавшегося И. Хренова [203], посвященные революционным событиям 1848–1849 годов, польско-русским революционным связям, подполью в Царстве Польском, Январскому восстанию 1863–1864 годов и идейно-политической борьбе внутри польского движения.

Имя Антония Марчинковского в советской историографии упоминалось очень редко: один раз в связи с идейной борьбой в Белоруссии в 30–40 годах XIX века в уже упомянутой книге Нинель Мохнач [206, с. 130–131] и трижды – в литературном контексте: в исследовании Николая Балашова «Польско-русские литературные связи» [232, с. 266–267], студии Елены Цыбенко «Польский социальный роман 40–70-х годов XIX века» [233, с. 45–46] и книге Юрия Манна «Гоголь и мировая литература» [234, с. 127–128].

Елене Скирмунт не посвящена ни одна специальная работа. Нам удалось отыскать единственное упоминание ее имени в контексте знакомства Тараса Шевченко с ее рисунками в книге Игоря Свидина «Полуостров судьбы поэта» [235, с. 67].

В советской историографии имя Эдварда Павловича мы встретили лишь один раз – в книге Анатолия Смирнова «Революционные связи народов России и Польши: 30–60 годы XIX века» [236, с. 166], в которой он упоминается как участник Январского восстания 1863–1864 годов.

Современная российская историография. Творческому наследию Станислава Сестренцевича-Богуша в современной России частично посвящено несколько работ, в частности книга Владимира Козлова «Российская археология конца XVIII – первой четверти XIX века» [237, с. 87–88, 309], статья Александры Хорошкевич «Русь и Крым конца XV – начала XVI в. в отечественной историографии XVIII – начала XX в.» [238, с. 255–256], исследование Андрея Тихонова «Католики, мусульмане и иудеи Российской империи» [239, с. 86] и другие. Особенный интерес представляет статья директора Петербургского филиала Архива РАН Ирины Тункиной «Вклад поляков в становление классической археологии в России (конец XVIII – первая треть XIX в.)» [240], посвященная трем именам: Адаму Нарушевичу, Станиславу Сестренцевичу-Богушу и Яну Потоцкому – двое последних как раз и были путешественниками. Дальнейшее развитие «польская тема» нашла в монографии И. Тункиной «Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.)» [241]. В заслугу Я. Потоцкому перед археологией автор поставила изобретение «регрессивного метода» полевых исследований, при котором изучаемые курганы срывались до материковой поверхности, что обеспечивало максимальной полноту сбора материалов [241, с. 54–56].

Кроме Ирины Тункиной к личности Яна Потоцкого обращались и другие исследователи. Биографии путешественника нашлось место в книге филолога Александра Строева «Те, кто поправляет фортуна»: авантюристы Просвещения» [242, с. 329–330], обстоятельствам самоубийства – в исследовании писателя Георгия Чхартишвили «Писатель и самоубийство» [243, с. 365–366]. В научной литературе также были сделаны попытки изучить наследие Я. Потоцкого, в частности в статье Владимира Орлова «Марокканские дневники Яна Потоцкого (1791): источник и его автор» [244] и книге Владимира Волкова «Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.» [245, с. 73–74].

В современной российской историографии мы нашли лишь одну работу, посвященную Густаву Олизару, – статью известного литературоведа Семена Ланды «Пушкин и Густав Олизар (из истории русско-польских литературных и общественных отношений)» [246], в целом, не вносящую в изучаемый предмет ничего нового.

Для российских исследователей Генрик Жевуский неразрывно связан со своими сестрами – возлюбленными Оноре де Бальзака и Александра Пушкина, о чем свидетельствует работа Николая Болдырева «Евангелие от Ржевусских» [247], целиком сосредоточенная на любовных линиях этой известной семьи.

Пребыванию на юге Украины и подготовке путешествия в Крым Адама Мицкевича и Карла Качковского посвящена статья Михаила Яшина «Итак, я жил тогда в Одессе...» [248], из которой становится известно, что оба польских вояжера планировали совершить совместную поездку в Крым в компании генерал-губернатора Михаила Воронцова, однако ввиду некоторых обстоятельств совместный вояж не удался.

В отличие от советского времени, в современной российской литературе мы отыскивали лишь два упоминания о личности Эдмунда Хоецкого: в коллективной работе под редакцией Александра Липатова «История литератур западных и южных славян» [249, с. 372] и небольшой статье Владимира Дьякова «Поляки на Славянском съезде 1848 г.» [250, с. 49], опубликованной в сборнике «Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения». В целом обе работы лишь пересказывают сведения, известные еще в советское время.

Елене Скирмунт также не посвящена ни одна специальная работа. Ее имя лишь несколько раз упоминают в контексте знакомства с Тарасом Шевченко: в книге Ильи Зильберштейна «Парижские находки: эпоха Пушкина» [251, с. 184] и Петра Жура «Труды и дни Кобзаря» [252, с. 338].

Польская историография. В польской историографии, как уже было отмечено выше, существует отдельное специальное издание, посвященное путешественникам: «*Ludzie wielkiej przygody*» («Люди великой отваги») [185], в которой, в частности, содержится биография Яна Потоцкого. Из современных польских обобща-

ющих работ необходимо назвать статью Александры Вонсович «Chersones Tauryzdki: z polskich podróży po Krymie» («Херсонес Таврийський: з польських подорожей по Криму») [253], характеризующую участие поляков в изучении памятников Крыма со времен Мартина Броневского до XX столетия. Все остальные работы, посвященные польским путешественникам, имеют фрагментарный характер.

Сведения о Станиславе Сестренцевиче-Богуше имеются в работе Ричарда Волошинского «Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych: 1801–1820» («Польсько-російські зв'язки в суспільних науках: 1801–1820 рр.») [254, с. 101–102] и книге Людвига Базилова «Polacy w Petersburgu» («Поляки в Петербурзі») [255, с. 233–234].

Яну Потоцкому, в отличие от большинства его коллег, посвящено немало специальных трудов и обобщающих работ. Польская литература может быть презентована книгой Владислава Котвича «Jan hrabia Potocki i jego podróż do Chin» («Граф Ян Потоцкий и его путешествие в Китай») [256], студией Анны Дзехчинской «Jan Potocki & the writers of Enlightenment» («Ян Потоцкий и писатели Просвещения») [257], исследованием Януша Рыбы «Motywy podróżnicze w twórczości Jana Potockiego» («Путевые мотивы в творчестве Яна Потоцкого») [258] и книгой Войцеха Пиотровского «Horyzonty światopoglądowe «Rękopisu znalezionego w Saragossie» Jana Potockiego» («Мировоззренческие горизонты «Рукописи, найденной в Сарагосе» Яна Потоцкого») [259], в которой рассмотрено влияние поездок польского вояжера на Восток на его важнейшее литературное произведение.

Что касается Густава Олизара, то в польской историографии его личность интересовала исследователей того же круга вопросов, что и в советской. Как революционер он упоминается в книге Леона Баумгартена «Dekabryści a Polska» («Декабристы и Польша») [260], как литератор и знакомый Александра Пушкина – в статьях Анджея Дворского «Do Hr. Olizara» Aleksandra Puszkina» («К графу Олизару» Александра Пушкина») [261] и Богуслава Мухи «Z dziejów «poetyckiej przyjaźni»: Gustaw Olizar i Aleksander Puszkina» («Из истории «поэтической приязни»: Густав Олизар и

Александр Пушкин») [262]. О всплеске современного интереса к творческому наследию путешественника и об открытии памятника Г. Олизару в Коростышеве рассказывает в своей статье «Powrót Olizarów» («Возвращение Олизаров») Петр Косчинский [263].

В отличие от советской историографии, сосредоточенной преимущественно на поэтической и революционной деятельности Адама Мицкевича, в польской литературе существует несколько работ, посвященных изучению путешествия А. Мицкевича в Крым и «Крымским сонетам» как результату этой поездки. Здесь следует назвать книги Самуэля Фишмана «Z problematyki pobytu Mickiewicza w Rosji» («О проблематике пребывания Мицкевича в России») [264], Маврикия Мохнацкого «Artyzm «Sonetów Krymskich» («Артистизм «Крымских сонетов»)» [265], Станислава Маковского «Świat «Sonetów krymskich» Adama Mickiewicza» («Мир «Крымских сонетов» Адама Мицкевича») [266], Вацлава Кубацкого «Z Mickiewiczem na Krymie» («С Мицкевичем в Крыму») [267], статьи Иренеуша Опацкого «Człowiek w sonetach przelomu (O sonetach Mickiewicza)» («Человек в сонетах перелома (О сонетах Мицкевича)») [268] и Дануты Веровской «Mickiewicz na Krymie» («Мицкевич в Крыму») [269]. Обобщение сведений об Адаме Мицкевиче происходило в польской историографии постоянно в течение XX века, в частности в работах Леона Гомолицкого [270], Юлиуша Клейнера [271], Мечислава Яструна [272], Яцека Лукашевича [273] и многих других.

Варшавская Университетская библиотека

Генрику Жевускому в польской литературе посвящено несколько работ, часть из которых – ему лично, причем нужно заметить, что появлялись они более-менее равномерно на протяжении XX столетия. Среди

них следует отметить исследование Юзефа Литковского «Józef de Maistre a Henryk Rzewuski: studjum porównawcze» («Йозеф де Мейстр и Генрик Жевуский: сравнительные студии») [274], Анджея Валицкого «Filozofia i myśl społeczna w latach 1831–1864» («Философия и общественная мысль в 1831–1864 гг.») [275, с. 692–693], Ретта Людвиковского «Główne nurty polskiej myśli politycznej (1815–1890)» («Главные течения польской политической мысли (1815–1890 гг.)») [276, с. 22–23], Анджея Шлиша «Henryk Rzewuski: życie i poglądy» («Генрик Жевуский: жизнь и взгляды») [277] и две книги филолога Барбары Братницкой: «O języku Henryka Rzewuskiego» («О языке Генрика Жевуского») [278] и «O języku Henryka Rzewuskiego: ciąg dalszy» («О языке Генрика Жевуского: продолжение») [279].

Современной польской историографии принадлежат две итоговые работы, посвященные жизни и деятельности Карла Качковского, – книги Мечислава Ропика «Karol Kaczkowski jako lekarz i obywatel kraju» («Карл Качковский как врач и гражданин») [280] и Витольда Лисовского «Generał profesor Karol Kaczkowski» («Генерал профессор Карл Качковский») [281]. Также имя путешественника упоминается в уже названном труде С. Фишмана [264, с. 50–51]; в работах по изучению польских поездок по Силезии в XVIII и XIX столетиях А. Зелинского [282, с. 154–155], по развитию польской армии Е. Козловского [283, с. 245–246], пребыванию поляков в Казахстане С. Чешельского [284, с. 164–165] и в трех современных статьях по теории и истории польской военной медицины: М. Демеля [285], Й. Дуркальца [286] и З. Улановского [287].

Чрезвычайно обширной является польская литература о жизни и творчестве Эдмунда Хоецкого, потому для нашего исследования мы выбрали наиболее значительные. Немало трудов посвящено Э. Хоецкому как литератору, например, работы Г. Станковской [288], Й. Бахужа [289], М. Бобровницкой [290] и Э. Овчажа [291]; связям Эдмунда Хоецкого с Францией – работы З. Маркевич [292; 293], Т. Сиверта [294], В. Шлядковского [295], Б. Шидловской-Цегловой [296] и М. Гмурчик-Вроньской [297]; политической и революционной деятельности – исследования И. Кобердовой [298], А. Новака [299] и

В. Карпинского [300]. Наконец, существуют две работы, посвященные Э. Хоецкому как путешественнику: исследование Бернарда Пиотровского «Edmunda Chojeckiego wyprawa na Islandie w 1856 r.» («Поездка Эдмунда Хоецкого в Исландию в 1856 г.») [301] и статья Славомира и Урсулы Калембка «Edmunda Chojeckiego «Wspomnienia z podróży po Krymie», jako dokument polskich zainteresowań Półwyspem w epoce romantyzmu» («Воспоминания из путешествия по Крыму» Эдмунда Хоецкого как подтверждение польского интереса к полуострову в эпоху романтизма») [302].

Ситуация с изучением жизни и творчества Антония Марчинковского в польской литературе весьма неоднозначна. С одной стороны, на протяжении первой половины XX века имя этого писателя и вояжера не упоминалось вообще, с другой – даже в литературоведческих работах Г. Бахульской [303], Г. Пшевоской [304], З. Шмидтовой [305], М. Штольмана [306], Ф. Форнальчика [307], А. Ковальчиковой [308], М. Яниона [309], С. Маковского [310] и Г. Маркевич [311], появившихся во второй половине прошлого столетия, А. Марчинковскому было уделено чрезвычайно мало внимания. Только в последние десятилетия ситуация принципиально изменилась. Решительным шагом вперед в изучении биографии и произведений польского путешественника стала деятельность профессора университета им. Марии

*Исторический институт
Варшавского университета*

Кюри-Скловской (Люблин) Марека Квапишевского. Он посвятил жизни и творчеству А. Марчинковского ряд публикаций, в частности «O twórczości Antoniego Marcinkowskiego» («О творчестве Антония Марчинковского») [312], «Powieść i zmierzch romantyzmu: wokół refleksji krytyczno-literackiej Antoniego Marcinkowskiego» («Роман и сумерки романтизма: во-

круг критическо-литературной рефлексии Антония Марчинковского» [313], «Od Alberta Gryfa do Antoniego Nowosielskiego: biografia intelektualna późnoromantycznego krytyka» («От Альберта Грифа к Антонию Новосельскому: интеллектуальная биография позднего романтического критика») [314] и «O prozie powieściowej Antoniego Marcinkowskiego» («О романистической прозе Антония Марчинковского») [315]. В этих работах исследователь раскрыл творческую эволюцию А. Марчинковского как путешественника, этнографа и литератора, а также детально рассмотрел биографию ученого-любителя.

В польской исторической науке имя Елены Скимунт фигурирует в исследованиях, посвященных польской эмиграции в Казахстан, – это уже упомянутая работа Станислава Чешельского «Polacy w Kazachstanie» («Поляки в Казахстане») [284, с. 140]; Январскому восстанию 1863–1864 гг. – книга Давида Файнхуса «1863, Litwa i Białoruś» («1863 г., Литва и Беларусь») [316, с. 130]; трансформации польского общества в первой половине XX века – студия Стефана Свежавского «Wielki przełom: 1907–1945» («Великий перелом: 1907–1945 гг.») [317, с. 268]. Обобщающих работ, посвященных Елене Скимунт, в современной польской историографии нет.

С изучением жизни и наследия Эдварда Павловича ситуация лучше, хотя также отсутствуют обобщающие книги или статьи. В большинстве случаев польские ученые ссылаются на воспоминания Э. Павловича, например, в книге Станислава Лоренца «Album wileńskie» («Виленский альбом») [318, с. 32] или Романа Афтаназия «Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej» («История проживания на давних окраинах Речи Посполитой») [319, с. 230]. Фигурирует Эдвард Павлович как земляк Адама Мицкевича в работе Бронислава Тронского «I w Ostrej świątyni Bramie: śladami młodego Adama Mickiewicza» («И светишь в Острой Бrame: следами молодого Адама Мицкевича») [320, с. 27–29] и сборнике Барбары Вахович «Ty jesteś jak zdrowie: z Mickiewiczem nad Wilią i Świtezia» («Ты – как здоровье: с Мицкевичем над Вилией и Свитязем») [321, с. 122–130]. Упоминается имя вояжера в исследовании Анджея Романовского «Pozytywizm na Litwie: polskie życie kulturalne na ziemiach litewsko-białorusko-inflanckich w latach 1864–1904» («Позитивизм

в Литве: польская культурная жизнь на литовско-белорусско-инфляндских землях в 1864–1904 гг.») [322, с. 88]. Также сведения об Э. Павловиче можно обнаружить в современных справочниках-путеводителях, в частности в работе Томаша Кшивицкого «Szlakiem Adama Mickiewicza po Nowogródzczyźnie, Wilnie i Kownie» («Путем Адама Мицкевича по Новогрудщине, Вильно и Ковно») [323, с. 133].

В отличие от предшественников Адам Сераковский был удостоен специальных исследований, посвященных ему как путешественнику. Впервые на его поездку в Крым обратил внимание еще в 1977 году уже упомянутый Вацлав Кубацкий в работе «Z Mickiewiczem na Krymie» [267, с. 41], где отметил, что это путешествие Адам Сераковский совершил с томиком «Крымских сонетов» в руках. О поездках Адама Сераковского на Кавказ речь идет в труде Богдана Барановского «Polskie zainteresowania z XVIII i XIX wieku kultura □ Gruzji» («Польская заинтересованность культурой Грузии в XVIII и XIX столетиях») [324, с. 72–73]. Сведения о научной деятельности находим в третьем томе издания Софии Скубали-Токарской «Historia nauki polskiej» («История польской науки») [325, с. 758]. Описаниям поездок А. Сераковского в Индию, Африку и Левант нашлось место в книге Вацлава Слабчинского «Polscy podróżnicy i odkrywcy» («Польские путешественники и открыватели») [326, с. 155–158]. Упоминания о роли Адама Сераковского в польской культуре находим в исследовании Анджея Буковского «Waplewo: zapomniana placówka kultury polskiej na Pomorzu Nadwiślańskim» («Ваплево: забытый кружок польской культуры на Надвислянском Поморье») [327, с. 58, 72, 202].

Польская Национальная библиотека (Варшава)

Труды Анджея Абрамовича «Historia archeologii polskiej, XIX i XX wiek» («История польской археологии, XIX и XX столетия») [328, с. 60] и Магдалены Недзельской «Niemieckie towarzystwa naukowe w Prusach zachodnich w latach 1815–1920» («Немецкие

научные общества в Западной Пруссии в 1815–1920 годах») [329, с. 102–107] раскрывают отдельные аспекты научных достижений А. Сераковского. О вояжах Адама Сераковского по Азии можно узнать из первого тома труда Антония Кучиньского «Polskie opisanie świata: studia z dziejów poznania kultur ludowych i plemiennych» («Польские описания мира: студии из истории познания культур народов и племен») [330, с. 405–406]. Научно-административная деятельность вояжера раскрывается в первом томе исследования Марьяна Бискупа «Działacze Towarzystwa Naukowego w Toruniu: 1875–1975» («Деятели Научного общества в Торуне: 1875–1975 гг.») [331, с. 9]. Путешествиям в Африку и Юго-Восточную Азию посвящены части работ Яцека Кнопика «Migracje Polaków do Afryki Północnej w XX wieku» («Миграции поляков в Северную Африку в XX столетии») [332, с. 57] и Кшиштофа Подемского «Socjologia podróży» («Социология путешествия») [333, с. 234–241]. Наконец, литературные и публицистические достижения А. Сераковского охарактеризованы в труде Йовиты Кенчинской «Geografia życia literackiego na Pomorzu Nadwiślańskim 1772–1920: polski i kaszubski krąg kulturowy» («География литературной жизни на Надвислянском Поморье 1772–1920: польский и кашубский культурный круг») [334, с. 281, 480]. По всем этим изданиям мы можем полностью реконструировать биографию Адама Сераковского.

Украинская историография. Роль и значение деятельности Станислава Сестренцевича-Богуша в развитии отечественной науки изучали Андрей Непомнящий – книга «Історичне кримознавство» [36, с. 239–242] и Сергей Сорочан – работа «У истоков мифов: С. Сестренцевич-Богуш о раннесредневековом Херсонесе» [335, с. 90–91] этому посвящен отдельный раздел монографии «Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.): очерки истории и культуры» [336, с. 9–16]. В обеих указанных работах научное наследие прелата-вояжера проанализировано критически, а также выделены основные стереотипы, зарождению которых в той или иной степени способствовали его произведения.

Литература о Яне Потоцком представлена единственной пока статьей Татьяны Чубиной «Ян Потоцький: визначні віхи життя та творчості» [337]. Также Я. Потоцкий упоминается в монографии Андрея Непомнящего «Записки путешественников...» [155, с. 56].

Неутешительной остается ситуация с изучением наследия Густава Олизара. Путешественник фигурирует в упомянутой монографии А. Непомнящего [155, с. 55]. Также существует ряд статей, посвященных непосредственно Г. Олизару или его ближайшему окружению: «Густав Олизар: (по материалам польских и отечественных источников)» Ирины Поляковой [338], «Друзья и знакомые А. С. Пушкина в доме Ришелье (1820–1825 гг.)» [339] Елены Архиповой, «Густав Олизар – поэт, перекладач, мемуарист» [340] Владимира Ершова, «Густав Олизар – владелец имения «Кардиатрикон» в Артеке (1823–1832 гг.)» Надежды Богдановой [341] и «Крымская встреча А. С. Грибоедова и А. Мицкевича: была ли она?» [342] Сергея Минчика. Все названные статьи содержат ошибки и неточности, однако играют важную роль в популяризации биографии польского путешественника. В 2006 году появилась обобщающая работа автора данной книги «Густав Олизар и его воспоминания как источник по истории Крыма» [343], в которой также критически проанализированы труды предшественников. Впрочем, капитальной научной биографией Густава Олизара украинская историография на сегодняшний день не располагает.

Имя Адама Мицкевича остается популярным в отечественной историографии, однако большинство работ, посвященных поэту-воюжеру, – это малоинформативные компилятивные предисловия, комментарии к изданиям стихотворений или справки в путеводителях. Полный их список можно найти в специальном указателе «Мицкевич

и Крым» [344]. Среди работ, заслуживающих отдельного упоминания, популярный очерк Леонида Кондрашенко «Прихоть полубога: к 175-летию путешествия по Тавриде Адама Мицкевича» [345] и ряд научных статей: Станислава Цинала «Мицкевич в гостях у караимов в Евпатории» [181], Ирины Бугаевой «...К тому

*Севастопольская Морская библиотека
им. М. П. Лазарева*

же еще и поэт»: к вопросу о пребывании Адама Мицкевича в Крыму» [346] и Павла Конькова «Путешествие А. Мицкевича по Крыму. Обзор и анализ основных источников фактических сведений: перспективы дальнейших исследований» [347], которые в различной мере касаются многих аспектов пребывания польского поэта в Крыму.

Изучение Генрика Жевуского в украинской литературе презентовано лишь одной научно-популярной книгой Ивана Савчука «Генрих Ржевусский – блеск и горечь славы» [348], хотя при исследовании вопросов, связанных с пребыванием в Крыму Адама Мицкевича или Михаила Воронцова, например, в статье «Граф Воронцов в воспоминаниях польских путешественников по Крыму в XIX веке» [349], некоторое внимание уделяется и Генрику Жевускому.

Постепенно появляется в современной Украине интерес к Карлу Качковскому. В частности, переводчик и исследователь творчества путешественника Владимир Навроцкий опубликовал ряд статей, посвященных К. Качковскому [350–353]. К сожалению, автор этих работ не ученый-историк, поэтому его труды не являются научным прорывом в изучении творческого наследия путешественника. Фрагментарный анализ дневника вояжера сделан Михаилом Кизиловым в статье «Караимская община г. Гезлева (Евпатории) в XVIII–XIX вв. по свидетельствам очевидцев» [354]. Определенный промежуточный итог в изучении К. Качковского подведен недавно напечатанной статьей «До біографії польського мандрівника Карла Качковського» [355].

Современная украинская историческая наука небогата результатами изучения наследия Эдмунда Хоецкого. Упомянется он как собиратель исторических дум в работе Григория Нудьги «Українська дума і пісня в світі» [356, с. 261] и как любитель казацких образов в поэзии – в статье Романа Кырчива «Донаукові зацікавлення українським фольклором та етнографією» [357]. Кое-какие биографические сведения о путешественнике собраны Вячеславом Барановым в послесловии («Е. Хоецький: короткий нарис життя» [358]) к изданию книги воспоминаний путешественника. Первое специальное исследование «Спогади польського мандрівника XIX ст. Едмунда Хоецького як джерело до вивчення пам'яток історії та культури Криму» [359] появилось лишь в 2009 году.

Жизнь и творчество Антония Марчинковского в нынешней украинской историографии изучены явно недостаточно. Упоминается вояжер в книге Льва Баженова «Поділля в працях дослідників і краєзнавців ХІХ–ХХ століття» [360], описание могилы А. Марчинковского есть в книге «Київський некрополь: путівник-довідник» Людмилы Проценко [361], биографический очерк путешественника, написанный Анатолием Зборовским, находим в альманахе «Приірпіння» [362], описание вояжером Евпатории используется в упомянутой выше работе М. Кизилова [354]. Фигурирует Антоний Марчинковский в диссертации Ирины Батыревой «Традиційна культура Поділля у дослідженнях другої половини ХІХ – початку ХХ століття» [363] и статье уже называвшегося выше Владимира Ершова «Міф Бердичева в польскомовній мемуаристичній літературі Правобережжя» [364], но ни одна из этих работ не дает нам ни развернутой биографии публициста-вояжера, ни картины творчества. Первая попытка комплексного обзора всех сведений, касающихся биографии и деятельности путешественника, предпринята в статье «Антоний Марчинковский: к вопросу о становлении крымоведческого направления в польской историографии» [365].

Елене Скирмунт в отечественной литературе посвящена всего одна работа – статья Михаила Кизилова «Крымские «пещерные города» по описанию Е. Скирмунт» [366], рассказывающая о посещении польской путешественницей Чуфут-Кале и Мангупа, однако в статье отсутствуют биографические сведения.

Львовская Национальная научная библиотека
им. В. Стефаника НАН Украины

Западная историография. В западной науке личность Яна Потоцкого пользуется значительной популярностью. Ему посвящены не только отдельные специализированные статьи, но и обобщающие монографии: французские – Эдуарда Краковского «Le Comte Jean Potocki: un témoin de

l'Europe des Lumières» («Граф Ян Потоцкий: свидетель европейского Просвещения») [367], Александры Крох «Jean Potocki: Voyage lointain» («Ян Потоцкий: долгий путь») [368], Франсуа Россета и Доминика Трие «Jean Potocki. Biographie» («Ян Потоцкий: биография») [369]; испанские – Доминика Лейва «El laberinto imaginario de Jan Potocki: manuscrito encontrado en Zaragoza (estudio crítico)» («Лабиринты воображения Яна Потоцкого: манускрипт, найденный в Сарагосе (критические студии)») [370]; голландские – Эмили Клейн «Jean Potocki à nouveau» («Ян Потоцкий в молодости») [371].

Станислав Сестренцевич-Богуш упоминается – вместе с другими известными деятелями российского общества, например, Николаем Чернышевским, – в книге итальянского исследователя Джузеппе Берти «Russia e stati italiani nel Risorgimento» («Россия и итальянские государства в эпоху Рисорджименто») [372], где о нем, в частности, сказано: «Он был плохим кардиналом, плохим священником, плохим католиком <...> но в остальном он был выдающейся личностью» [372, с. 76].

Имя Эдмунда Хоецкого в западной историографии рассматривается в двух контекстах – литературном и революционном. В последней трети XX века вышел ряд работ, в частности Джона Эванса о кружке Петрашевского [373], Питера Брока о польском революционном популизме [374], Лоуренса Ортона о Славянском съезде в Праге [375], Эндрю Валицкого о развитии русской мысли от Просвещения до марксизма [376] и о романтическом национализме в Польше [377], Чеслава Милоша о истории польской литературы [378], Джоани Седдон о русских революционных обществах [379] и Мартина Миллера о российской революционной эмиграции [380], в которых фигурирует Эдмунд Хоецкий.

В англоязычной историографии Антоний Марчинковский рассматривается в работе Джорджа Луцки и Долли Фергюсон «Shevchenko and the critics: 1861–1980» («Шевченко и критика: 1861–1980 гг.») [381, с. 379], в которой отмечена роль путешественника как борца за развитие тогдашней украинской литературы против обществ польских консервативных писателей.

Елену Скирмунт упоминает финский исследователь, профессор Хельсинкского университета Тапани Харвиаинен в статье «The

Epigraph of the Derbent Torah and the Madjalis Scroll Discovered by Abraham Firkovich in 1840» («Дербентский эпитаф Тори и Маджалису, найденный и описанный в 1840 году Авраамом Фирковичем») [382, с. 56], обращая внимание на ее путевые заметки, поскольку в них встречаются известия о караимах.

Российская эмигрантская историография. К сожалению, не введена в отечественный научный оборот книга русского слависта Владимира Францева «Последнее ученое путешествие графа Яна Потоцкого: 1805–1806 гг.» [383], вышедшая небольшим тиражом в Праге в 1938 году и сразу же ставшая библиографической редкостью.

Энциклопедии и справочная литература. Отдельной чрезвычайно важной группой в историографии являются словарные статьи и материалы справочников, не только содержащие основные вехи жизни и творчества каждого конкретного путешественника, но и приводящие списки источников и литературы по теме, позволяющие продолжать исследовательскую работу на качественно новом уровне. В этой книге энциклопедические статьи не включены в разделы соответствующих национальных историографий, а собраны отдельно, потому что многие из них написаны еще в XIX веке, кроме того, это подчеркивает их универсальность и значимость.

Словарные статьи, посвященные Станиславу Сестренцевичу-Богущу, появлялись в различное время в таких уважаемых изданиях, как «Энциклопедический словарь» фирмы «Брокгауз – Ефрон» [384], «Русский биографический словарь» под редакцией А. А. Половцова [385], «Podręczna encyklopedia kościelna» («Подручная церковная энциклопедия») [386] та «Polski słownik biograficzny» («Польский биографический словарь») [387].

Статьи, посвященные Яну Потоцкому, печатали «Grand Dictionnaire universel du XIX siècle» («Большой универсальный словарь XIX века») под редакцией Пьера Ларусса [388], «Энциклопедический словарь» издательства «Брокгауз – Ефрон» [389], «Encyklopedia powszechna» («Всеобщая энциклопедия») издателя Самуэля Оргельбранда [390], «Русский биографический словарь» под редакцией А. А. Половцова [391] и «Polski słownik biograficzny» («Польский биографический словарь») [392].

Густаву Олизару посвятил статью лишь «Polski słownik biograficzny» («Польский биографический словарь») [393]. Генрик Жевуский упоминается в статьях таких энциклопедий, как «Всеобщая история литературы» [394], «Энциклопедический словарь» издательства «Брокгауз – Ефрон» [395], «Большая советская энциклопедия» [396], «Polski słownik biograficzny» («Польский биографический словарь») [397] и энциклопедическом справочнике «Русское масонство» [398].

Имя Карла Качковского упоминается в справочниках «Słownik lekarzów polskich» («Словарь польских врачей») [399], «Русские врачи-писатели» [400], энциклопедиях «Русский биографический словарь» под редакцией А. А. Половцова [401], «Polski słownik biograficzny» («Польский биографический словарь») [402] и «Słownik encyklopedyczny lekarzy-pisarzy» («Энциклопедический словарь врачей-писателей») [403].

Эдмунду Хоецкому посвящены материалы в справочниках «Historia literatury polskiej» («История польской литературы») [404], «Ojczyzna w piśmie i pomnikach» («Отчизна в письмах и воспоминаниях») [405], «Polski słownik biograficzny» («Польский биографический словарь») [406] и «Bibliografia literatury polskiej» («Библиография польской литературы») [407].

Антоний Марчинковский присутствует в «Энциклопедическом словаре» издательства «Брокгауз – Ефрон» [408], в справочниках «Historyczna powieść polska» («Польский исторический роман») [409] и «Przewodnik po Kijowie z poglądowym planem miasta» («Путеводитель по Киеву с обзорным планом города») [410], энциклопедии «Polski słownik biograficzny» («Польский биографический словарь») [411].

Елене Скимунт посвящена лишь одна статья, которую напечатал «Polski słownik biograficzny» («Польский биографический словарь») [412]. Имя Эдварда Павловича есть в энциклопедии «Polski słownik biograficzny» («Польский биографический словарь») [413] и справочнике «Słownik artystów polskich i obcych w Polsce działających» («Словарь польских и других художников, работающих в Польше») [414].

Анне Воланьской-Дзедушицкой не посвящена ни одна отдельная статья, сведения о ней содержатся лишь в статье о ее отце в

издании «Polski słownik biograficzny» («Польский биографический словарь») [415].

В целом анализ работ по проблематике данной книги выявил фрагментарность изучения наследия польских путешественников по Крыму. Обобщающих работ чрезвычайно мало, тексты воспоминаний отдельных вояжеров не переиздавались более столетия, для многих путешественников не составлены научные биографии. Однако, несмотря на неравномерность как теоретических исследований путевой литературы, так и практического изучения биографий и творческого наследия польских путешественников, несмотря на недостаточность исследовательской работы в этом направлении в прошлом, несмотря, наконец, на языковые барьеры, разделяющие историографию, мы можем констатировать, что за последние десятилетия мировой исторической наукой было накоплено и обработано достаточно материала, чтобы сделать возможным дальнейшее изучение записок польских путешественников по Крыму.

ЧАВА 2

Источниковый фундамент

*Путешествия обнаруживают не столько любопытство наше
по отношению к тому, что мы собираемся смотреть,
сколько усталость от того, что покидаем.*

Альфонс Карр

Все многообразие исторических источников, привлеченных нами для исследования, логично подразделяется на три группы. В первую входят те, без которых эта книга была бы невозможна, – авторские тексты польских путешественников, побывавших в Крыму: от автобиографий до газетных очерков. Вторую группу составляют биографические материалы: воспоминания современников и некрологи, заметки в досоветской периодической печати и научные биографии XIX века, помогающие воссоздать картину жизни каждого конкретного путешественника. Наконец, в третью группу вошли труды средневековых хронистов, записки первых иностранных вояжеров по Крыму и научные работы того времени, словом, все то, что оказало влияние на представление поляков о Крыме и нашло отражение в собственных произведениях вояжеров.

Авторские тексты польских путешественников

Общая характеристика. Первая и самая главная группа источников, без которых наше исследование невозможно в принципе, – это собственно авторские тексты, напечатанные польскими вояжерами после их визитов на полуостров. Характерной особенностью этой группы источников является их разнообразие –

среди заметок поляков мы встречаем все жанры путевой литературы: исторические произведения путешественников (Ян Потоцкий и Станислав Сестрэнцевич-Богуш), автобиографии (Густав Олизар), дневники (Карл Качковский), путевые письма (Адам Мицкевич, Генрик Жевуский и Адам Сераковский), газетные очерки (Елена Скирмунт) и воспоминания как таковые (Эдмунд Хоецкий, Антоний Марчинковский, Эдвард Павлович и Анна Вольаньская-Дзедушицкая).

Исторические произведения. Первые польские путешественники по Крыму – Ян Потоцкий и Станислав Сестрэнцевич-Богуш – не оставили нам отдельных воспоминаний о пребывании на полуострове, но включили личные впечатления в свои научные труды. Яном Потоцким был составлен свод всех выдающихся мест древней Тавриды под названием «Mémoire sur un nouveau Peryple du Pont-Euxin, ainsi que sur la plus ancienne histoire des peuples du Taurus» («Памятка о новом перипле Понта Эвксинского и о древнейшей истории народов Тавриды») [416], опубликованный в Вене в 1796 году. Отдельные эпизоды из своего пребывания на полуострове вояжер поместил в другом своем труде – «Voyage dans les Steps d'Astrakhan et de Caucase» («Вояж по астраханским степям и Кавказу», Париж, 1829 г.) [417], фрагмент которого в 1896 году был напечатан в Астрахани на русском языке под заголовком «Путешествие в Астрахани и окрестные страны в 1797 г.» [418].

Станислав Сестрэнцевич-Богуш побывал в Крыму дважды, в 1784 и 1787 годах, а его личные впечатления вошли фрагментами в капитальный труд по истории Крыма «Histoire de la Tauride», опубликованный в 1800 году в Брауншвейге, а через шесть лет переведенный на русский язык под названием «История царства Херсонеса Таврического» [420].

Автобиографии. Густав Олизар сегодня является единственным среди польских путешественников, составившим свою автобиографию с подробностями поездок по Крыму. Она вышла из печати во Львове в 1892 году с титулом «Pamiętniki» («Памятки») [421], фрагменты о пребывании вояжера в Крыму переведены на русский язык и опубликованы в журнале в следующем году как «Мемуары графа Олизара» [422].

Дневники. Карлу Качковскому принадлежит единственный известный на сегодня дневник, изданный в Варшаве в 1829 году в четырех томах, где Крыму посвящена последняя книга: «Dziennik podróży do Krumu» («Дневник путешествия в Крым») [423]. Лишь в наши дни появились первые переводы этого произведения на русский язык – четвертого тома в целом и отдельных страниц [424; 425].

Путевые письма. Адаму Мицкевичу, Генрику Жевускому и Адаму Сераковскому была присуща манера воспроизводить в письмах собственные впечатления о путешествии. Письма А. Мицкевича из Одессы и Крыма мы воспроизводим по современному, зато наиболее полному собранию сочинений [426], письмо Г. Жевуского – по современному изданию в связи с утратой оригинала [427], а книгу писем А. Сераковского «Listy z podróży» («Письма из путешествия»), вышедшую в Варшаве в 1911-м и переизданную через два года, уже после смерти автора [428], по оригиналу, отметив отсутствие ее перевода.

Газетные очерки. Польская путешественница Елена Скирмунт записала свои впечатления во время пребывания в Крыму в виде кратких очерков, опубликованных в 1871 и 1873 годах на страницах варшавской прессы под заголовком «Szkice z Krumu» («Очерки из Крыма») [429; 430]. Также у нас есть возможность оперировать переводом отдельных очерков на русский язык [366].

Мемуары. Впрочем, традиционные воспоминания в виде отдельных книг оставались наиболее любимой путешественниками разновидностью путевой литературы. Так оформили свои мемуары Эдмунд Хоецкий, Антоний Марчинковский, Эдвард Павлович и Анна Воланьская-Дзедушицкая.

Эдмунд Хоецкий оставил после себя книгу «Wspomnienia z podróży po Krumie» («Воспоминания из путешествия по Крыму») [431], опубликованную в 1845 году в Варшаве – самую большую на сегодня среди произведений других вояжеров. Недавно появился и первый в украинской историографии перевод этой книги [432].

По результатам масштабного путешествия из Киева в Одессу и Крым Антоний Марчинковский напечатал в Вильно в 1854 году двухтомный труд «Stepy, morze i góry: szkice i wspomnienia z podróży» («Степи, море и горы: очерки и воспоминания из путеше-

ствия»), в котором Крымскому полуострову посвящен второй том [433]. Переводов это произведение не имеет.

Книга Эдварда Павловича «Zapóźno! Z wycieczki do Krymu» («Поздно! ИзпрогулкивКрым»)[434], изданная во Львове в 1897 году, является самой маленькой среди аналогичных по жанру произведений – всего 33 страницы, но это не уменьшает ее значимости. Книга также не переведена с польского языка.

Небольшое произведение Анны Воланьской-Дзедушицкой, скрывавшейся под псевдонимом A-Wska, «Wrażenia z Krymu» («Впечатления из Крыма») вышло во Львове двумя идентичными изданиями – в 1901 и 1902 годах [435]. Как и в предыдущих случаях, перевод книги на сегодня отсутствует.

Биографические материалы

Общая характеристика. Материалы, имеющие отношение к биографиям отдельных польских путешественников, составляют наибольшую по объему и наиболее трудную для обработки группу источников. Связано это с тем, что среди них нечасто встречаются итоговые монографии или обобщающие книги, а больше – отдельные краткие упоминания в разнородных статьях, абсолютное большинство которых не переведены и отсутствуют в украинских книгохранилищах. Поэтому полный и тщательный анализ всех имеющихся биографических источников является неотъемлемой составляющей нашей работы. Как и в предыдущем параграфе, необходимые источники сгруппированы по типологическим признакам.

Автобиографии, дневники, письма. Наиболее ценной группой биографических источников являются именно автобиографии, дневники и личные письма польских путешественников, поскольку именно в них содержится наиболее достоверная информация о жизненном пути вояжеров. Те источники, которые содержат описания пребывания в Крыму, уже рассмотрены выше, однако ними данная группа не исчерпывается. Так, избранные дневники и переписка Станислава Сестренцевича-Богуша под вполне очевидным заголовком «Дневник и переписка» [436] были опубликованы в Санкт-Петербурге в 1913 году.

Воспоминания Карла Качковского «Wspomnienia z przeszłości: z papierów pozostałych po śp. Karolu Kaczkowskim, generał-sztabslekarzu wojsk polskich: w Wilnie od roku 1815 do 1821» («Воспоминания из прошлого: из бумаг, оставшихся после покойного Карла Качковского, генерал-штабс-врача войск польских: в Вильно с 1815 до 1821 года») [437] стали достоянием общественности в 1875 году.

Записки Антония Марчинковского под названием «Pamiętniki kuratora magazynów» («Памятки куратора журналов») напечатаны в Варшаве в 1858 году [438].

Дневник и избранные письма Елены Скимунт опубликованы литературоведом и ее знакомым Брониславом Залеским в 1876 году в книге «Из жизни литвинки» [439] (переиздание 2009 г.).

Наследие Эдварда Павловича составляют сразу две книги мемуаров: «Wspomnienia z nad Wilji i Niemna: Studya, podróże» («Воспоминания из Вилии и Немана: учеба, путешествия») [440] и «Wspomnienia: Nowogródek, więzienie, wygnanie» («Воспоминания: Новогрудок, арест, изгнание») [441], изданные свет во Львове в 1883 и 1887 годах соответственно.

Воспоминания современников. Воспоминания современников и младших современников распределены неравномерно – о ком-то написаны развернутые мемуары, а кого-то обошли молчанием.

Станиславу Сестренцевичу-Богушу посвящены воспоминания О. Шерпинского «Краткое начертание деятельной и трудолюбивой жизни его Высокопреосвященства митрополита Римских церквей в России Станислава Сестренцевича-Богуша» [442] и А. Глаголева «Воспоминания о митрополитах Римско-католической церкви в России Станиславе Сестренцевиче-Богуше и Гаспаре Коломне Цецишовском» [443], вышедшие из печати в 1827 и 1835 годах.

Густав Олизар вспоминается в книге мемуаров Габриели Пузыниной «W Wilnie i w dworach litewskich: pamiętnik z lat 1815–1843» («В Вильно и дворах литовских: памятки 1815–1843 гг.») [444], опубликованной в 1928 году.

Воспоминания об Эдмунде Хоецком как о европейском революционере встречаются в мемуарах Александра Герцена «Былое и думы» [445, т. 11, с. 270–273, т. 24, с. 338–339] и письмах Михаила Бакунина [446, с. 201].

Упоминания о Елене Скирмунт есть в переписке Тараса Шевченко со своими знакомыми, в частности с уже называвшимся ранее Брониславом Залеским, другом и биографом путешественницы [447, с. 129, 137].

Отдельные сведения об Эдварде Павловиче сохранил Тадеуш Павлович, внук вояжера, в своей книге «*Obraz pokolenia*» («Образ поколения») [448, с. 12–17].

Единственным современником, упомянувшим в своих записках случайно увиденную им уже пожилую графиню Анну Воланьскую-Дзедушицкую, был французский путешественник Поль Казин. Его воспоминания были опубликованы в книге Дануты Книш-Томашевской «*Dole i niedole francuskiego polonisty Paul Cazin*» («Доля и недоля французского полониста Поля Казина») [449, с. 42].

Воспоминания о семье Адама Сераковского сохранились в книге графини Анны Потоцкой «*Mój pamiętnik*» («Мои заметки») [450, с. 466], а путешествиям этого вояжера по Африке посвящен фрагмент мемуаров Кайетана Моравского «*Wspólna droga: wspomnienia*» («Общая дорога: воспоминания») [451, с. 31].

Материалы досоветской периодики. Короткие заметки, развернутые очерки в периодической печати, научных журналах, а также некрологи составляют отдельную группу важных источников. Статьи о Станиславе Сестренцевиче-Богуше появлялись на страницах таких изданий, как «Русский мир» [452], «ЗООИД» [453] и «Русская старина» [454]. Генрик Жевуский удостоился статьи в журнале «Русская беседа» [455]. Карлу Качковскому посвящены материалы журналов «*Tygodnik illustrowany*» («Иллюстрированный еженедельник») [456] и «*Medycyna*» («Медицина») [457]. Некролог об Эдмунде Хоецком помещен в газете «*Głos warszawski*» («Варшавский голос») [458].

Генеалогические сведения. Эта группа источников является дополнительной, но иногда лишь в ней содержится объективная информация. Сведения о семье Яна Потоцкого имеются в «Русской родословной книге» [459], а Анны Воланьской-Дзедушицкой – в издании «*Materiały do biografii, genealogii i heraldyki polskiej*» («Материалы к польским биографиям, генеалогиям и геральдике») [460].

Досоветские научные биографии. Досоветские биографии составляют одну из важнейших источников для нашего исследования,

однако созданы они были лишь для двух самых известных путешественников. Наиболее детальный в XIX веке биографический очерк Яна Потоцкого в польской науке принадлежит Михаилу Балинскому [461, с. 66–135; 462, с. 137–210], а первое общее изложение научного наследия вояжера – Жеготе Паули Паулі [463, с. 85–102]. В начале XX столетия жизнеописание Яна Потоцкого составил известный биограф Александр Брюкнер [464]. Важнейшие научные биографии Адама Мицкевича были созданы: на польском языке – Адамом Жонжевским [465] и Владиславом Мицкевичем, старшим сыном поэта [466]; на русском – Александром Погодиным [467].

Прочие источники

Общая характеристика. В категорию прочих источников мы вносим произведения, оказавшие осязаемое влияние на формирование взглядов польских путешественников, часто становившиеся для вояжеров источником цитат. Сюда входят средневековые трактаты, записки предыдущих путешественников – исключительно иностранных, поскольку русская путевая литература была малоизвестна в польском обществе – работы Адама Нарушевича и Вольтера, служившие польским вояжерам справочниками, и досоветские научные труды, откуда путешественники черпали известия о полуострове.

Средневековые трактаты. Несмотря на то что насыщенная событиями многогранная история края, переплетение культур различных народов, уникальный природный ландшафт и климат время от времени обуславливали приток на Крымский полуостров образованных европейцев. В период существования Крымского ханства на такой вояж, из-за внутренней политики этого государства и трудностей степных дорог, могло решиться только ограниченное число путешественников [36, с. 76–77].

Поэтому первыми польскими исследователями полуострова стали, после раннесредневековых хронистов, купцы и дипломаты. Ряд трудов, написанных ими, а именно: «Трактат о двух Сарматиях» Мацея Меховского (1517 г.) [468], «О нравах татар, литовцев и москвитян» Михалона Литвина (ок. 1550 г.) [469] и «Описание Татари» Мартина Броневского (1595 г.) [470] (на них

чаще всего ссылались в своих работах вояжеры), не утратил и сегодня своего исторического и литературного значения, хотя эти трактаты не имели, да и не могли иметь, систематического характера. Их авторы ограничивались лишь констатацией очевидных фактов, а общей ошибкой было некритическое восприятие сведений древних авторов. Впрочем, именно благодаря этим трудам, а также некоторым другим в коллективном сознании польского общества сложился виртуальный образ Крыма, привлекающий путешественников, хотя этот образ в ряде деталей совершенно не отвечал действительности.

Записки предыдущих путешественников. Публикация записок российский и иностранных, особенно французских, путешественников, массово посетивших Крым в конце XVIII – начале XIX века, привела к возникновению устойчивой литературной традиции «крымско-го вояжа», в рамках которой, иногда осознанно, иногда совершенно бессознательно, писали и польские путешественники.

Одним из первых подобных изданий был труд Вольтера «Histoire de Charles XII, roi de Suede» («История Карла XII, короля Швеции»), изданный в Париже в 1731 году, с тех пор не единожды переведенный и переизданный [471]. Эта книга является чрезвычайно интересной для нашего исследования не только потому, что она – одна из первых в Западной Европе попыток дать комплексный обзор Северного Причерноморья и Крыма, но и потому, что написана в жанре «воображаемого путешествия», т. е. в форме дневника поездки, которую автор никогда не совершал. Одним из важнейших фрагментов этой работы является описание крымских татар, про которых Вольтер говорил, что они «от скифов, своих предков, унаследовали нерушимое уважение к гостю» [471, с. 157–158]. Эта формула – «татары = скифы» – оказалась необычайно жизнеспособной, ее повторяли, т. е. искали следы скифов в XVIII веке, многочисленные путешественники и некоторые ученые того времени вплоть до первых научных экспедиций Петербургской академии наук, и актуальности своей она не теряла на протяжении всей первой половины XIX века.

Впрочем, следует отметить, что подобное отождествление скифов и татар, т. е. древних и новых «варваров», имело место в западной общественной мысли, по меньшей мере за полтора столетия до Вольтера. Так, английский капитан Джон Смит (тот самый, кого в 1607 году

спасла от рук своих соплеменников индианка Покахонтас) после плена, рабства в Крымском ханстве и бегства на Запорожскую Сечь в 1603 году писал в своих воспоминаниях: «Теперь вы понимаете, что Татария и Скифия это одно и то же, но она так велика и бескрайня, что вряд ли кто-нибудь сможет в совершенстве описать ее или те несколько варварских народов, что ее населяют» [472, с. 866–868]. Мемуары Джона Смита под названием «The True Travels, Adventures and Observations of Captain» («Правдивые путешествия, приключения и наблюдения капитана») были впервые напечатаны в 1630 году. Вполне возможно, что Вольтер был знаком с оригиналом этой книги.

Пребывание в Крыму с 1754 до приблизительно 1758 года Шарля де Пейссонеля-младшего в качестве французского консула при ханском дворе обогатило европейскую литературу работой «Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube à du Pont-Euxin» («Наблюдения исторические и географические за варварскими народами, живущими на берегах Дуная и Понта Эвксинского»), изданной в Париже в 1765 году [473], в которой консул-путешественник доказывал, что «к восточным скифам нужно причислить всех варваров, двигавшимся на запад, а именно гетов, даков и сарматов» [473, с. 5–7].

Другой французский консул в Крыму – барон Франсуа де Тотт, позднее готовивший турецких артиллеристов в Стамбуле, отправляясь в 1767 году из Парижа к месту назначения по суше, преодолел значительные трудности на пути, чтобы затем подробно описать свои впечатления от путешествия по Востоку. Книга «Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares» («Воспоминания барона де Тотта о турках и татарах») вышла в Амстердаме в 1784 году (4 тома), а в следующем году – одновременно в Париже (2 тома) и Амстердаме – уже в трех томах [474]. В ней автор, среди прочего, оценил численность жителей Крымского ханства в 3,5 миллиона. Интересно, что Шарль Пейссонель откликнулся критическими замечаниями на это произведение, и при переиздании своих воспоминаний де Тотт напечатал их отдельным томом [475].

Наиболее же значительным и для иностранных вояжеров стали 1786–1787 годы, т. е. период подготовки путешествия императрицы Екатерины II по вновь приобретенным землям Тавриды. Первой

по этому маршруту, даже останавливаясь в апартаментах, предназначенных для императрицы, проехала в 1786 году леди Элизабет Крейвен (иногда – Кравен), направляясь в Стамбул. Довольно обширное описание Крыма дополняли мечты путешественницы об английских колониях, мануфактурах и товарах на полуострове, а также о том, что в бухтах Севастополя будут скрываться «от непогоды и врагов» корабли всей Европы. Начало Крымской войны материализовало воображение английской леди, что повысило спрос на ее воспоминания во всех европейских странах. Впервые книга «A Journey Through the Crimea to Constantinople» («Путешествие по Крыму до Константинополя») вышла в 1789 году в Дублине, а современное переиздание осуществлено в 1970 году в Нью-Йорке [476].

Иностранные дипломаты-вожеры составляли свиту Екатерины II в ее путешествии в Крым. От Санкт-Петербурга до Киева императрицу сопровождал граф Луи-Филипп де Сегюр, герой Войны за независимость Америки, тогдашний французский посол в России. В Киеве к ним присоединился принц Шарль-Жозеф де Линь, австрийский фельдмаршал, которой должен был отвечать за координацию действий австро-русских войск в будущей войне с Османской империей. Оба путешественника оставили описания той поездки, которые, будучи широко растиражированными и разрекламированными, стали эталонными образцами для следующих поколений европейских вояжеров. Множество стереотипов относительно Крыма и его обитателей, встречающиеся в путевой литературе первой половины XIX столетия, берут свое начало именно в мемуарах обоих вояжеров – де Сегюра и де Линя.

Воспоминания Л.-Ф. де Сегюра «Mémoires, souvenirs, et anecdotes, par le comte de Ségur» («Мемуары, памятки и анекдоты графа де Сегюра») сначала были изданы в Париже в 1824–1826 году как 11, 12 и 13-й выпуски полного собрания его сочинений, а в 1859 году переизданы как XIX и XX тома «Библиотеки мемуаров» [477]. Книга «Correspondance et pensées du prince de Ligne» («Переписка и мысли принца де Линя») впервые была напечатана в Париже в 1809 году, а переиздана вместе с мемуарами де Сегюра как XX том «Библиотеки мемуаров» [478]. Следует отметить, что выдержки из воспоминаний графа Сегюра, опубликованные на русском языке в 1865 году в Петербурге [479], не полностью охватывают интересующий нас контекст.

«Крымский полуостров, – убеждал своих читателей де Сегюр, – с севера ограничивают пустынные степи древней Скифии». Кроме этого наблюдения, подчеркивающего связь с вольтеровским курсом, оба европейских вояжера основали новую традицию, согласно которой путь любого вояжера включал ряд обязательных памятников и событий. В целом каждый образованный европеец должен был: а) увидеть в Крыму цветущую природу и насладиться климатом; б) пожаловаться на уровень развития местного хозяйства и предложить создать тут колонию трудолюбивых иностранцев; в) ощутить себя на Востоке, побывав на базаре и столкнувшись с местным гостеприимством или местной ленью; г) заглянуть в мечеть и полюбоваться на танец дервишей; д) вспомнить античные мифы, связанные с Тавридой, в особенности миф об Ифигении; е) осмотреть руины древних крепостей и «удивиться» мощи Севастополя и Черноморского флота; ж) наконец, попробовать увидеть местную жительницу без чадры. Для вояжеров высокого ранга эта традиция предусматривала личную встречу с остатками былого величия Крыма. Так, Луи-Филипп де Сегюр взял себе в проводники садовника последнего крымского хана Шагин-Герая, а Адам Мицкевич 38 лет спустя играл в шахматы с ключником того же крымского правителя.

Досоветские научные труды о Крыме. В эту категорию попали те авторы, на произведения которых чаще всего ссылались польские путешественники в своих записках. Труд патриарха новейшей польской историографии Адама Нарушевича «Tawryka, czyli wiadomości starożytne i różniejsze o stanie i mieszkańcach Krymu» («Таврика, или Ведомости древние и позднейшие о состоянии и обитателях Крыма») впервые вышел в Варшаве в 1781 году [480]. Свою книгу А. Нарушевич презентовал в 1787 году Екатерине II, аккуратно едущей в Крым; сам же историк сопровождал польского короля Станислава-Августа Понятовского в его путешествии по Украине. Императрица лично приняла Адама Нарушевича, пожаловала ему драгоценный перстень и назначила пожизненную пенсию в 500 червонцев ежегодно. В следующем году в Киеве появился перевод работы А. Нарушевича на русский язык [481].

Появление «Таврики» произвело впечатление не только на придворные, но и на научные круги Российской империи. Книгу тепло приняли даже те исследователи, которые сами намеревались создать

подробное описание Крыма, т. е. выступали конкурентами А. Нарушевича. Так, правитель Таврической области Василий Коховский писал в одном из своих писем: «Пересылкой польской книжечки о Тавриде причинили Вы немалое удовольствие Карлу Ивановичу [Габлицу. – С. Г.]. Оную просмотрев, увидел он <...> разность учености поляка с великороссиянином <...>. Польский сочинитель мне знаком, он наиученейшим между ними почитается» [482, с. 265–266]. К слову, Карл Иванович Габлиц тремя годами ранее сам создал «Физическое описание Таврической области», изданное в Санкт-Петербурге [483].

Человеком, чье наследие отразилось на творчестве большинства польских вояжеров, был ученый и путешественник, член Петербургской академии наук Петер Симон Паллас. Плод его тщательного изучения Крымского полуострова – труд под названием «Description physique et topographique de la Tauride» («Описание физическое и топографическое Тавриды») – вышел в Петербурге в 1795 году и тотчас же был переведен на русский язык как «Краткое физическое и топографическое описание Таврической области» [484]. Кроме того, сведения о прошлом Северного Причерноморья имелись и в других работах ученого, например в двухтомнике «Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794» («Заметки о поездке в южные провинции Российской империи 1793 и 1794 годов») [485], широко доступном на немецком и французском языках. Трудно найти хотя бы одну книгу польского путешественника конца XVIII – первой половины XIX столетия, в которой не было бы ссылок на научное наследие Палласа.

Итак, несмотря на известную неравномерность в объемах источниковой базы для разных путешественников, трудности с поиском и анализом отдельных источников, различной их ценностью, мы можем констатировать, что на сегодняшний день даже имеющегося источникового фундамента достаточно для продолжения исследований и составления просопографических портретов польских путешественников по Крыму.

ЧАВА 3

Методы и методология

*Путешествие, как самая великая наука,
и серьезная наука, помогает нам вновь обрести себя.*

Альбер Камю

*Э*то самая короткая глава во всей книге, и предназначена она для тех, кому интересно заглянуть за кулисы научного поиска, увидеть «идейные механизмы», двигавшие данное исследование вперед, и оценить убедительность авторской аргументации.

Методы изучения путевой литературы

Общая характеристика методологии. Методика изучения записок путешественников сложна по определению – поскольку включает не только ряд собственно исторических методов (например сравнительно-исторический или ретроспективный), но и приемы филологического анализа, так как наследие польских путешественников – каждая конкретная работа – является одновременно и историческим источником, и произведением искусства, т. е. целостным культурным явлением [486, с. 227]. Поэтому наше исследование носит междисциплинарный характер, в нем широко используются как общенаучные, так и многочисленные специальные исторические и филологические методы работы.

Принципы и методы. Главными принципами проведения исследований стали принципы историзма, системности и объективности при освещении исторических явлений и фактов. Среди общенаучных подходов были использованы прежде всего исто-

рический и логический методы, выступающие в процессе познания одновременно в единстве и противоположности [487, с. 40–43], методы дедукции, переход от общего к конкретному, и индукции, переход от конкретного к общему, а также абстрагирование [488, с. 145–147].

Среди специальных исторических методов главным можно назвать сравнительно-исторический метод в его трех основных функциях: а) поиск в явлениях различного порядка тождественных элементов; б) изучение происхождения и связи между этими элементами; в) построение сравнительной типологии [489, с. 102–103]. Благодаря этому методу существует возможность сравнивать между собой различные по жанру и времени появления записки и воспоминания польских путешественников.

Ретроспективный метод, согласно которому изучение явления идет от современности к прошлому, от следствий к причине, позволяет изучать отдельные элементы прошлого, сохранившиеся в настоящем времени. То есть речь идет о многочисленных стереотипах, заимствованных младшими путешественниками из трудов своих старших коллег.

Типологический и системно-исторический методы направлены на упорядочивание совокупного множества объектов по определенным признакам – внутренним или внешним. Благодаря применению этих методов становится очевидным, и это чрезвычайно важный постулат нашей книги, что записки путешественников – не отдельный самостоятельный жанр. Путевая литература – это своеобразная наджанровая категория, объединяющая несколько типов источников личного происхождения [490, с. 604–608]:

- дневники (так называемые «путевые дневники»);
- мемуары (воспоминания о путешествии);
- автобиографии (естественно, автобиографии путешественников);
- эпистолярный (так называемые «путевые письма»);
- малые литературные формы: заметки, репортажи, очерки.

Все они различаются по объему, структуре, стилю, содержанию и исследовательской ценности, но всех их объединяет наличие путевых впечатлений, что требует от исследователя применения различных подходов к их изучению, однако с учетом внутреннего единства путевой литературы.

По двум причинам отдельно следует упомянуть биографический метод – изучение истории сквозь призму жизни одного человека. Во-первых, записки путешественников – не отчеты научных экспедиций, они субъективны по определению, поэтому игнорировать влияние личности на текст было бы методологически неверно. Во-вторых, биографии многих польских путешественников изучены плохо, сведения о некоторых вообще отсутствуют в отечественной историографии, поэтому реконструкция жизненного и творческого пути каждого вояжера является нормой этой книги.

Отдельное внимание уделено просопографическому анализу. Просопография – изучение биографий коллективов и составление коллективных портретов – в последние десятилетия приобретает популярность и в Украине [36, с. 5–7; 491, с. 166]. В нашем случае мы имеем дело с коллективом польских путешественников, в котором большинство вояжеров не только знакомы друг с другом заочно, через изучение работ, но и лично дружили. По меньшей мере шестеро из двенадцати польских вояжеров были связаны совместной учебной или сотрудничеством в различных сферах. Ввиду этого просопографический анализ является немаловажным инструментом нашего исследования.

Из большого числа филологических методов исследования для нашей работы избрано несколько, тесно связанных друг с другом в рамках имагологического анализа. Имагология (от лат. *imago* – образ) является одновременно и частью сравнительного метода в литературоведении, и междисциплинарной отраслью общественных наук, изучающей имагеми, т. е. образы – стойкие представления, или стереотипы, одних людей и целых обществ относительно других людей, обществ, народов и территорий [492, с. 5]. Изучение представлений путешественников об истории этнографии народов Крыма, нашедших свое отображение в их заметках, является неотъемлемой частью этой работы. Практика внедрения имагологических приемов в исторические исследования – так называемая «историческая имагология» – уже нашла своих сторонников в научных кругах [493].

Именно с позиций имагологического анализа все польские путешественники рассматриваемого нами периода сгруппиро-

ваны по специфическим признакам тех культурных течений, которые господствовали в тогдашнем польском обществе. Первыми, кто в украинской историографии применил периодизацию исторической науки по таким признакам, были доктор исторических наук заместитель директора Института украиноведения им. И. Крипьякевича НАН Украины Леонид Зашкильняк и доктор исторических наук заведующая кафедрой истории Национального университета «Киево-Могилянская академия» Наталья Яковенко. В своей работе о развитии польской историографии XIX столетия Л. Зашкильняк выделил, среди других, романтический и неоромантический периоды [494, с. 20–22, 60–61], а Н. Яковенко вообще разделила всю европейскую историографию того века на этап Просвещения, эпоху Романтизма и эру позитивизма [495, с. 5–6].

Последним методом, с недавних пор распространившимся в исторических и литературоведческих исследованиях, использованным в нашей работе, является деконструкция, т. е. разделение текста с целью освободить его от фрагментов, над которыми тяготеют риторические каноны, клише, общие места и т. д., с дальнейшим восстановлением первоначального замысла автора [496]. Для польских путешественников текстами-образцами, идеи и формулировки из которых часто маскировали собственные авторские наблюдения или на подсознательном уровне влияли на их оценки увиденного в Крыму, были труды историка Адама Нарушевича и поэта Адама Мицкевича.

Схема анализа записок вояжеров

Общая характеристика. Совершенно очевидно, что путешественники не могли быть свободными от предубеждений своего времени или социальной прослойки по отношению к тем странам, которые посещали, но, в отличие от авторов научных трудов, вояжеры и не пытались скрыть субъективность своих взглядов.

Итак, во-первых, без анализа культурных архетипов и общественного мнения тех регионов, где родились и воспитывались пу-

тешественники, невозможно прийти к выводу, почему они именно так, а не иначе давали описания Крыма в своих записках [492, с. 156]. Во-вторых, следует иметь в виду, что «образ другого» прямо зависит от отношений родины вояжера со страной – местом путешествия [497, с. 110–118]. В-третьих, необходимо иметь в виду существенную разницу между непосредственными впечатлениями вояжера и текстом, подготовленным к печати. Эти три приема: а) изучение персональных культурных архетипов автора; б) изучение нетекстовых агентов влияния на путешественника; в) изучение текста на предмет выявления влияния цензуры и самоцензуры – составляют основу первых трех этапов изучения путевой литературы. Четвертый этап составляет изучение того влияния, которое уже сам автор оказал на окружающих его людей.

Четыре этапа анализа путевой литературы. Итак, изучение произведения путевой литературы любого жанра может и должно проходить в четыре этапа. На схеме они наглядно представлены.

Четыре этапа анализа произведения путевой литературы

При просопографическом анализе, т. е. при обобщении факторов, влиявших на личности и тексты путешественников, следует также иметь в виду и дополнительные групповые обстоятельства, такие как эволюция литературных жанров или корреляция впечатлений под влиянием вояжеров друг на друга. Сводная таблица агентов влияния составлена на основе и по примеру материалов, помещенных в монографии о развитии украинской археографии [498].

Факторы, влиявшие на формирование
позиции путешественников

№	Фактор (по алфавиту)
1	Использование научных материалов
2	Культурные парадигмы
3	Личные симпатии
4	Международная ситуация
5	Мотивация путешествия
6	Новизна увиденного
7	Образование
8	Общественное мнение
9	Опыт путешествий
10	Отзывы современников
11	Официальная цензура
12	Происхождение и доходы
13	Путешественники-предшественники
14	Трудности на пути
15	Форма (жанр) записок

**«Terra imaginaria» и перспективы исследования
путевой литературы**

Завершая главу, посвященную методологии, я хотел бы обратить внимание на два принципиальных, на мой взгляд, аспекта, которые будут определять развитие исследований путевой литературы в дальнейшем. Во-первых, это ментальное картографирование, во-вторых – исследование стереотипов.

Ментальное картографирование, или, шире, «воображаемая» география, является неотъемлемым, хотя и не всегда осознаваемым, спутником любого путешественника – от античности до наших дней. Современные ученые должны отдавать себе отчет в том, что для подавляющего большинства вояжеров прошлого представления о некоем географическом объекте или территории зачастую оказывались более важными, нежели реальное восприятие таковых. Еще большее влияние ментальные карты

оказывали на родной социум путешественника, позволяя представить или вообразить себе некие характеристики (имагема, т. е. образы) общего понятия, с которым большинство членов этого общества никогда не сталкивались. Так, например, понятия «Европа», «Балканы», «Азия», будучи произнесены вслух, рожают ряд ассоциативных имагем, например «благополучие» и «достаток» для первого понятия, «война» – для второго, «перенаселение» и «бедность» – для третьего.

В случае с Крымом европейская ментальная карта конца XVIII – начала XX века не совпадала с картой географической. Физически Крымский полуостров расположен в Европе, однако в воображаемой географии того времени, без всякого сомнения, он относится к Востоку, несмотря на известную неопределенность этого понятия. Наиболее четко и однозначно выразил такое понимание Крыма Адам Мицкевич, назвав его «Востоком в миниатюре». Что же послужило причиной такого состояния вещей? Во-первых, историческая реальность, создавшая у жителей Восточной Европы устойчивую ассоциацию: Крым = опустошительные набеги степных кочевников, а во-вторых, влияние самих вояжеров, обращавших внимание во время своих визитов на экзотические детали: руины дворца ханов, гаремы, тюркские орнаменты и т. п. Поэтому совершенно неудивительно, что само слово «Крым» долгое время ассоциировалось с восточным колоритом. Только в 40–50-е годы XX века имагема «Восток в миниатюре» окончательно уступила место имагеме «курорт», наиболее распространенной сейчас в массовом сознании.

К проблеме ментальных карт и имагем тесно привязана и проблема стереотипов. Выяснив, что на ментальной карте мира поляки относили Крым к «Востоку», мы не должны удивляться тому, что на полуостров, вернее, на его обитателей, проецировались и все известные вояжерам «признаки Востока», например восточное гостеприимство или восточное безделье. Здесь снова уместно процитировать Виссариона Белинского: «путешественники склонны видеть в той или иной стране не то, что в ней есть, но то, что они раньше, еще у себя дома, решили в ней видеть» [8, т. 6, с. 59–60]. К польским гостям это выражение подходит как нельзя лучше.

Итак, следует признать, что Крым в начале визита ни в коем случае не казался путешественникам «*Terra incognita*» («неизвестная земля»), а был скорее «*Terra imaginaria*» («воображаемая/пред-

ставляемая земля»), что накладывало существенный отпечаток на формулировки, которыми вояжеры описывали увиденное ими во время путешествия. И я глубоко убежден в том, что без полноценного и всестороннего анализа таких составляющих путевой литературы, как ментальные карты и имагеми-стереотипы, в будущем не будет обходиться ни одно серьезное исследование в этой сфере.

Упомянутые факторы различны по степени своего влияния на итоговый текст, но полное игнорирование хотя бы нескольких из них может привести к серьезным ошибкам в оценке записок того или иного путешественника. То же можно сказать и о перечисленных в начале главы исследовательских методах – как ни велико было бы искушение пренебречь хотя бы двумя-тремя, всегда следует помнить, что качество исследования в первую очередь зависит от первоначального качества инструментов.

* * *

Таким образом, из рассмотренного выше материала следуют несколько важных выводов. Во-первых, путевая литература – не отдельный жанр, а наджанровая категория, объединяющая различные типы источников личного происхождения. Во-вторых, записки путешественников – одновременно и литературное произведение, поэтому при их изучении необходимо применять как исторические, так и филологические методы. В-третьих, накопленная в досоветской историографии фактологическая база и разработанный методологический аппарат нуждаются в «переоткрытии» и переосмыслении с целью сделать их пригодными для использования сегодня. В-четвертых, большинство советских историков игнорировало значимость записок путешественников, поэтому достижения филологов в изучении путевой литературы нуждаются в пристальном внимании. В-пятых, западная наука с 70-х годов XX столетия отказалась от банального выделения фактов из записок вояжеров, а главным объектом исследования на сегодняшний день является сам путешественник с имманентно присущими ему стереотипами и убеждениями. Наконец, в отечественной исторической науке зафиксированы позитивные изменения в сторону изучения путевой литературы под новым углом зрения, но этот процесс находится лишь на начальной стадии, а потому остается актуальным и сегодня.

ЧАСТЬ II

Польские путешественники
конца XVIII – начала XX столетия в Крыму:
просопографический портрет

*Жизнь во время путешествия –
это мечта в чистом виде.*

Анна Кристи

ГЛАВА 4

Путники эпохи Просвещения (конец XVIII – начало XIX века)

*Путешествия гибельны для предрассудков,
фанатизма и ограниченности.*

Марк Твен

*В*опреки распространенному мнению эпоха Просвещения не была временем лишь критического переосмысления накопленных за предыдущее столетие исторических знаний и построения моделей прогрессивного развития человечества. Как отмечает Наталья Яковенко, «рядом с историками и философами на протяжении XVIII века работали и так называемые «антиквары» (которых философы открыто презирали). «Антикварное» течение унаследовало традиции эрудитов XVII века, ставя приоритетом издание и комментирование источников» [495, с. 107]. И так, в большинстве европейских стран начали издаваться многотомные собрания документов прошлого, а значительное число ученых стали выезжать в научные экспедиции с целью постоянных профессиональных поисков древностей.

Согласно пятиэтапной классификации развития историко-этнографических исследований Крыма, предложенной Андреем Непомнящим, на эпоху Просвещения как раз и приходится первый этап – «деятельность экспедиций, организованных ПАН (80-е гг. XVIII в. – 30-е гг. XIX в.) (В. Ф. Зуев, Е. Е. Кёллер, П. С. Паллас и др.). Итогом их ра-

боты стали географо-историко-этнографические труды, отчеты (описания) этих научных путешествий, в которых значительное место занимают историко-краеведческие материалы» [36, с. 335].

Поэтому вполне понятно, что именно на этот период приходилась деятельность двух польских путешественников – Станислава Сестренцевича-Богуша и Яна Потоцкого – известных ученых своего времени, отдававших предпочтение историческим исследованиям перед описанием собственных впечатлений и видевших свою главную обязанность в «просвещении» читателей монументальными творениями.

Станислав Сестренцевич-Богуш

Станислав Иоанн Сестренцевич-Богуш родился 3 сентября 1731 года в селении Занки, неподалеку от Свислочи (ныне Гродненская область Белоруссии), в смешанной кальвинистско-католической семье. Он получил домашнее образование, а в 1743 году (в возрасте 12 лет) был направлен в протестантский пансион в местечке Койданув, недалеко от Минска. Там молодой С. Сестренцевич-Богуш обратил на себя внимание содержателей пансиона и вскоре за их счет был отправлен обучаться за границу: провел год в Кенигсберге, затем слушал лекции в учебных заведениях Франкфурта, Амстердама и Лондона.

После возвращения из-за границы, в 1749 году Станислав Сестренцевич-Богуш дал уговорить себя вступить на военную службу в прусский гусарский полк, был повышен до офицерского звания, однако в 1751 году, вследствие дуэли, оставил полк и перешел в литовскую гвардию в чине хорунжего. Через десять лет он стал капитаном драгун и навсегда оставил военную службу, хотя армейским привычкам следовал до конца жизни.

Станислав Сестренцевич-Богуш.
Литография

В 1761 году тридцатилетний бывший военный стал домашним учителем в семье литовских магнатов Радзивиллов, где под влиянием обстоятельств личного характера (любовь к собственной ученице) обратился в католичество. В это время Станислав Сестренцевич-Богуш познакомился с недавно назначенным виленским епископом Игнатием Масальским, своим будущим патроном, и, вероятно, под его воздействием принял решение посвятить себя духовной карьере. После двухлетних курсов теологии в Варшаве С. Сестренцевич-Богуш стал вначале монахом, а затем – 3 июля 1763 года – и священником ордена пиаров.

С 1767 года он служил настоятелем прихода в Гомеле; после проповеди, оглашенной им в связи с покушением барских конфедератов на жизнь короля Станислава-Августа Понятовского, его имя стало известным. Король поручил С. Сестринцеву-Богушу заседать в литовском духовном трибунале, в 1771–1773 года он фактически руководил Виленской епархией, а 12 июля 1773 года официально был назначен виленским коадьютором. Спустя полгода, 3 октября, Екатерина II пригласила стремительно возвысившегося прелата возглавить кафедру организованной после первого раздела Польши Белорусской епархии, что сделало его фактическим руководителем Римско-католической церкви в России.

11 декабря 1783 года пятидесятидвухлетний Станислав Сестренцевич-Богуш был торжественно провозглашен могилевским архиепископом и с тех пор стал подчиняться исключительно Сенату Российской империи. В 1786 году Ватикан передал архиепископу часть прав, ранее принадлежавших исключительно папам. В 1789-м С. Сестренцевич-Богуш получил от Святого престола разрешение носить знаки кардинальского достоинства, после чего Павел I возвел его в чин командора большого креста ордена Иоанна Иерусалимского и назначил митрополитом всех римско-католических церквей Российской империи. Ежегодный доход С. Сестренцевича-Богуша составлял с того времени 10 000 рублей, кроме того, за ним остались приходы в Вильно, Бобруйске и Гомеле.

Это время характеризуется, с одной стороны, многочисленными и масштабными административными и каноническими перестройками в структуре католической церкви в России, личными

занятиями митрополита сельским хозяйством и народным просвещением, с другой – постоянной борьбой с иезуитами, балансированием между интересами Петербурга и Ватикана, нарастающим влиянием императора.

В центре собственной митрополии, Могилеве, прелат в 1774 году открыл типографию, а в 1783-м основал театр, в котором, между прочим, играли пьесы по сюжетам драм самого митрополита. Позднее в своих владениях С. Сестренцевич-Богуш организовал пивоварню и суконную фабрику, а также оранжерею.

В это время ученый-митрополит дважды побывал в Крыму (в 1784 и 1787 гг.), тщательно осмотрев полуостров и поднявшись, среди прочего, на Мангуп. Тогда же он начал работу по изучению истории края.

Насмешки Станислава Сестренцевича-Богуша над официальными распоряжениями из столицы, которые он позволил себе в личной переписке, позже переданной иезуитами Павлу I, вызвали императорский гнев, однако лояльность митрополита во время восстания Тадеуша Костюшко в 1794 году сохранила ему благосклонность монарха. Главные противники С. Сестренцевича-Богуша, иезуиты, были высланы из Санкт-Петербурга. Впрочем, новый конфликт с ними, возникший спустя два года, завершился их победой – и в 1800 году российскую столицу был вынужден покинуть сам ученый прелат. Он направился в одно из своих имений под Могилевом, в котором провел следующий год, много работая над материалами по истории Северного Причерноморья.

В 1801 году Станислав Сестренцевич-Богуш вернулся в столицу, но светская власть его значительно ослабла, поэтому он целиком посвятил себя научной деятельности. В 1813–1823 годах С. Сестренцевич-Богуш был президентом Императорского вольно-экономического общества, стал почетным

Станислав Сестренцевич-Богуш

членом Московского, Виленского и Краковского университетов, Императорской Российской академии (с 1814 г.), Медико-хирургической академии, Российского библейского общества, а также Британского общества земледелия. В 1805 году митрополит пожертвовал собственный дом в столице ради организации первой в России многопрофильной гимназии.

При жизни Станислав Сестренцевич-Богуш стал кавалером многих орденов, как российских: Андрея Первозванного (1798 г.), Святого Александра Невского, Святого Владимира, Святой Анны 1-й степени, так и заграничных: Святого Станислава (1773 г.), Белого Орла (1779 г.) и Иоанна Иерусалимского (1789 г.).

Свой дом в Могилеве Станислав Сестренцевич-Богуш передал для нужд Римско-католической духовной консистории. Умер митрополит 1 декабря 1826 года в Петербурге в возрасте 95 лет. По его завещанию, собственное имущество наследовали родственники; библиотека в 3000 томов и 20 000 рублей достались костелу Святого Станислава в столице, построенному на месте бывшего дома митрополита за его деньги; крестьяне из его имений отпущались на волю. С. Сестренцевич-Богуш был погребен в храме Святого Станислава, освященном и щедро поддерживавшимся им при жизни.

Историческое наследие митрополита Сестренцевича-Богуша составляют три научных труда. Первый из них – «O Rosji Zachodniej» («О Западной России») [499] – был напечатан в Могилеве в 1793 году. В нем ученый лояльно высказывается в пользу того, что «целая Западная Русь, все возникшие в ней государства искони находились под властью князей русских» [499, с. 20]. Эта работа никогда не переводилась с польского языка и не переиздавалась.

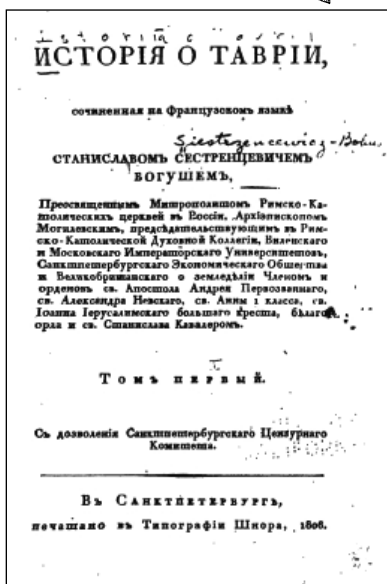
Второй труд, наиболее важный для нашего исследования, – «Histoire de la Tauride» [419], или (в поздних изданиях) «Histoire du royaume de la Chersagese Taurique», написанный по своеобразному заказу графа Григория Потемкина, а затем переведенный на русский язык и изданный под заголовком «История царства Херсонеса Таврийского» [420]. Цитаты из этой работы будут встречаться в третьей части данной книги, там же будет дана и общая оценка.

Последним фундаментальным трудом, подводящим итоги изучения Станиславом Сестренцевичем-Богушем истории древних

славян и обитателей Северного Причерноморья, стал пятитомник «Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves, et sur les époques de la conversion de ces peuples au christianisme» («Историческое исследование о происхождении сарматов, склавинов и славян и об эпохе обращения этих народов в христианство») [500], изданный в 1812 году в Петербурге.

Обычно исследователи упрощают название этой работы и указывают лишь первые четыре тома, поскольку пятый том вышел на год позже и содержал указатели ко всему изданию. Эта работа до сих пор не переведена с французского языка на русский и не переиздана. Идеей, пронизывающей последнее творение митрополита, стал «сарматизм», концепция происхождения славян от сарматов, обосновывающая стремление польской шляхты владеть украинскими степями.

«История о Таврии»
Станислава Сестренцевича-Богуша.
Титульный лист. 1806 г.

Ян Потоцкий

Ян Непомуцен (Иван Осипович) Потоцкий родился 8 марта 1761 года в Пикове (вблизи Бердичева) в семье Юзефа Потоцкого (из старшей «ланьцутской» ветки рода графов Потоцких – потомков коронных гетманов XVII века), коронного кравчего и одного из предводителей Радомской конфедерации, и Терезы Оссолинской (наследницы рода польских канцлеров), являясь, таким образом, одним из наиболее титулованных магнатов Речи Посполитой.

Наделенный с детства необычайной памятью и богатой фантазией, Ян Потоцкий вместе с младшим братом Северином (1762–1829;

Ян Потоцкий. Литография

позднее – действительный тайный советник, член Государственного совета Российской империи) в семилетнем возрасте оставил отчий дом, чтобы получить образование в школах Женевы и Лозанны, а на отдых приезжать в Париж. В Европе молодой аристократ получил разностороннее образование, досконально изучил несколько современных языков, овладел греческим и латынью. Среди прочих увлечений Яна Потоцкого – труды по истории и географии, написанные римскими авторами.

После возвращения домой в апреле 1778 года Ян Потоцкий вступил в ряды австрийской армии и в том же году в чине кавалерийского подпоручика принимал участие в войне за Баварское наследство (1778–1779 гг.). После окончания боевых действий молодой граф в 1779 году посетил Италию, Сицилию, Мальту, где был принят в кавалеры ордена Святого Иоанна. В 1783 году Ян Потоцкий вышел в отставку и женился на известной красавице и наследнице знатного рода княжне Юлии Любомирской. Впрочем, уже в марте следующего года он оставил молодую жену ради двухмесячного путешествия в Константинополь, а затем – в Александрию Египетскую. Записки из этого вояжа положили начало наследию Я. Потоцкого как путешественника.

Возвратившись через Венецию в Европу, Ян Потоцкий почти на четыре года поселился в Париже, занимаясь разнообразными науками и искусствами. Осень 1787 году Я. Потоцкий провел в Голландии, чтобы собственными глазами наблюдать политический кризис в этой стране. Однако кризис уже в его родной Польше вынудил путешественника в 1788 году отправиться домой.

Вскоре после возвращения молодой аристократ был избран депутатом сейма от Познаньского воеводства и с головой окупнулся в политическую жизнь, не оставляя, впрочем, научных занятий.

Чтобы иметь возможность совмещать исследования с обязанностями депутата, Ян Потоцкий в своем варшавском дворце на улице Рымарьской построил собственную прекрасную типографию, которую назвал «Свободной», а при ней – публичную читальню. Первым произведением, напечатанным новоиспеченным издателем, были его собственные записки «Voyage en Turquie et en Egypte» («Путешествие в Турцию и Египет») [501]. Ян Потоцкий издавал также «Journal Hebdomadaire de la Diète» («Еженедельный диетический журнал») – иронический бюллетень сеймовых заседаний. В том же 1788 году Я. Потоцкий стал первым в Восточной Европе аэронавтом – вместе с известным специалистом по воздушным шарам Франсуа Бланшаром он совершил полет над Варшавой.

В следующем году Ян Потоцкий пожертвовал ежегодной прибылью своего имения Соболевка, размером более 10 000 золотых, ради увеличения количества польских саперных частей (соответствующий акт составлен 17 сентября). В 1789 году исследователь начал работу над славянскими древностями, которую не прекращал и впоследствии, и выпустил в свет четырехтомник «Essay sur l’histoire universelle et recherches sur celle de la Sarmatie» («Очерки общей истории и исследований Сарматии») [502]. Особый интерес вызывает вторая книга, в которой граф Потоцкий уделил внимание древнерусской истории, изучая и подвергая критике летописи.

В 1791 году Ян Потоцкий совершил путешествие в Англию, Испанию и Марокко, где был представлен королю этого государства. Воспоминания об этом визите – «Voyage dans l’empire de Maroc, suivi de voyage de Hafez: récit oriental» («Вояж в Марроканскую империю, обзор вояжа Хафиза: восточная повесть») [503] – были опубликованы графом в следующем году. Но серьезные события на родине вынудили Я. Потоцкого немедленно вернуться в Польшу. Тарговицкая конфедерация, Русско-польская война 1792 года не прошли мимо путешественника – он записался добровольцем в бригаду кавалерийского ополчения, а вскоре ему было присвоено звание инженерного капитана. После поражения реформаторов в борьбе с Россией Ян Потоцкий оставил Варшаву и выехал в Ланьцут, где пребывал в течение года, оставив всякую общественную деятельность и занимаясь драматургией. Не ответил он согласием и на приглаше-

ние Екатерины II занять должность при дворе. Потеряв 26 августа 1794 года жену, Ян Потоцкий вновь оставил родной край.

Объектом пристального внимания вояжера стала Германия: Нижняя Саксония, Мекленбург, Гамбург и Любек, где ученый жил у своего приятеля Генрика, прусского князя, и разыскивал следы пребывания славян. Чтобы упростить себе задачу, Ян Потоцкий принял решение собрать и перевести на французский язык все без исключения свидетельства средневековых авторов, касающиеся славян. Так появилась на свет книга «Chroniques, mémoires et recherches pour servir a l'histoire de tous les peuples slaves» («Хронология, памятки и исследования для истории всех славянских народов») [504], содержащая цитаты из трудов Яна Длугоша, Анонима Галла, Мацея Стрыйковского, из хроник Козьмы Пражского, Гельмольда, Тюрингенского кодекса. Из поездки по Германии Я. Потоцкий привез материалы для книги «Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités Slaves ou Vendes» («Вояж по отдельным частям Нижней Саксонии для исследования древних славян, или венедов») [505], в которой внимательно проанализировал все увиденные памятники славянских древностей.

В следующем году Ян Потоцкий начал исследование античных источников, результатом чего стало появление книги «Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves» («Фрагменты исторические и географические о скифах, сарматах и славянах») [506], в которой собраны все свидетельства древних греков и римлян относительно этих народов. В том же 1796 году он публикует работу «Mémoire sur un nouveau Peryple du Pont-Euxin, ainsi que sur la plus ancienne histoire des peuples du Taurus, du Caucase, et de la Scythie» («Памятки о новом перипле Понта Эвксинского, а также античной истории народов Таврики, Кавказа и Скифии») [416], ставшую его первым трудом о Северном и Восточном Причерноморье. К сожалению, остался неопубликованным главный труд Яна Потоцкого по истории Крыма и Причерноморья под названием «Origines des Slaves, des Cimmeriens, Lithuaniens, des Gètes ou Walaches, des Sarmates et des Scythes-Tchouds» («Происхождение славян, киммерийцев, литовцев, гетов или валахов, сарматов и скифов»), который бы существенно помог в исследованиях исторического наследия путешественника.

В 1797 году в жизни Яна Потоцкого начался новый этап: он вернулся на новую родину – в Россию. Не желая становиться придворным или замкнуться в тишине родового имения, Я. Потоцкий запланировал большое путешествие на Кавказ. Задавшись целью проверить рассказы Геродота и других авторов о Скифии и Кавказе, Ян Потоцкий отправился в 1797 году в Астрахань, а оттуда – на Кавказ, где прожил почти год, собирая этнографические сведения об астраханских татарах, чеченцах, калмыках и осетинах. Результатом путешествий стала книга «Voyage dans les steppes d’Astrakhan et du Caucase» («Вояж в астраханские степи и на Кавказ»). Описание этой поездки, переведенное на русский язык, также имеет значение в рамках нашего исследования [418]. Посетил Я. Потоцкий и Крым, правда проездом – по пути на Кавказ и обратно. В 1799 году вояжер женился во второй раз – на Констанции Потоцкой, происходившей из другой ветви его рода.

После возвращения с Кавказа Ян Потоцкий поселился в Санкт-Петербурге, где снова начал комплексные исследования древней истории, по результатам которых напечатал труд «Histoire primitive des peuples de la Russie» («Первобытная история народов России») [507] с посвящением императору Александру I. Эта книга была подвергнута необоснованным нападкам со стороны известного историка Августа Шлецера. Впрочем, ученый-аристократ попросту игнорировал их. Со своей стороны император, оценив заслуги Я. Потоцкого, уже тогда кавалера орденов Белого Орла и Святого Станислава, пожаловал ему звание тайного советника и назначил в Министерство иностранных дел. Общество любителей науки в Варшаве вскоре присвоило Яну Потоцкому звание действительного члена. А во второй половине 1803 года исследователь отправился на юг Италии, чтобы

Ян Потоцкий. Семейный портрет

поправить свое испорченное многочисленными путешествиями и долгой кропотливой работой в библиотеках здоровье.

После возвращения Ян Потоцкий начал работу над древней историей отдельных губерний, составлявших Российскую империю, и в рамках этого проекта опубликовал книгу «Histoire ancienne du gouvernement de Cherson» («Древняя история Херсонской губернии») [508], несколько позднее появились подобные труды, касавшиеся Подолья и Волыни, однако, эту работу исследователь так и не завершил. Общим результатом его деятельности в этот период стало появление «Atlas archéologique de la Russie européenne» («Археологического атласа Европейской России») [509]. На это же время приходится появление наиболее известного романа писателя – «Manuscrit trouvé à Saragosse» («Рукопись, найденная в Сарагосе») [510].

В следующем, 1805 году Ян Потоцкий был назначен руководителем группы ученых, отправившихся в Китай вместе с миссией графа Юрия Головкина. В ноябре посольство, насчитывавшее 240 человек (из них 40 драгун и 20 казаков), прибыло в Кяхту на границе с китайской Монголией, где ожидало соответствующие разрешения два месяца. 20 декабря миссия перешла границу и уже 2 января 1806 года добралась до столицы Монголии Урги. Ввиду отказа российского посла платить дань представителю императора, миссия была вынуждена вернуться. 19 февраля Я. Потоцкий снова оказался в Кяхте. Официальный рапорт с отчетом путешественник вручил тогдашнему министру иностранных дел России князю Адаму Чарторыйскому. В том же 1806 году Яна Потоцкого ждало награждение орденом Святого Владимира 1-й степени и звания почетного члена Петербургской Академии наук.

Однако вскоре вояжер оставил столицу. На протяжении нескольких следующих лет (1808–1809 гг.) лето Ян Потоцкий проводил в своем имении в Тульчине, а зиму – при библиотеке Кременецкого лицея, меценатом которого был. Лишь в 1810 году он ненадолго приехал в Петербург, где был с уважением принят тамошними научными кругами.

В 1810 году Я. Потоцкий совершил свое последнее путешествие – во Францию и Испанию, затем еще год жил в столице России, а в 1812-м навсегда оставил Петербург и поселился в имении Уладовка (Винницкая область), где прожил еще три года в глубокой меланхолии. 23 (11) декабря 1815 года. Ян Потоцкий по невыясненным

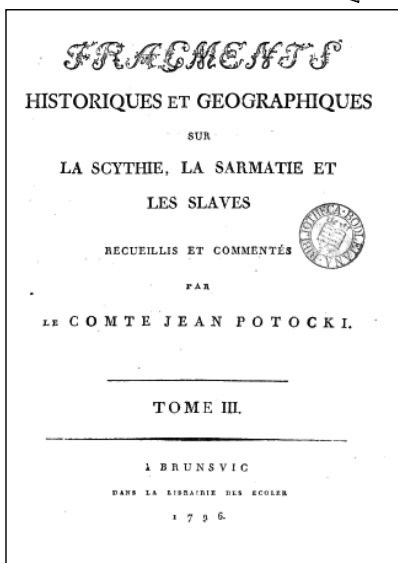

до конца причинам освятил в домашней часовне отпиленную от крышки серебряной сахарницы ручку, вложил ее в пистолет и покончил с собой выстрелом в голову. Ходили слухи, что к концу жизни путешественник начал превращаться в оборотня. Местные крестьяне с ужасом рассказывали о ночных нападениях огромного волка, скрывавшегося с рассветом в графском имении. Осведомленные современники были уверены, что ученого сгубил пристальный интерес к диковинкам Востока – мол, дотронувшись до тайного

знания или действительно «превращаясь в оборотня», Потоцкий не пожелал доводить свое сумасшествие до конца. Истинная дата смерти была установлена лишь в 2004 году на основании записей из кафедрального собора в Каменце-Подольском. До того времени существовало несколько версий: 2 декабря (20 ноября) и 2 ноября (20 октября). Дополнительную путаницу вносило несоответствие обоих распространенных в то время на Правобережной Украине календарей: юлианского и григорианского.

После первого брака у Яна Потоцкого остались двое сыновей – Альфред и Артур, от второго – сын Бернард и две дочери; позже Артур и Бернард стали путешественниками. Тело выдающегося ученого и путешественника, издателя и публициста Яна Потоцкого было погребено 1 января 1816 года (20 декабря 1815 г.) при входе в костел в его родном Пикове. В честь исследователя названа группа из 19 островов в Желтом море, в заливе Лиао-Тунг – архипелаг Потоцкого.

Ян Потоцкий был типичным ученым антикваром, не стремившимся переосмыслить изучаемую им древнюю историю. На-

«Исторические и географические очерки скифов, сарматов и славян» Яна Потоцкого. Титульный лист. 1796 г.

оборот, ощущая явный недостаток источников, первым делом пытался отыскать их и сделать доступными. Таким образом, жизнь и деятельность обоих путешественников эпохи Просвещения – Станислава Сестренцевича-Богуша и Яна Потоцкого – имеют немало общего. Несмотря на разницу в происхождении, оба получили образование в Европе, были в первую очередь искателями, а не кабинетными историками, наконец, обоим не чуждо было небезопасное вольнодумство, вытекавшее из приближенности к масонским кругам.

Впрочем, еще более поразительными являются совпадения в исследовательской деятельности, обусловленные влиянием Просвещения. Во-первых, безоговорочное доверие античным и средневековым источникам, более того – активное включение этих источников в научный оборот. Так, Ян Потоцкий издал свыше десяти книг с фрагментами из произведений древних летописцев, целиком в рамках тогдашней моды на антикваров, о чем говорилось выше.

Во-вторых, и Станислав Сестренцевич-Богуш, и Ян Потоцкий тяготели к огромным синтетическим трудам по истории, хотя и разным способом: первый сразу опубликовал две, а потом еще четыре книги в несколько сотен страниц, второй – двадцать четыре книги относительно небольшого объема.

В-третьих, сходное отношение к авторитету античности и тяготение к обобщениям привели обоих ученых-путешественников к одинаковой ошибке – непоколебимой вере в сарматизм. В целом же следует отметить, что идеи Просвещения наложили оригинальный отпечаток на труды Станислава Сестренцевича-Богуша и Яна Потоцкого, придав им форму и содержание, каких мы более ни разу не встретим в польском кримоведении.

ЧАСТА 5

Путешественники эпохи Романтизма (первая четверть – середина XIX века)

*Жить необязательно.
Путешествовать – необходимо.
Уильям Берроуз*

Наиболее удачную, на наш взгляд, характеристику эпохи Романтизма дал знаменитый британский историк Норманн Дэвис. Он считает, что главные принципы Романтизма состоят в тотальном отрицании Просвещения: «Если Просвещение провозглашало силу разума, романтиков привлекало все иррациональное в человеческом опыте: страсти, сверхъестественное и паранормальное, суеверия, страдания, сумасшествие и смерть. Там, где Просвещение провозглашало все большую власть человека над природой, Романтизм упивался трепетом перед непокоренным могуществом природы: ужасными бурями и водопадами, безлюдностью пустынь, одиночеством морей. Там, где Просвещение придерживалось классической любви к гармонии, сдержанности и почитало правила, на которые опирались условности цивилизации, Романтизм наслаждался всем, что бросало вызов господствующим традициям: дикостью, необычностью, экзотикой и ненормальностью. Там, где Просвещение пыталось пояснить порядок, лежавший в основе видимого мирового хаоса, Романтизм обращался к сокрытому внутреннему «духу» всего, что живет и движется. Если

Просвещение было нерелигиозным или же антирелигиозным, романтики были искренне верующими, даже если презирали традиционные христианские обряды. Если Просвещение опекало интеллектуальную элиту, романтики стремились освободить массы и дать им образование» [511, с. 806–807].

Кроме того, обращает внимание Н. Дэвис, в странах Восточной Европы, особенно в Польше и Венгрии, «где Романтизм был окрашен агонией национального поражения, он стал господствующей манерой мышления» [511, с. 807]. Без учета влияния романтических идеалов на сознание польских путешественников невозможно будет пояснить стиливые особенности их дневников и воспоминаний.

В классификации этапов крымоведческих исследований Андрея Непомнящего эпохе Романтизма соответствует второй этап – «деятельность путешественников». Его значение исследователь видит в том, что «если научные труды, созданные на протяжении первого этапа изучения края (вспомним работы С. Сестренцевича-Богуша и Я. Потоцкого. – С. Г.), предназначавшиеся для академической среды, были недоступны широким кругам информированной публики, то записки путешественников ликвидировали создавшийся вакуум крымоведческой информации» [36, с. 335]. Именно «популярность» и стала определяющим показателем, четко разграничиваю-

щим записки путешественников эпохи Романтизма и предшествовавшие им научные труды.

Густав Олизар. Силуэт

Густав Олизар

Густав Генрих Атаназий Олизар родился 3 мая 1798 года. Отец его, Филипп-Нереуш Олизар, подचाший Великого Княжества Литовского, и мать, Людвига Немирович-Щит, владели имением Коростышев в Радомском повете Киевской губернии (ныне г. Коростышев Житомирской области). Обучался Г. Олизар внача-

ле в Житомирской гимназии, а в 1808–1813 годах – в знаменитом Кременецком лицее, но курса не окончил.

В 1814 году он с больным отцом выехал в Италию, где в возрасте 16 лет женился на Каролине де Мело (Молло), дочери одного из сардинских министров, в прошлом – наполеоновского генерала. В том же году Густав Олизар вернулся в Коростышев, а после смерти отца унаследовал его имение. В своем доме молодой граф Олизар обустроил салон искусств, собирая картины многих выдающихся художников, семейные портреты королей и гетманов. Библиотека графа насчитывала несколько тысяч томов, а также многочисленные рукописи.

Не ограничиваясь светской жизнью, Густав Олизар внедрил в своем имении передовой на то время севооборот и плановое лесное хозяйство. Он устроил в Коростышеве купальни с полноценным курсом водного лечения. В 1818 году граф Олизар расстался со своей первой женой, не сумев найти общего языка с ее родителями, поселившись в его имении.

В первый период своей жизни (1798–1821 гг.) Густав Олизар известен также как неплохой литератор. Он – автор стихотворений, посвященных национальному герою Тадеушу Костюшко и педагогу Яну Коменскому, а также создатель биографий астронома Николая Коперника, хрониста Мартина Кромера и ученого Тадеуша Чацкого. Кроме того, в годы своей юности граф Олизар написал довольно много стихотворений и басен, выдержанных в стиле классицизма.

В это же время Густав Олизар завязал в Варшаве близкие отношения со многими передовыми представителями польского литературного мира, среди которых были писатель и революционер Юлиан Немцевич, историк Франциск Моравский, критик Людвиг Осинский.

1821 годом датируется начало нового этапа его биографии, связанного с общественной деятельностью (1821–1826 гг.). В том году Густав Олизар был избран предводителем дворянства Волынской губернии. Однако этот выбор не утвердил местный губернатор Бартоломей Гижицкий, которого смутил чрезмерно молодой возраст Олизара. Несмотря на это, вскоре Г. Олизар, против всяких ожиданий, избирается предводителем дворянства Киевской губернии. Как способный администратор был избран во второй раз на эту должность в 1823 году Исполняя обязанности предводителя до 1826 года,

он жертвовал немалые собственные средства на общественные нужды. Густав Олизар пропагандировал также проект освобождения крестьян, но не получил должной поддержки местных помещиков, а потому вынужден был временно оставить эту идею.

В середине мая 1820 года Густав Олизар впервые встретился с Александром Пушкиным в доме Ивана Бухарина, тогдашнего киевского губернатора. Приятельские отношения польского графа с русским поэтом завязались позднее – во время встреч в Киеве и Кишиневе в феврале – июне 1821 года.

Также в период 1821–1824 годов Густав Олизар стал членом мasonicких лож «Совершенная тайна» и «Увенчанная добродетель»; известна также принадлежность графа к Польскому патриотическому обществу.

В 1824 году Густав Олизар просил руки Марии Раевской (впоследствии жены декабриста Сергея Волконского), с которой познакомился в Киеве в 1821-м, но получил отказ от ее отца, кавалерийского генерала Николая Раевского, героя Отечественной войны 1812 года, мотивированный различиями в вероисповедании и национальности. Этот случай получил широкую огласку в дворянских кругах, именно с ним связано появление стихотворения А. Пушкина «Графу Олизару» (октябрь 1824 г.) [512, с. 495].

Небезынтересна дальнейшая судьба отношений Олизара и Раевской-Волконской. Летом 1825 года они случайно встретились в Одессе. Затем Мария проследовала в ссылку за своим мужем-декабристом, и на 34 года Густав Олизар потерял с ней связь. И лишь летом 1859 года они вновь случайно увиделись в Дрездене. Тема отношений с Марией красной нитью проходит через воспоминания и стихи Г. Олизара.

С целью преодолеть в себе любовные порывы, Густав Олизар отправился в Одессу, где задержался на некоторое время, обдумывая детали поездки на Восток, но затем от этой идеи отказался: «первоначальный план путешествия на дальний Восток стал... выходить из моей головы, что, возможно, не особенно свидетельствует в пользу постоянности моего характера» [386, с. 107]. Во время пребывания в Одессе Г. Олизар оказался связанным с декабристами Южного общества, с которыми познакомился еще в 1821 года в Ки-

шине. Так или иначе, граф Олизар присоединился в Одессе к окружению новороссийского генерал-губернатора, графа Михаила Воронцова, и вместе с ним приехал в Крым.

Путешествие началось в 1824 году. Густав Олизар добрался до побережья Крыма по морю, затем некоторое время жил в доме М. Воронцова в Гурзуфе, а в декабре того же года приобрел три четверти десятины земли в урочище Артек, где основал имение Кардиатрикон (Лекарство Сердца). Там он прожил до ноября 1825 года, изредка навещаясь в Одессу и Симферополь, а больше путешествуя по немногочисленным имениям соседей дворян. Летом этого года он принимал у себя другого польского путешественника по Крыму – Адама Мицкевича.

Занятная деталь: одним из самых близких знакомых Олизара был таврический губернатор Андрей Бороздин, живший в имении Кучук-Ламбат, неподалеку от Кардиатрикона. Дочь Бороздина, Мария, была вплоть до восстания декабристов замужем за Виктором Поджио, родной брат которого, Александр Поджио, в сибирской ссылке стал, по слухам, сожителем той самой Марии Волконской, в которую безнадежно был влюблен Олизар. Так на Южнобережье переплелись личные драмы людей и грозные события эпохи декабристов.

После получения известий о смерти императора Александра I Густав Олизар покинул Крым и вернулся в Коростышев, где встретился с декабристом Михаилом Бестужевым-Рюминым в ночь с 28 на 29 декабря 1825 года. Это дало повод отдать 4 января 1826 года приказ об его аресте, осуществленном в Киеве 15 января. Густав Олизар был доставлен в Санкт-Петербург и помещен в Петропавловскую крепость. Освобожден 14 февраля за отсутствием доказательств связи с декабристами. В связи с подозрением жандармерии о принадлежности Г. Олизара к масон-

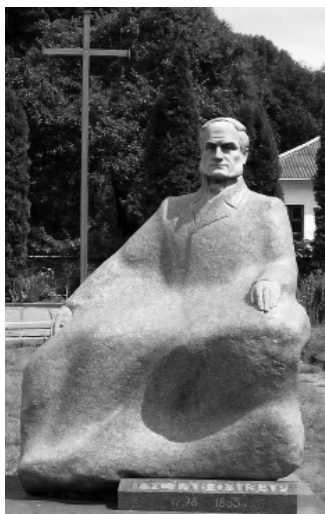
«Памятки» Густава Олизара.
Титульный лист. 1892 г.

ским кругам он был вторично арестован в Киеве в августе 1826 года и в том же месяце отправлен в Варшаву. И вновь граф Олизар был оправдан и освобожден, но под тайный надзор полиции.

Так начался третий этап его биографии (1827–1836 гг.), связанный с многочисленными переездами. В 1830 году граф Олизар женился повторно (на Юзефе Ожаровской, родственнице Адама Ожаровского, героя Отечественной войны 1812 г.). Во время Ноябрьского восстания (1830–1831 гг.) Густав Олизар вместе с семьей был выслан на проживание в Курск, хотя следов его политической деятельности в это время не выявлено. Благодаря заступничеству волынских властей, в 1832 году граф Олизар получил право покинуть Россию. Он выехал в Италию, где пробыл до 1836 года. Во время пребывания в Риме он вновь встретился с Адамом Мицкевичем, а также сблизился с монархическими кругами польской эмиграции, в которых значительную роль играл его брат Нарцисс. Вскоре, однако, Густав Олизар решил вернуться на родину, чтобы, как раньше, посвятить себя политической, публицистической и литературной деятельности. В 1836 году граф Олизар отправил в Петербург «Предварительную докладную записку», в которой протестовал против национальных и религиозных гонений, наступивших после Ноябрьского восстания. На выборах 1841 года он вновь стремился стать предводителем дворянства Киевской губернии, но неудачно, и получил лишь пост так называемого «честного» судьи.

Густав Олизар. Памятник в Коростышеве

На завершающем этапе своей жизни (1837–1865 гг.) Густав Олизар живет по большей части в своем имении в Коростышеве, изредка выезжая за границу. В 1852 году граф Олизар вернулся к давнему проекту освобождения крестьян, который изложил вместе с проектом основания народного банка в специальной записке, посланной лично императору Николаю I. В это вре-

мя были написаны его мемуары о пребывании в Крыму. Во время Январского восстания (1863–1864 гг.) граф Олизар эмигрировал в Германию.

От первого брака у Густава Олизара было двое детей: Людвиг и Карл, которому после 1863 года отец оставил волынское имение. Граф Густав Олизар умер в Дрездене 2 января 1865 года и был погребен на католическом кладбище на Фридрихштрассе.

Имение Густава Олизара Кардиатрикон было продано в 1834 году, поскольку хозяин в него больше никогда не возвращался. Центральное здание, в котором жил путешественник, сохранилось доныне в пгт Артек по адресу: улица А. Гайдара, 6.

Адам Мицкевич

Адам Бернард Мицкевич родился 24 декабря 1798 года на хуторе Заосье, вблизи Новогрудка Литовской губернии (ныне Беларусь), в семье обедневшего шляхтича Николая Мицкевича, адвоката, и Барбары Маевской. На литовско-белорусских землях А. Мицкевич провел первую часть своей жизни (1798–1823 гг.). Начальное образование Адам Мицкевич получил в училище доминиканцев в Новогрудке в 1807–1815 годах. В 1812 году умер отец Адама.

В 1815 году будущий поэт был принят на филологический факультет Виленского университета, параллельно обучаясь в Учительской семинарии. В 1819 году, после окончания курса, Адам Мицкевич был назначен учителем латинской словесности в Ковно (до 1823 г.). Еще во время обучения А. Мицкевич присоединился к студенческим обществам «филомагов и филаретов», имевшим свой устав и разделявшимся на группы по факультетам. К этому же времени относится начало творческой карьеры поэта.

Адам Мицкевич в юности.
Литография

23 октября 1823 года Адам Мицкевич был арестован за участие в кружке «филоматов», объединявшем студентов и выпускников Виленского университета. Вместе с ним были арестованы еще 107 человек, которые находились под арестом в разных монастырях до 21 апреля 1824 года. Поскольку версия о связях «филоматов» с революционными обществами России не подтвердилась, следственная комиссия в составе графа Алексея Аракчеева, министра народного просвещения Александра Шишкова и попечителя Виленского университета графа Николая Новосильцева постановила трех руководителей кружка сослать в Оренбург, а семнадцать самых активных участников, в том числе и Адама Мицкевича, отправить на службу в центр Российской империи.

Второй этап своей жизни (1824–1829 гг.) Адам Мицкевич провел в России. С ноября 1824 по февраль 1825 года жил в Петербурге, где познакомился с Кондратием Рылеевым и прочими декабристами. В феврале А. Мицкевич вместе с товарищами переехал в Одессу, где надеялся получить место в Ришельевском лицее. Дважды – с 12 по 28 июня и с 14 августа по 14 октября 1825 года – А. Мицкевич посещал Крым в обществе еще одного путешественника – Генрика Жевуского, в сестру которого, Каролину Собаньскую, он, как и А. Пушкин, был влюблен. А на полуострове поэта ждала встреча с Густавом Олизаром, с которым он тогда же и подружился. Результа-

Адам Мицкевич на Аю-Даге

том этих поездок стало появление бессмертных «Крымских сонетов» [513]. С декабря 1825 до ноября 1827 года А. Мицкевич жил в Москве, где работал при канцелярии московского генерал-губернатора, тесно общался с А. Пушкиным и другими литераторами, а после вернулся в Петербург. В мае 1829 г. Адам Мицкевич навсегда покинул Россию и Польшу.

Третий этап (1829–1840 гг.) отмечен в биографии А. Мицкевича многочисленными переездами. Поселившись вначале в Гамбурге, Адам Мицкевич

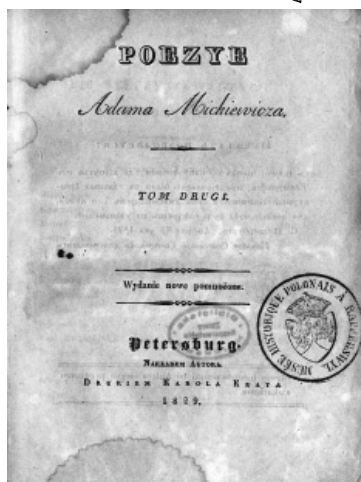

приехал в Веймар, чтобы пообщаться с Гете, после того он отправился в Рим. В Италии прожил более года. После начала Январского восстания А. Мицкевич пытался присоединиться к рядам повстанцев, однако не смог перейти прусскую границу. В 1831–1832 годах жил в Дрездене, где написал свое важнейшее публицистическое произведение «Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego» («Книги польского народа и паломничества») [514], ставшее образцом для «Закона Божьего» Николая Костомарова. В 1834 году поэт женился на Целине Шимановской, а когда стало понятно, что одних лишь литературных доходов для семьи мало (у поэта было шестеро детей: Мария, Елена, Владислав, Юзеф, Александр и Ян), Адам Мицкевич вновь изменил место проживания – с 1839 года он стал преподавать латинскую литературу в Лозанне.

Четвертый этап (1840–1855 гг.) в жизни А. Мицкевича связан с Парижем. Получив специально созданную для него кафедру славянских литератур в Колеж-де-Франс, он с чрезвычайным успехом читал лекции. Однако психическое расстройство его жены и ее внезапное исцеление в 1841 году Анджеем Товянским привели к вхождению Адама Мицкевича в тайный кружок этого мистика. На несколько лет А. Мицкевич приостановил общественную и поэтическую деятельность.

В 1841–1844 годах Адам Мицкевич был главой исторической секции Литературного общества в Париже. В 1844 году за благосклонность к бонапартизму и критику западного христианства он был отстранен от чтения публичных лекций.

Однако революционная волна середины XIX столетия его не миновала. В начале 1846 года Адам Мицкевич задумал создать польский легион, который помог бы итальянцам изгнать австрийцев из Италии, а затем повлиял бы и на сами австрийские войска, состоящие преиму-

«Поэзии» («Крымские сонеты») Адама Мицкевича. Титульный лист. 1829 г.

Адам Мицкевич в зрелые годы.

Рисунок

ственно из славян, и мог бы добраться до самой Галиции, неся ей освобождение. Избиение в 1846 году польских помещиков в Галиции крестьянами, одобренное австрийским правительством, не испугало А. Мицкевича, который целиком осознавал значительное участие в освободительном движении социального элемента, но умел примирять противоположности, исповедуя так называемый христианский социализм.

Прибыв в Рим в начале января 1848 года, Адам Мицкевич получил доступ в Ватикан, несмотря на противодействие поляков-священников, и создал особый орден «Воскресения». Когда вспыхнули революции 1848 года, А. Мицкевич, как основатель Польского легиона, стяг которого был освящен папой Пием IX, отправился с завербованными им добровольцами (15 человек) в Милан, где заключил относительно этого легиона договор с временным правительством Ломбардии, подтвержденный позже королем Карлом Альбертом.

После избрания Луи Наполеона президентом Французской республики Адам Мицкевич на деньги графа Ксаверия Браницкого, тестя самого Михаила Воронцова, начал издание французской газеты «La tribune des peuples» («Трибуна народов»), известной своей антиправительственной направленностью. Когда 13 июня 1849 года произошел расстрел демонстрации в Париже, среди множества закрытых после того изданий была и «Трибуна народов». Адаму Мицкевичу угрожал арест, его публицистическая деятельность навсегда прекратилась. После государственного переворота 2 декабря 1851 года А. Мицкевич охотно покорился факту диктатуры Наполеона III. В том же году за поэтом был установлен полицейский надзор. После доклада министра народного образования Ипполита Фортула 12 апреля 1852 года Адам Мицкевич был окончательно лишен кафедры. Однако император вспомнил, что

польский поэт был с 30-х годов неизменным поклонником наполеоновской идеи, и назначил его на пост библиотекаря при Арсенале в Париже.

Во время Крымской войны (1853–1856 гг.) надежды Адама Мицкевича снова ожили, он ждал, что война с Россией поставит на повестку дня польский вопрос, и предложил свои услуги французскому правительству. 5 марта 1855 года умерла жена А. Мицкевича. Овдовевший поэт получил в сентябре то назначение, о котором хлопотал, и отправился морем в Константинополь, где собирался организовать польский эмигрантский и еврейский легионы под турецкими флагами для борьбы с Россией.

Впрочем, этим планам не суждено было осуществиться, поскольку Адам Мицкевич заболел холерой и умер 26 ноября 1855 года. Тело его привезли в Париж и похоронили на кладбище Монморенси. В 1890 году прах Адама Мицкевича торжественно был перезахоронен в саркофаге в отдельной крипте на Вавеле в Кракове. В честь Адама Мицкевича назван кратер на Меркурии.

Генрик Жевуский

Генрик Адам Жевуский (ошибочно – Ржевуский) родился 3 мая 1791 года в Славуте Волынской губернии (ныне Хмельницкая обл.) в магнатской семье Адама-Лаврентия Жевуского, публициста, витебского кастеляна и предводителя дворянства Киевской губернии. В 1809–1812 годах служил в войсках Варшавского герцогства, участвовал в войне 1809 года с Австрией. После поражения Наполеона в войне с Россией вместе с сестрами Каролиной и Эвелиной Г. Жевуский поселился в Одессе, где прожил несколько лет.

В 1825 году со своим новым знакомым Адамом Мицкевичем, пере-

Генрик Жевуский

живавшим увлечение сестрой Генрика, Каролиной Собаньской, Жевуский совершил два путешествия в Крым. От этой поездки осталось письмо Г. Жевуского с описанием быта Крыма. Тогда же, вероятно, он познакомился с Густавом Олизаром, с которым впоследствии породнился – дочь Олизара Людвиг (Лили) в 1838 году вышла замуж за одного из двоюродных братьев Жевуского.

Во время Январского восстания (1830–1831 гг.) Генрик Жевуский выехал в Рим, где снова встретился с Адамом Мицкевичем и под его влиянием занялся литературной деятельностью. Возвратившись в 1833 году в Россию и поселившись в родовом имении на Волыни, Г. Жевуский написал несколько романов, принесших ему славу. Впрочем, когда Жевуский перешел от либерально-патриотических взглядов к консервативным, его слава быстро угасла.

Вторую половину 40-х годов XIX века Генрик Жевуский прожил в Петербурге, где вместе с писателем Михаилом Грабовским возглавлял «Санкт-Петербургский кружок» и работал в редакции «Tygodnika Petersburskiego» («Петербургский еженедельник»), не оставляя литературных занятий. Результатом его деятельности стало закрепление за ним ярлыка реакционера в русских демократических кругах и отступника – в польских. Г. Жевуский выступал за сохранение феодальных порядков на селе и верность Российской империи.

В 1850 году Генрик Жевуский поселился в Варшаве, где был назначен чиновником по особым поручениям при царском наместнике в Польше Иване Паскевиче, графе Эриванском. В частности, в его обязанности входил перевод правительственных постановлений на польский язык.

В том же 1850 году младшая сестра Жевуского, Эвелина Ганская, сочеталась браком в Бердичеве с Оноре де Бальзаком. На свадьбе присутствовали только братья невесты, Генрик и Адам, граф и кавалерийский генерал, ближайшие друзья, а обязанности шафера исполнял уже не раз упомянутый Густав Олизар. Что любопытно, венчал молодых прелат Ожаровский, родной брат жены Олизара.

В 1851 году Генрик Жевуский стал редактором «Dziennika Warszawskiego» («Варшавский ежедневник») – первой польской ежедневной газеты, издаваемой по западноевропейским стандартам.

Впрочем, ультраконсервативные взгляды редактора, которые он излагал на страницах газеты, быстро привели к упадку ее популярности и влияния.

В 1856 году Генрик Жевуский был уволен из канцелярии наместника, вскоре оставил он и свой пост в «Варшавском ежедневнике». В том же году Г. Жевуский покинул Варшаву и возвратился в свои волынские имения, где и проживал до конца жизни. Умер Генрик Жевуский на 75-м году – 28 февраля 1866 года в Чуднове, недалеко от Житомира.

Карл Качковский

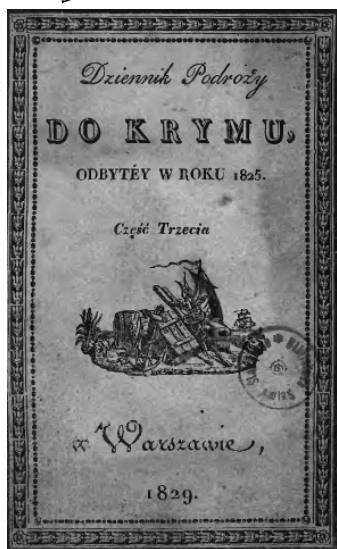
Кароль (Карл Григорьевич) Качковский родился в феврале 1797 года в Варшаве. Среднее образование получил в Кременецком лицее, где подружился с Густавом Олизаром. В период 1815–1821 годов Карл вместе с родными братьями Адамом и Михаилом учился на медицинском факультете Виленского университета и вместе с Адамом Мицкевичем состоял в обществе «филаретов», сотрудничая также с редакцией «Tygodnika Wileńskiego» («Виленский еженедельник») и издавал собственную сатирическую газету. В 1821 году К. Качковский был утвержден лекарем 1-го отделения, а затем защитил диссертацию и получил степень доктора медицины.

После окончания университета Карл Качковский был приписан к Первому гренадерскому пехотному полку. С 1823 года К. Качковский одним из первых в Польше читал в Кременецком лицее публичные лекции о гигиене, изданные позже отдельной книгой «Lekcje higieny czyli nauki zachowania zdrowia» («Лекции о гигиене, или науки сохранения здоровья») [515]. В это же время он увлекался и ботаникой.

Карл Качковский, военный врач

«Дневник путешествия
в Крым» Карла Качковского.
Титульный лист. 1829 г.

В 1825 году Карл Качковский приехал в Одессу, где случайно повстречался с Адамом Мицкевичем, с которым даже собирался совершить совместную поездку в Крым. По неизвестным причинам поездка не состоялась, и К. Качковский отплыл в Крым самостоятельно. На полуострове он пробыл с 14 по 25 сентября, побывав также в имении Густава Олизара. Путевой дневник Качковского [423] переведен на русский язык [424; 425].

В 1829 году Карл Качковский перевелся в Варшавский университет на должность профессора терапии. С начала Ноябрьского восстания (1830–1831 гг.) в чине генерала руководил медицинской службой повстанческой армии, и 25 сентября 1831 года был награжден золотым Рыцарским Крестом высшего польского ордена «*Virtuti Militari*». После поражения восстания военный врач был вынужден оставить Варшаву.

С той поры последовали беспрестанные переезды. С 1832 по 1835 год. Карл Качковский жил в австрийском Львове, занимаясь общественной работой, следующие четыре года – во Владимире-Волынском и Люблине, с 1839 года – в собственном имении Пулины. В 1842-м поселился в Бердичеве, работая куратором Житомирской гимназии, где некогда учился Густав Олизар, а в 1854 году полностью переехал в Житомир. Во всех городах, где ему доводилось останавливаться, Карл Качковский занимался врачебной практикой, а в 1858-м в Житомире благодаря его стараниям возникли Общество волынских врачей, в котором он председательствовал, и Благотворительное общество, также он стал основателем первой в городе типографии и открытой читальни при ней. Вероятно, в это время через типографию и читальню распространялись нелегальные польские революционные издания.

В 1860 году Карл Качковский переехал в Одессу, где спокойно жил на протяжении трех лет, вплоть до начала Январского восстания (1863–1864 гг.). Специальным распоряжением правительства в 1863 году К. Качковский был сослан в местечко Валуйки Воронежской губернии, где вынужден был провести более двух лет. Возвратившись из ссылки, Карл Качковский жил в Херсоне, где умер 2(14) сентября 1867 года и был похоронен на городском кладбище.

Карл Качковский.

Брат Карла – Михаил Качковский – также стал доктором медицины в Виленском университете в 1829 году. Единственный сын К. Качковского, Зигмунд, родившийся в 1831 году, пошел по стопам отца, и прослушал курс по медицине в Берлине.

При жизни Карл Качковский был избран членом Императорского Медицинского общества в Вильно, Королевского Медицинского общества в Варшаве и Научного общества в Кракове. Имя Карла Качковского носил 1-й Варшавский санитарный батальон (с 31 марта 1927 до 1939 г.) а с 1995 года – Военный институт гигиены и эпидемиологии.

Портрет Карла Качковского на почтовой марке

Эдмунд Хоецкий

Эдмунд Франциск Маврикий Хоецкий (известный в Европе также как Чарльз Эдмонд) родился 15 октября (иногда приводится дата 16 ноября) 1822 года в Висках Холмской губернии (ныне Республика Польша) в семье шляхтича Анджея Хоецкого и Каролины Ташицкой. Для обучения юный Эдмунд был отправлен в Варшавскую губернскую гимназию, но, не окончив курса, в 1838 году вернулся домой, и

Эдмунд Хоецкий

заялся самообразованием. Вновь Хоецкий приехал в Варшаву в 1841 году, работал там секретарем в Дирекции варшавских театров, корреспондентом «Gazety Warszawskiej» («Варшавская газета»), короткое время редактировал приложение к этому изданию «Echo» (Эхо), параллельно печатая собственные стихи и рассказы в различных варшавских издательствах, а также на страницах журнала «Biblioteka Warszawska» («Варшавская библиотека»). Именно в это время формируются его социалистически-утопические взгляды.

В первой половине 1843 года Эдмунд Хоецкий, по примеру Александра Пушкина и Адама Мицкевича, вместе с графом Ксаверием Браницким (бывшим польским гетманом и тестем новороссийского генерал-губернатора Михаила Воронцова) совершил путешествие по Крыму, старательное описание которого оставил друзьям [431]. Книга была издана в Варшаве через год в отсутствие автора его друзьями.

Во второй половине 1844 года Э. Хоецкий, возможно, из-за недоразумений с властью или журналистским сообществом, уехал в Париж, как оказалось, навсегда. В Париже эмигрант сотрудничал с «Revue independante» («Независимое обозрение»), одним из редак-

«Воспоминания из путешествия по Крыму» Эдмунда Хоецкого.
Титульный лист. 1845 г.

торов которого была Жорж Санд, познакомился с известным экономистом и социалистом-радикалом Пьером-Жозефом Прудоном и начал писать для его леворадикальной газеты «La Voix du Peup» («Голос народа»).

В Париже Эдмунд Хоецкий издал на польском языке сборник собственных стихов «Geśła» («Гусляр») [516], а посетив в 1846 году Прагу, – двухтомную публицистическую работу «Czechia i Czechowie przy końcu pierwszej połowy XIX stulecia» («Чехия и чехи в конце первой половины XIX века») [517]. В 1847 году Эдмунд Хоецкий перевел на польский язык роман «Manuscrit trouvé à Saragosse» («Рукопись, найденная в Сарагосе») [510] Яна Потоцкого. Собственно говоря, именно его авторизованный перевод (добавлено пять разделов и переработан финал) служит сегодня оригиналом, поскольку фрагменты текста Я. Потоцкого утрачены (до последнего времени об этом почти не было известно). В Париже путешественник и писатель стал своеобразным мостом между польскими эмигрантскими кругами в лице поэтов Юлиуша Словацкого и Циприана Норвида и российским революционными демократами: Иваном Тургеневым и Александром Герценом. Последнего Э. Хоецкий познакомил с Адамом Мицкевичем.

В 1848–1849 годы Эдмунд Хоецкий стал активистом «Весны народов»: участвовал в Славянском съезде в Праге (где встретился с российским анархистом Михаилом Бакуниным), из которого вскоре был изгнан австрийскими властями – якобы за чрезмерный радикализм; сотрудничал с А. Мицкевичем и А. Герценом в качестве секретаря газеты «La tribune des peuples» («Трибуна народов»), деньги на издательство которой давал граф Ксаверий Браницкий. По результатам

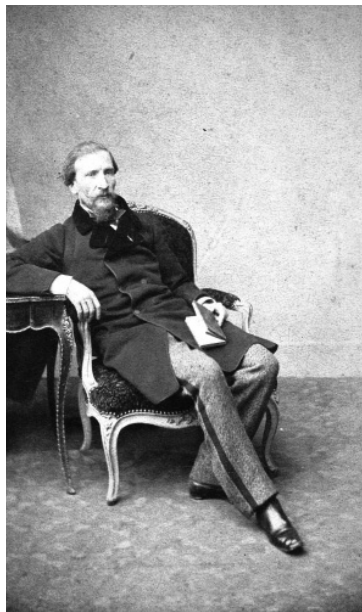
Эдмунд Хоецкий в зрелые годы

собственных революционных наблюдений Э. Хоецкий напечатал труд «*Rewolucyoniści i stronnictwa wsteczne w roku 1848*» («Революционеры и обратные течения в 1848 году») [518]. По настоянию русского посольства в 1849 году Э. Хоецкий был выслан из Франции.

Следующие несколько лет Хоецкий чрезвычайно много путешествовал. Вояжер побывал в Египте, где проводил востоковедческие студии, изучая еще и восточные языки, и познакомился с Густавом Флобером, который позже обратился к Эдмунду Хоецкому за помощью в упорядочивании собственных романов. Посетил Хоецкий Турцию, где был мобилизован в армию в связи с началом Крымской войны (1853 г.), а также Швейцарию и Италию, где вновь встретился с Александром Герценом.

После 1853 года Э. Хоецкий жил в Париже, занимаясь литературной деятельностью, в частности написал свое самое известное художественное произведение на польском языке «*Alkhadar, ustęp z życia ojców naszych*» («Альхадар, толика из жизни наших отцов») [519].

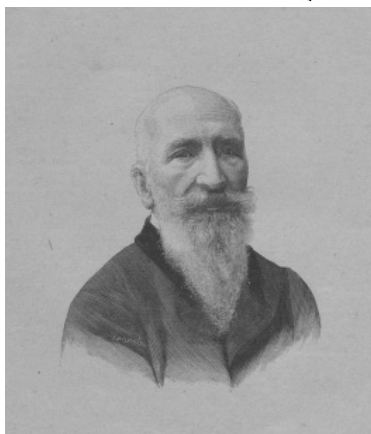
Эдмунд Хоецкий в зрелые годы

В целом, Э. Хоецкого принадлежат двенадцать художественных произведений: один сборник стихов, одна комедия, две драмы, шесть романов и повестей и два перевода.

Тогда же бывший революционер сблизился с умеренными кругами, окружавшими лидера польской эмиграции князя Адама Чарторыйского. В 1856 году Э. Хоецкий стал одним из секретарей Наполеона III, с которым путешествовал по Северному морю в Исландию и Гренландию. Свои воспоминания путешественник изложил в труде «*Voyage dans les meres du Nord à bord de la corvette «La Reine Hortense»*» («Путешествие к Северному морю на борту корвета «Королева Гортензия») [520].

В 1861 году Эдмунд Хоецкий стал соучредителем ежедневной газеты «Le Temps» («Время»), предшественницы знаменитой «Le Monde» («Мир»). В 1864-м вышла его публицистическая литературоведческая работа «La Pologne captive et ses trois poètes: Mickiewicz – Krasiński – Słowacki» («Польша в неволе и три ее поэта: Мицкевич – Крasiньский – Словацкий») [521].

Эдмунд Хоецкий в старости.
Рисунок

С 1866 года Эдмунд Хоецкий работал соредактором польского эмигрантского журнала «Ognisko Spraw Polskich i Słowiańskich: przegląd polityczny, historyczny i literacki» («Очаг дел польских и славянских: обзор политический, исторический и литературный»), вышедшего в Брюсселе двумя номерами – в январе и апреле.

В следующем, 1867 году Э. Хоецкий был назначен куратором египетской экспозиции на Всемирной выставке в Париже, где он с тех пор постоянно находился. По ее результатам литератор напечатал книгу «L’Egypte a l’exposition universelle» («Египет на Всемирной выставке») [522]. Благодаря основательным знаниям Востока Эдмунд Хоецкий вскоре был назначен на работу в библиотеку Министерства по делам Алжира, а в 1869 году – главным библиотекарем французского Сената.

В 1870 году Э. Хоецкий стал членом Общества помощи науке, где 27 января выступил с докладом «Patrijotyzm i objawy jego u niektórych narodów» («Патриотизм и его разновидности у некоторых народов»), который позже был издан [523].

Эдмунд Хоецкий дружил с Жорж Санд, братьями де Гонкурами, Густавом Флобером, он также сыграл заметную роль в становлении молодого тогда писателя Анатоля Франса. Как вспоминают очевидцы, Хоецкий казался живой легендой молодым польским эмигрантам, только что попавшим в Париж. Умер этот видный путешественник, общественный деятель и литератор 1 декабря (2 декабря – по другой

*Антоний Марчинковский.
Литография*

версии) 1899 года в возрасте 77 лет в Бельвилле, в окрестностях Парижа, где и был похоронен.

Антоний Марчинковский

Антоний Альберт Якса-Марчинковский (ошибочно – Марчинковский) родился 17(29) января 1823 года в семье мелкопоместного шляхтича Игнатия и Бригиды Марчинковских в Мостыще (ныне пгт Гостомель Киевской области).

Кроме него в семье было еще двое детей: Альфонс и Михайлина. Начальное образование Антоний Альберт получил на дому, а в 1838 году, поступил в 5-й класс Второй киевской

мужской гимназии, где проучился три года. В 1841 году Антоний Марчинковский стал студентом университета Святого Владимира, где изучал философию и литературу. Одним из наиболее выдающихся преподавателей, имевших влияние на молодого студента, был профессор Михаил Максимович.

В 1843 году в 89-м номере «Tygodnika Petersburskiego» («Петербургский еженедельник») выходит первая из многочисленных впоследствии статей А. Марчинковского, подписанная псевдонимом Альберт Гриф и посвященная критике господствующей тогда в польской литературе так называемой «украинской школы», трактовавшей украинскую тематику в своих произведениях слишком упрощенно. Молодой публицист открыто выступил в поддержку нового поколения украинских писателей, в частности Тараса Шевченко, был знаком с ним лично, а в библиотеке украинского поэта имелись книги польского критика.

В 1844 году из-за прогрессирующего заболевания А. Марчинковский был вынужден покинуть университет и вернуться в родовое имение. В течение пяти лет, с 1845 по 1850 год, он

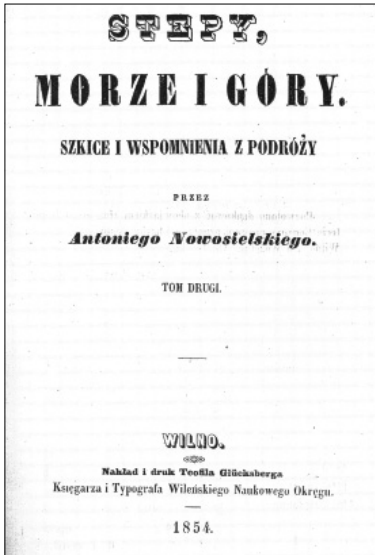

принимал живое участие в местной польской литературной жизни, выступал редактором и издателем альманахов, прежде всего журнала «Gwiazda» («Звезда»), сотрудничал с киевской периодикой, где печатал произведения, ставшие настоящим манифестом молодого поколения польских литераторов. Острые критические материалы вскоре приносят Антонию Марчинковскому, который показал себя, кстати, незаурядным сторонником творчества Генрика Жевуского, славу эрудита, интеллектуала и признанного теоретика литературы.

В 1848 году увидела свет первая книга Антония Марчинковского «Idealý i karykatury: zarysy fantazyi i rzeczywistego świata: (etiudy nakreślone dwoma tępymi ołówkami)» («Идеалы и карикатуры: очерки фантазии и очевидного мира (этюды, начерченные тупыми карандашами)») [524], написанная в жанре психологической публицистики. В том же году под редакцией А. Марчинковского выходит сборник «Leviathan» («Левиафан») [525], авторами которого были сотрудники журнала «Звезда». Альманах (некоторые исследователи ошибочно описывают его как книгу А. Марчинковского) содержал оригинальные поэтические и прозаические произведения, например повесть самого А. Марчинковского «Mara» («Наваждение»), переводы (в том числе и Михаила Лермонтова), а также публицистические материалы, посвященные отношениям христианской морали и общества того времени.

В 1850 году с целью поправить рано утраченное здоровье Антоний Марчинковский осуществляет длительную поездку на Юг Украины: из Киева вдоль Днепра до Херсона, оттуда – в Одессу и морем – в Крым. В пути его сопровождали друзья, в частности Зенон Фиш – ближайший соратник в публицистической деятельности. Пространные воспоминания о путешествии, двухтомник «Stepy, morze i gógu» («Степи, море и горы») [433], вскоре были изданы.

А. Марчинковский после возвращения в Мостище возобновил литературно-критическую, публицистическую (сотрудничество с газетой «Dziennik Warszawski» / «Варшавский ежедневник») и писательскую деятельность (в частности, в 1855 г. вышло его художественное произведение – роман «Две сестры» [526]). Также во-
яжер увлекся этнографическими исследованиями. Начав с изучения

«Степи, море и горы» Антония Марчинковского. Титульный лист. 1854 г.

украинских пословиц и поговорок, которые он собирал в близлежащих селах, ученый-любитель пришел к полноценной работе над комплексом этнографического материала: песен, преданий, сказок, предрассудков, обрядов, обычаев, загадок, лечебных секретов, одежды, танцев, игр и т. д.

Спустя семь лет, в 1857 году вышла капитальная двухтомная работа Антония Марчинковского «Lud ukraiński» («Народ украинский») [527], и рецензия Г. Дубровского на этот труд [528]. Хотя его рассуждения о значении мифов и легенд, основанные на принципах мистического характера, устарели, а лингвистические конструкции,

которые выводят украинский язык из санскрита, оказались ложными, значение данной работы, как обширного этнографического сборника, сохраняется до сих пор. Впоследствии тема украинского народа проходила через все творчество А. Марчинковского: как литературный критик и теоретик, он поднимал эту проблему во многих своих статьях и публицистических произведениях, а как писатель — не только активно вводил в свои повести героев из простого народа, но и широко использовал украинский фольклорный материал.

В том же 1857 году Антоний Марчинковский опубликовал двухтомный сборник собственных литературоведческих публицистических материалов, к тому времени уже напечатанных в киевских, варшавских и виленских газетах, под общим заголовком «Pisma krytyczno-filozoficzne» («Критико-философские писания»). Среди них своего рода программной можно считать статью «Kilka myśli o powieści i jej formie» («Несколько мыслей по поводу романа и его формы») [529], в которой автор обвиняет тогдашних польских романистов в полнейшем пренебрежении важными, по его мнению, вещами: композиционной

целостностью, морально-воспитательной функцией литературы, глубоким взглядом на мир и смыслом существования человека.

В 1858 году в Варшаве была издана книга воспоминаний (автобиографических очерков с сильными художественными элементами) Антония Марчинковского «Pamiętniki kuratora magazynów» («Памятки куратора складов») [530]. В 1859 году появилась повесть «Stary biurolista» («Старый бюрократ») [531], в которой прослеживается осязаемое влияние на автора романа Федора Достоевского «Бедные люди».

На следующие несколько лет Антоний Марчинковский отошел от украинской тематики, посвятив их изучению проблематики традиционного польского католицизма и его роли в жизни польского общества, что нашло отражение в переводах А. Марчинковским работ ряда европейских авторов.

В 1863 году вышла следующая работа Антония Марчинковского, связанная с украинской историей и этнографией, – двухтомная книга «Pogranicze naddnieprzańskie: szkice społeczności ukraińskiej w wieku XVIII» («Надднепрянское пограничье: очерки украинского общества в XVIII веке») [532]. Однако выполнена она в довольно необычном стиле – в виде исторического романа с большим объемом обработанного фактического материала, в частности о необычном украинском «народном пророке» времен гайдамаков – Вернигоре.

В последние годы жизни Антоний Марчинковский вернулся к украинским исследованиям. Заслуживает внимания статья ученого «Badania zwyczajów ludu ukraińskiego» («Исследование обычаев украинского народа») [533], появившаяся на страницах журнала «Tygodnik Powszechny» («Всеобщий еженедельник»). А в 1879 году в сборнике «Urominek wileński» («Виленский сувенир») была опубликована последняя работа Антония Марчинковского по украинской этнографии – «Przysłowia ukraińskie» («Украинские пословицы») [534], материалы для которой он собирал по всей Киевщине, а значительную часть – в родном Приирпенье.

Последние годы, будучи тяжелобольным, Антоний Марчинковский – незаурядный критик, литератор и этнограф – прожил в Киеве, где умер 31 августа (12 сентября) 1880 года и был похоронен на Байковом кладбище.

Таким образом, все путешественники эпохи Романтизма посещали Крым по разным причинам: Густав Олизар искал душевного равновесия, Адам Мицкевич и Генрик Жевуский – художественных впечатлений, Эдмунд Хоецкий и Антоний Марчинковский наследовали маршрут А. Мицкевича, и только Карл Качковский приехал на полуостров из прагматических соображений (ради изучения местной флоры), однако и он не избежал романтизации собственного путешествия. Польские вояжеры провели на полуострове разное время и оставили после себя такое же разное по форме наследие (дневники, автобиографии, воспоминания и стихи), неравноценные по научной и художественной ценности. Однако их всех объединяют, во-первых, личные связи (приятельские отношения, совместное обучение или сотрудничество) и творческое мировоззрение (собственно Романтизм в художественном смысле), а во-вторых, акценты, расставленные в воспоминаниях о путешествии по Крыму.

В отличие от предшественников – Станислава Сестрэнцевича-Богуша и Яна Потоцкого, с чьими трудами большинство вояжеров-романтиков были знакомы, – они писали живым разговорным языком с многочисленными литературными вставками, а не научным стилем, не пытаясь «просветить» своих читателей, не проникались дидактической составляющей своих записок и не старались дать исчерпывающее описание увиденному ими под разным углом – истории, географии, хозяйству и т. п.

В итоге большинство путешественников-романтиков избегало общей систематичности изложения в пользу ярких сюжетов (из истории, этнографии или искусства), невзирая на степень их достоверности, т. е. в пользу личных впечатлений или неординарных легенд. Именно поэтому их воспоминания, дневники и письма являются произведениями не только путевой литературы, но и настоящими художественными шедеврами [535, с. 194].

ГЛАВА 6

Вояжеры эпохи реализма (последняя треть XIX – начало XX века)

*Большая часть людей путешествует лишь потому,
что путешествуют их соседи.*

Олдос Хаксли

Кпадению романтических идеалов и иллюзий привело кардинальное изменение общественного положения во второй половине XIX века. Поражение «романтических» по своему духу национальных революций 1848–1849 годов, так называемой «Весны Народов», и широкая реакция господствующих монархических режимов привели к тому, что быть романтиком стало не модно. По мере того, пишет Наталья Яковенко, как угасали романтические иллюзии, «пустота разочарования и психологического беспокойства стала вытесняться «реалистическим» мироощущением, ориентированным на стабильность и надежность. Понятие «реалистичности» становится во второй половине XIX века сердцевинной культурного климата Европы» [495, с. 157].

Особенно влиятельным становится реализм в живописи и литературе. В отличие от романтизма, который сосредоточивал внимание на внутреннем мире человека, основной для реализма становится проблема взаимоотношений человека и среды, влияния социально-исторических обстоятельств на формирование характера личности. Впервые термин «реализм» для обозначения художественного стиля был употреблен в 1855 году французским художником Густавом Курбе в названии его персональной выставки «Павильон реализма» [536, с. 17].

Главными чертами реализма, сказавшимися на путевой литературе, были следующие:

- рационализм и пренебрежение интуицией или сверхъестественными силами;
- повышенное внимание к правдивости деталей;
- широкие обобщения, вплоть до полной типизации исследуемых объектов;
- приоритет материалистического мировосприятия над идеалистическим.

В польском обществе Романтизм сдавал свои позиции медленнее, чем в Западной Европе. Однако поражение Январского восстания 1863–1864 годов привело к окончательному и массовому отходу польской интеллигенции от романтических идеалов «бунта», «неповиновения» в пользу ежедневной последовательной работы ради роста экономического и социального уровня жизни общества и его способности к самоорганизации. Особое место в программе такой работы занимало просвещение городских низов и крестьянства, а также обеспечение равноправного положения женщин. Эта программа работы получила свое собственное название – «Органический труд». В политической же сфере умеренные реалисты выступали за подчинение власти трех государств, разделивших польские земли: России, Австрии и Пруссии, поэтому это направление общественной мысли получило название «тройной лоялизм» [537, с. 183–184, 197, 207–208]. В целом у польских путешественников по Крыму эпохи реализма гораздо меньше общего, чем у вояжеров предыдущих эпох.

Елена Скирмунт

Елена (Гелена) Александровна Скирмунт родилась 5 ноября 1827 года в местечке Колодное Пинского повета Минской губернии (ныне Брестская область Белоруссии) в семье Александра Скирмунта, члена известного рода польских фабрикантов, и Гортензии Орды.

От природы болезненная, с ослабленным зрением, Елена Скирмунт не получила начального образования, находя утешение в рисовании. В возрасте 13 лет она была привезена родителями в Виль-

но, где врачи запретили девочке любые учебные нагрузки, поэтому она могла брать только уроки рисования у известного художника, скульптора и драматурга Винченца Дмоховского. Неизгладимое впечатление на Елену произвел публичный расстрел Симона Конарского – польского публициста и повстанца. Однако обучение рисунку длилось всего два месяца, и после тринадцати лекций Елене Скирмунт пришлось вернуться в родовое имение. Там у девушки появилось новое увлечение – прогулки верхом.

С 1844 по 1845 год Елена Скирмунт вместе с матерью путешествовала по Европе: побывала в Берлине, где брала уроки рисования у мариниста Вильгельма Краузе, Эмсе, для лечения, и в Париже, где познакомилась с родным дядей – знаменитым польским художником Наполеоном Ордой, а также посетила множество музеев, включая Лувр. Зиму 1844/45 года Елена провела в Дрездене. По возвращении она целиком посвятила себя искусству. Среди того, что создала в это время будущий мастер – многочисленные семейные портреты, пейзажи родной местности, отделка алтаря и икон в местном костеле.

В 1848 году Елена вышла замуж за одного из своих многочисленных родственников – Казимира Скирмунта. Молодые супруги остались жить в Колодном, на время выезжая в Вильно. Однако резкое ухудшение зрения после нескольких лет брака привело к потребности в новой заграничной поездке. Однако, поскольку в 1851 году Елена родила дочь Констанцию, поездку пришлось отложить.

Осенью 1852 года Елена Скирмунт оставила Вильно и уехала в Краков, а оттуда в Вену – переселиться именно туда ей рекомендовали врачи. Пытаясь найти учителя среди венских художников, Е. Скирмунт получила несколько отказов, и только скульптор и медальер Юзеф Цезарь согласился давать ей уроки, продолжавшиеся в течение пяти месяцев. На лето Елена выехала на лечение

Гелена Скирмунт. Рельеф

в Кройзнах. С осени 1853 года художница путешествовала по Италии, посетив Рим (где практиковалась в мастерской скульптора Петра Гали), Неаполь, Флоренцию, Милан, и Швейцарии. В октябре 1854 года Елена Скимунт вернулась в Колодное.

Период с 1854 по 1861 год характеризовался не только творческим подъемом у художницы, но и переменами в общественной жизни края, связанными с началом правления Александра II. Возвращение из ссылки участников Ноябрьского восстания 1830–1831 годов и начало публичного обсуждения «крестьянского вопроса» подтолкнули Е. Скимунт к активной помощи своему мужу, Казимиру, который собирал подписи шляхты в пользу освобождения крестьян. Активная позиция супруги, желание быть ближе к общественным делам, привели к переезду семьи в поместье в местечке Рухча – в окрестностях Пинска. В 1861 году, после объявления Манифеста об отмене крепостного права, Казимир Скимунт был избран мировым посредником для решения земельных и хозяйственных споров между крестьянами и шляхтой. Елена Скимунт отдавала много времени, помогая мужу. В 1862 году при ее содействии начала работу первая в местечке крестьянская школа.

Начало Январского восстания 1863–1864 годов вызвало в семье Скимунт уныние (тогда как поэты-романтики приветствовали его). Казимир Скимунт сложил с себя полномочия посредника, был вызван в Минск для объяснений и там задержан. В мае 1863 года Елена пыталась доставить депешу руководителю повстанческого отряда, будущем «диктатору восстания» Ромуальду Траугутту, для чего одна, только с кучером, в бричке отправилась в лес, но не застала там отряда. На обратном пути ее бричка была окружена толпой тамошних крестьян, однако мужество кучера дало ей возможность добраться до дома и уничтожить депешу. За саму попытку связи с повстанцами Е. Скимунт была задержана и отправлена в Пинск, где началось следствие. 30 сентября 1863 года Елену Скимунт официальным приговором, подписанным Михаилом Муравьевым-Виленским «Вешателем», отправили в ссылку в Тамбов. 17 октября только с двумя слугами Е. Скимунт оставила Пинск.

5 ноября 1863 года она прибыла на Тамбовщину, где провела четыре года. Через несколько месяцев к Елене в Тамбов прибыл удерживавшийся в Костроме Казимир Скимунт. В июне 1864-го супруги были переведены в город Кирсанов, где в следующем году у них появилась вторая дочь, Казя. Лишь весной 1867 года семье Скимунт было позволено покинуть Кирсанов. Из тамбовской ссылки Е. Скимунт вывезла коллекцию собственноручно сделанных шахмат, изображавших войска польских королей и турецких султанов. В 1872-м эти шахматы стали экспонатом Венской выставки искусств.

Ее собственное имение в Литве уже находилось в других руках, поэтому первое время Елена Скимунт вместе с детьми жила в Альбрехтове, вблизи Пинска, в имении тестя. Через несколько месяцев Казимир Скимунт получил распоряжение покинуть Литву, но поехал в ссылку не на север, а в Крым, где его отец владел виноградником под Балаклавой.

Елена Скимунт осталась одна – на этот раз на два года. Тем временем ее муж смог не только расширить отцовские виноградники, но и открыть в своем доме пансион, рекламируемый тогдашней прессой, а впоследствии – в 1888 году – и грязелечебницу. Когда надежда на то, что мужу разрешат вернуться в Литву, угасла, Елена решила сама отправиться в Крым.

5 сентября 1869 года вместе с дочерью Констанцией Е. Скимунт выехала в Балаклаву. В этом городке, лишенная каких-либо товарищеских связей, она провела последние годы в уединении, однако в значительном материальном достатке. Из своего дома в Балаклаве Елена Скимунт отправлялась в поездки по Крыму, например в «пещерные города» и на Чатыр-Даг, о чем мы можем узнать из частных писем [439, с. 299–306] и газетных очерков [429; 430]. В это же время достигает вершины ее талант как художницы в изготовлении барельефов.

В 1872 году с Елены Скимунт был снят полицейский надзор, выдан паспорт, однако ей было запрещено посещать свою семью в Литве. На три недели она уехала в село Пустынь, где поселился Адольф Кнот, врач, бывший выпускник Виленского университета, имевший возможность облегчить страдания путешественницы, которая почти полностью потеряла зрение, но продолжала работать.

Летом 1873 года к ее недугам добавилась еще и ангина, которой Елена Скимунт заболела, простудившись в Севастополе, и которая из-за непрофессионализма местных врачей приобрела хроническую форму. Адольф Кнот настоятельно рекомендовал ехать на лечение в Европу, поэтому Е. Скимунт отправилась в свое последнее путешествие: Краков, Дрезден, Страсбург, Марсель и, наконец, Амели-ле-Байнс, где путешественница лечилась водой из серных источников.

Однако лечение уже не могло помочь, и 1(13) февраля 1874 года сердце Елены Скимунт остановилось. Только через год было получено разрешение на перезахоронение путешественницы. 2 октября 1875 года ее останки обрели покой на приходском кладбище родного городка Колодное.

Эдвард Павлович

Эдвард Бонифаций Павлович родился 7 июня 1825 года в селинии Тургели, вблизи Новогрудка (по другой версии – в Вилькишках; ныне оба – Республика Литва), и все детство провел в селах, расположенных над рекой Неман.

Начальное образование Эдвард Павлович получил в Жировичах и Слониме, и окончив в 1838 году гимназию в Слуцке, переехал в Вильно. Там Э. Павлович стал вольнослушателем обоих существующих в то время городских академий: Медико-хирургической и Духовной, причем в последней преподавателем русского истории был Павел Кукольник – виленский цензор, чье разрешение находится на издании воспоминаний Антония Марчинковского. Кроме академических занятий, юный Павлович посещал также уроки живописи религиозного художника Канута Русецкого.

Эдвард Павлович. Фотография

Будучи студентом, Эдвард Павлович очень много путешествовал по окрестностям Вильно и Новогрудка, вместе с при-

ителями посещал места, связанные с Ноябрьским восстанием 1830–1831 годов, а также захоронения репрессированных повстанцев.

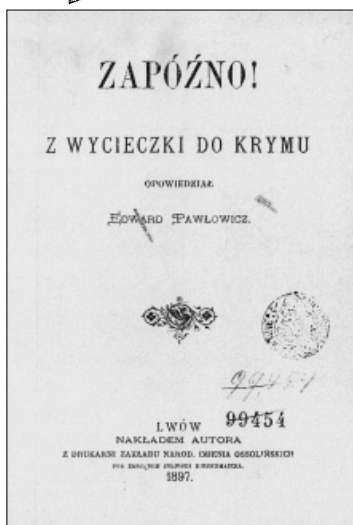
В 1853 году он окончил Академию художеств в Санкт-Петербурге, после чего несколько лет путешествовал по Европе, работая в мастерских известных художников. Э. Павлович побывал в Германии, Бельгии, Италии (прибыл в Венецию в начале ноября 1856 г.), отдельно посетил Рим и Монте-Карло, Испанию и Францию, поселившись накануне 1858 года в Париже, где поддерживал отношения с польскими политическими эмигрантами.

В 1859 году Эдвард Павлович вернулся в Литву, и с 1 ноября того же года начал преподавать в только что открытой Новогрудской высшей гимназии. Для часовни гимназии Э. Павлович создал свой первый образ – святого Станислава Костки, покровителя учащихся. Осенью следующего, 1860 года стал директором, а заодно и декоратором любительского театра в Новогрудке. Также Э. Павлович начал сотрудничество с газетой «Kurjer wileński» («Виленский курьер»). В 1862 году при его содействии в Новогрудке была открыта еврейская школа, а сам Эдвард Павлович начал давать частные уроки рисования.

По причине широких знакомств в кругу участников Январского восстания 1863–1864 годов, а также найденных у него антиимперских произведений Эдвард Павлович был задержан и 7 марта 1863 года выслан из Новогрудка в Минск. После многомесячного заключения в монастыре и следственных действий Эдварда Павловича отпустили домой без права выезда, однако уже 15(27) мая он был отправлен в Виленскую цитадель, где его допрашивал лично Михаил Муравьев-Виленский «Вешатель». 23 мая 1863 года Эдварду Павловичу был объявлен приговор – ссылка в Петрозаводск.

По дороге к месту ссылки Э. Павлович имел возможность посетить Санкт-Петербург. Во время ссылки жил в Олонце, откуда только в январе 1867 года получил разрешение выехать в Екатеринослав. На обратном пути он проехал Петербург, Вильно и Новогрудок, откуда через Пинск добрался до Киева, а затем и Екатеринослава. В этом городе его настигла новость об амнистии, и 25 июля 1867 года восстановленный в своих правах Э. Павлович отправился в Одессу. Через несколько дней из Одессы, через Винницу и Луцк, он уехал в Варшаву, куда добрался во второй половине августа. С зимы 1867/68 года Эдвард Павлович

«Из поездки в Крым» Э. Павловича.
Титульный лист. 1897 г.

работал преподавателем в только что открытой школе рисования для девочек. В начале 1870 года с Э. Павловича был снят полицейский надзор и выдан паспорт, и он вскоре покинул Варшаву и направился в Краков.

Пробыв недолго в Кракове, Эдвард Павлович принял предложение стать одним из смотрителей коллекции музея Любомирских во Львове, на этой должности он занимался профессиональной консервацией произведений искусства, а также готовил к печати универсальный каталог фондов музея. Сотрудничал Э. Павлович и с редакцией «Gazety Lwowskiej» («Львовская газета»).

Летом 1895 года Э. Павлович отправился в Крым – посетил Ялту, окрестные поселения Южного берега и Севастополь. В конце 90-х годов XIX века опубликовал ряд своих воспоминаний, в частности из вояжа по Крыму [434; 440; 441]. Художник, путешественник, мемуарист и общественный деятель умер 10 февраля 1909 года во Львове.

Анна Воланьская-Дзедушицкая

Об этой путешественнице сохранилось меньше всего сведений – ни одной энциклопедической статьи и ни одной автобиографии. Анна Наталья Дзедушицкая (девичья фамилия) родилась 26 июля 1860 года во Львове в семье графа Маврикия Игнатия Александра Дзедушицкого, польского историка, писателя и вице-куратора львовского Народного заведения им. Оссолинских, путешественника и академика, уже имевшего от первой жены восьмерых детей, и его второй жены Марии Просперии Юрунговской (по другим данным – Наталии Рудницкой).

О молодых годах и образовании Анны Воланьской-Дзедушицкой сведений не сохранилось, известно лишь, что она до конца

жизни любила смотреть театральные представления и слушать декламацию стихотворений.

2 июня 1883 года Анна Дзедушицкая вышла замуж за Владислава Кшиштофа Феликса Воланьского (его фамилия звучала как Волацки, но поскольку он обладал именем Волань, вскоре его стали называть именно Воланьский), который был на 23 года старше ее, а также имел от первого брака дочь и двух сыновей.

В 1886 году Владиславу Воланьскому был присвоен титул графа – теперь Анна смогла подписываться обеими графскими фамилиями – отца и мужа – Воланьская-Дзедушицкая. В браке она родила двух сыновей. 22 января 1891 года, на 53-м году жизни во Львове, где постоянно проживали супруги, умер ее муж. Вторично А. Воланьская-Дзедушицкая замуж не вышла.

Летом 1901 года Анна Воланьская-Дзедушицкая совершила путешествие в Крым: морем из Одессы в Евпаторию и Севастополь, оттуда в Бахчисарай, Ялту и окрестные поселения, а из Ялты – морем в Одессу. В том же году появилось и изданное во Львове описание этого вояжа [435].

Умерла 83-летняя Анна Воланьская-Дзедушицкая 26 апреля 1944 года в оккупированном немецкими войсками Львове. Последние 30 лет она была единственной из польских путешественников, посетивших Крым до начала XX века.

Адам Сераковский

Адам Сераковский родился 21 февраля 1846 года в Ваплево Великом (ныне Республика Польша), неподалеку от Балтийского моря в семье графа Альфонса Юзефа Сераковского и Марии Анны Пересвет-Солтан. У Адама была сестра Антонина, старше его на семь лет.

Адам Сераковский получил начальное образование дома, позже учился юриспруденции в Берлинском университете, где в 1867 года защитил работу «De singulari nobilitatis in occidentali Prussia hereditario jure» («О создании знатю в Восточной Пруссии наследственного права»). В этом же году его родные места посетил классик польской литературы Юзеф Крашевский. После получения степени доктора права Адам Сераковский совершил ряд поездок, в частности, по Греции и берберскими районами Северной Африки (1869 г.). В 1872–1873 годах

Адам Сераковский с женой Марией.
Рисунок Яна Матейко

А. Сераковский посетил Индию и путешествовал по Яве. В Берлине он был избран членом Антропологического и Географического обществ.

В 1875 году, после отъезда из Пруссии, Адам Сераковский поселился в Торунь, где стал соучредителем Научного общества, насчитывавшего до 400 членов, в котором с 1878 по 1884 год возглавлял историко-археологическое отделение, а в 1886–1897 годах исполнял обязанности вице-президента. В 1871-м А. Сераковский издал лингвистические и этнографические заметки, посвященные местным говорам берберских народов Алжира.

В 1874 году Адам Сераковский стал участником международного археологического конгресса в Стокгольме. В 1881-м вместе с археологической секцией Антропологической комиссии Академии искусств в Кракове стал основателем городского музея в Торунь. Для Краковской академии Адам Сераковский исследовал архивы поморских городов; составил описание памятника прусского языка XIV века «Codex Neumannianus» («Неманский кодекс»), причем его описание сегодня – единственный источник исследования, поскольку оригинал кодекса был утерян в 1945 году; передал собственные археологические находки музею Краковской академии.

25 июля 1877 года Адам Сераковский женился на 22-летней графине Марии Потоцкой, от этого брака родилось трое детей: Ванда, Станислав и Ян.

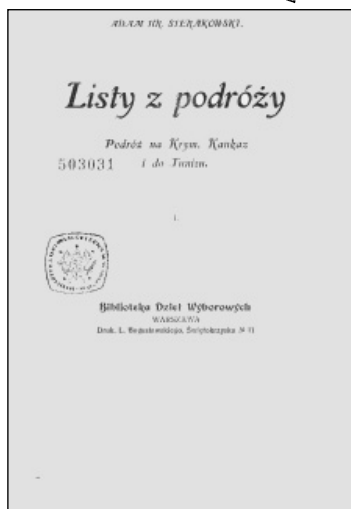
Родное Ваплево Великое Адам Сераковский превратил в польский культурный центр на немецких землях – его посещали известные польские художники, ученые и общественные деятели. На первой неделе октября 1877 года Ваплево посетил знаменитый польский художник Ян Матейко, который во время своего пребывания создал семейный портрет четы Сераковских.

В 1878–1881 годах Адам Сераковский был депутатом немецкого парламента от польских земель, неоднократно выступал против государственной культурной политики. Также А. Сераковский получил титул прусского королевского камергера, а в 1894 году был награжден орденом прусского Красного Орла 4-го класса.

После сложения депутатских полномочий Адам Сераковский продолжил свои путешествия: в 1883 году он посетил Палестину и окрестные земли, а в 1901–1902 годах – Крым, Кавказ и Тунис. Письма из последнего путешествия были изданы в год смерти автора, второе издание появилось уже в следующем году [428].

Умер граф Адам Сераковский 12 марта 1912 года в своем имении Ваплево в возрасте 66 лет.

«Письма из путешествия»
Адама Сераковского.
Титульный лист. 1913 г.

Таким образом, последнюю группу вояжеров мы можем назвать «туристами». Главное системное отличие группы польских путешественников эпохи реализма от своих предшественников заключается в отсутствии в их путешествиях какой-либо заранее определенной цели. Если путников эпохи Просвещения интересовала прежде всего научная составляющая поездки по Крыму, а вояжеров-романтиков – впечатления от «Востока в миниатюре», то четыре последних польских путешественника совершили собственно «туристические» поездки: Елена Скимунт – от скуки в ее добровольной ссылке в Балаклаве; Эдвард Павлович и Анна Волянская-Дзедушицкая – по настоянию друзей; для Адама Сераковского Крым стал лишь этапом на пути к Кавказу. Кроме того, было мало общего в происхождении и образовании путешественников: Е. Скимунт и Э. Павлович были мелкими шляхтича-

ми, А. Воланьская-Дзедушицкая и А. Сераковский – графами, первые два – художники; Адам Сераковский – уважаемый ученый, а об образовании Анны Воланьской-Дзедушицкой ничего не известно. Тем не менее их путевые заметки, хотя и не стоящие в одном ряду с произведениями предшественников, также заслуживают внимательного изучения.

* * *

Итак, три главных культурных течения конца XVIII – начала XX века – Просвещение, Романтизм и реализм – непосредственно повлияли на содержание и форму польских путешествий по Крыму, а также на профессиональный состав участников таких путешествий.

В первый период – Просвещения (конец XVIII – начало XIX в.) – польскими путешественниками в Крым были ученые-исследователи Станислав Сестрэнцевич-Богуш и Ян Потоцкий, их произведения носили научный характер, а общая деятельность оказалась созвучна первому этапу исследования Крыма по классификации Андрея Непомнящего – деятельности экспедиций Петербургской Академии наук.

Во второй период – Романтизма (первая четверть – середина XIX в.) – абсолютное большинство польских путешественников были литераторами: поэтами, прозаиками, критиками, так что их воспоминания о путешествии мало чем отличались от собственно романов. И, что характерно, максимальное количество польских вояжеров побывало на полуострове как раз на втором этапе исследования Крыма. По классификации А. Непомнящего – во время деятельности путешественников.

В третий период – реализма (последняя треть XIX – начало XX в.) – никакого единства ни в происхождении, ни в роде занятий между польскими путешественниками уже не было, поэтому и их воспоминания существенно отличаются как от воспоминаний путников предшествующих эпох, так и между собой. Что позволяет выделить группу путешественников эпохи реализма – так это относительно небольшой объем мемуарной наследия и, главное, нехарактерная для предыдущих периодов простота изложения, лишенная как научности эпохи Просвещения, так и пафоса эпохи Романтизма.

ЧАСТЬ III

Разноголосая симфония Крыма
в записках польских путешественников
конца XVIII – начала XX века

*Россия такая страна,
где все стремятся
обмануть путешественника.
Астольф де Кюстин*

ЧАВА 7

История Крыма в интерпретации польских вояжеров

*Путешествовать – открывать,
что все ошибаются по поводу своих стран.*

Олдос Хаксли

Не все польские путешественники в своих мемуарах выделяли историю Крыма в качестве самостоятельного сюжета: многим из них помешала избранная ими форма воспоминаний, некоторым эта тема показалась не стоящей специального внимания. Итак, история Крыма комплексно рассматривалась Станиславом Сестренцевичем-Богушем, Эдмундом Хоецким, Антонием Марчинковским и Эдвардом Павловичем. Все другие путешественники касались исторических вопросов лишь в редких случаях. Что касается источников, привлекаемых вояжерами во время работы над своими произведениями, то их список приблизительно одинаков – трактаты польских хронистов и дипломатов, преимущественно Мартина Броневского, «Таврика» Адама Нарушевича и труды Петера Палласа.

История полуострова в структуре польской путевой литературы

В работе Станислава Сестренцевича-Богуша «История царства Херсонеса Таврийского» [420] вопрос истории Крыма является не только основным, но и единственным. Открывает первый том труда посвящение императору Павлу I (с. 7–8), затем идет введение, содержащее разделы «Польза истории вообще» (с. 9–12), «Состояние и положение» (с. 12–13), «Плодородие почв» (с. 13–14), «Приятность

климата» (с. 14–16), «Красоты местоположений» (с. 16) и «Исключения». С 20-й страницы начинается общий географический обзор Крымского полуострова: Керчи (с. 22), гор и рек (с. 24), окрестностей Севастополя (с. 25), недействующих вулканов (с. 27), Судака и Феодосии (с. 29), Бахчисарая (с. 33), Тамани (с. 35), состояния дорог (с. 37), торговых мер (с. 39), монет (с. 40). Страницы с 433-й по 440-ю содержат оглавление первого тома. Таким образом, собственно изложение истории Крыма занимает 388 страниц из 440 общего объема книги.

Что касается второго тома, то там из 444 страниц 406 посвящены истории Крыма. Таким образом, практически вся работа С. Сестренцевича-Богуша представляет собой хронологически упорядоченный рассказ о событиях в Крыму – от первых упоминаний у Гомера до 1783 года.

В мемуарах Эдмунда Хоецкого «Воспоминания из путешествия по Крыму» [432] ссылки на прошлое Крыма есть практически в каждом разделе. Любой увиденный им город или объект Эдмунд Хоецкий пытался не только описать внешне, но и рассказать о его исторической судьбе. Особой детальностью отличались описания Карасубазара [432, с. 252–253] (современный Белогорск) и Эски-Крыма (Старый Крым) [432, с. 274–275].

Впрочем, есть в книге Э. Хоецкого и два общеисторических обзора. Первый из них приведен сразу после описания развалин Херсонеса, занимает девять страниц [432, с. 80–89] и охватывает события от господства римлян до середины XIV века. История Крыма в этот промежуток времени разбита Э. Хоецким на десять пронумерованных отрезков, названных по этническому принципу. Второй исторический обзор касается исключительно прошлого Крымского ханства. Польский путешественник, посетив Бахчисарай, осмотрел также могилы крымских ханов – от Менгли-Герая до Крым-Герая [432, с. 142–178]. Каждому из захороненных Э. Хоецкий составил своеобразный некролог, который позволял читателю ознакомиться с биографии умерших ханов, узнать об их крупнейших военных успехах и поражениях, а иногда и о подробностях личной жизни крымских властителей.

Антоний Марчинковский, подобно Эдмунду Хоецкому, также сопровождал описания увиденных им городов и древностей экскурсами в историю Крыма, однако общеисторические обзоры у путешествен-

ников несколько отличаются. Если Э. Хоецкий к прошлому Крыма обращался дважды, причем стараясь дать читателю развернутую картину событий на всей территории полуострова, а также акцентировать внимание на связях истории Крыма с историей Польши, то А. Марчинковский в «Очерках и воспоминаниях из путешествия» [433] поставил перед собой гораздо более скромную задачу.

Во-первых, А. Марчинковский сузил географические границы своего изложения до Южного побережья Крыма, во-вторых, он охватил период лишь от древних греков до конца генуэзской колонизации Крыма, оставив без внимания и древние, и более поздние времена. Поэтому нет ничего удивительного, что история Южного берега заняла у польского вояжера всего одиннадцать страниц [433, с. 2–12].

Впрочем, к положительным особенностям изложения истории Крыма в труде А. Марчинковского можно отнести то, что этому вопросу отведена отдельная, причем первая, глава, а также то, что путешественник сосредоточился не только на политических событиях, но и на истории черноморской торговли в Средневековье.

Поскольку книга воспоминаний Эдварда Павловича «Из путешествия в Крым» [434] является наименьшей по объему по сравнению с работами других вояжеров, то неудивительно, что обзор истории Крыма в ней является кратчайшим и встречается лишь однажды. На 27-й странице Э. Павлович, уже после описания собственных впечатлений из поездки, как бы напоминает читателям о богатом событиями прошлом Крыма. Обзор этот занимает семь страниц [434, с. 27–33], выполнен в манере целостного повествования, без разбивки на разделы.

История и хронология Крыма в польской путевой литературе

В целом для польских вояжеров история Крымского полуострова начиналась с его древних обитателей – киммерийцев или тавров – и завершалась 1783 годом – временем включения Крыма в состав Российской империи. Характерно, что ни один из путешественников не интересовался первобытным Крымом – впрочем, большинство вояжеров посетило полуостров еще до начала обстоятельных исследова-

ний по данной тематике. Другой характерной чертой является завершение собственно крымской истории 1783 годом – после этой даты в сознании путешественников место прошлого занимало настоящее. Лишь Густав Олизар в своей автобиографии рассмотрел вопросы, беспокоившие общество Крыма уже в XIX веке – создание греческих военных формирований и массовый передел земель Таврической губернии, сказавшийся на местном населении [422, с. 107–110].

Первыми жителями древней Тавриды, согласно Станиславу Сестренцевичу-Богушу [420, т. 1, с. 45] и Эдварду Павловичу [434, с. 27], были именно тавры, от названия которых получил свое имя полуостров. По мнению обоих авторов, тавры имели кельтское происхождение. Впрочем, Эдмунд Хоецкий считал, что «перед таврами в Крыму жили киммерийцы» [432, с. 80], хотя и они, по мнению путешественника, были предками кимвров, т. е. тоже кельтами. По современным представлениям, киммерийцы и тавры проживали в Крыму примерно одновременно – с IX века до н. э. [538]. И если подавляющее большинство нынешних ученых согласно с тем, что киммерийцы – иранцы по языковой принадлежности [539], то по поводу происхождения тавров до сих пор идет дискуссия.

Вторыми обладателями Крыма С. Сестренцевич-Богуш называет амазонок [420, т. 1, с. 94], однако его мнения не разделяют другие польские путешественники. Лишь после амазонок, считал вояжер, в Тавриду вошли киммерийцы [420, т. 1, с. 116]. Это сообщение следует отнести к заведомо мифическим.

Единственным из древних народов, в происхождении которого не было сомнений ни у одного из польских вояжеров, были скифы. Все авторы соглашаются, что скифы – кочевники, пришедшие из Азии в 1514 году до н. э. по Станиславу Сестренцевичу-Богушу [420, т. 1, с. 132], или в 1554 г. до н.э. по Эдварду Павловичу [434, с. 27]. Результатом контактов скифов с местным населением явилось появление нового народа, получившего название тавро- скифы. Только Эдмунд Хоецкий назвал приемлемую дату появления скифов – VI век до н. э. [432, с. 81] (в подтверждение см., например [540, с. 48]).

Впрочем, С. Сестренцевич-Богуш отделил «скифо-тавров» и от тавров, и от скифов, поселил их в крымских горах и довел их хро-

нологию до XV века н. э. [420, т. 1, с. 238]. Как видно из его труда, к «скифо-таврам» автор отнес и поздних скифов, и алан, и готов.

Только начиная со времен греческой колонизации хронология крымской истории в работах путешественников становится более или менее приближенной к сегодняшним представлениям. У С. Сестренцевича-Богуша отдельные разделы посвящены Херсонесу [420, т. 1, с. 285] и Боспору [420, т. 1, с. 357]. Э. Хоецкий различает историю собственно греческого переселения в Крым и историю Боспорского царства [432, с. 81], А. Марчинковский ограничивается замечанием, что «южный берег Крыма не только не был знаком древним грекам, но и в I веке от Христа мало был известен цивилизованными народами» [433, с. 2]. Только у Э. Павловича история греческих поселений была общей, к тому же именно он назвал точную дату начала процесса колонизации – VII век до н. э. [434, с. 28], что подтверждается и сегодня [541]. Что касается Понтийского государства и его роли в истории Крыма, то мнения вояжеров разошлись – Станислав Сестренцевич-Богуш включил этот период в раздел об истории Боспора [420, т. 1, с. 396–425], а Эдмунд Хоецкий рассматривал его отдельно [432, с. 82].

Хозяевами Крыма С. Сестренцевич-Богуш считал также сарматов (с 81 г. до н. э. по XII век) [420, т. 2, с. 5] – по его мнению, родственников славян и предков запорожских казаков. Характерно, что никакой другой путешественник не выделял отдельного сарматского периода, хотя вера в родство славян и сарматов прослеживалась на протяжении всей первой половины XIX века. Ныне можно считать доказанным, что между этими народами связи не было, а сами сарматы, подобно скифам, являются иранцами [542].

Следующий период почти одинаково был описан всеми вояжерами – римское господство. В отличие от современной традиции, польские путешественники объединяли времена собственно Римской и Византийской империй. Например, С. Сестренцевич-Богуш обозначил временные рамки римского присутствия 65 годом до н. э. – 1024 годом н. э. [420, т. 2, с. 47]. Э. Хоецкий в пределах одного раздела описал события, продолжавшиеся от победы римлян над Митридатом до взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году, с ретроспективным обзором событий вплоть до 1453 года [432, с. 83–84]. Сегодня прак-

тически во всех работах по древней и раннесредневековой истории Крыма римский период четко отделен от византийского.

С. Сестренцевичем-Богушем был также выделен период гуннского господства [240, т. 2, с. 62], а все другие путешественники представляли Великое переселение народов как эпизод римской истории Крыма: «...орды готов и гуннов начали разорять греческие колонии в Таврике. Продолжалось это вплоть до времен Юстиниана», – писал Э. Хоецкий [432, с. 83]. «Крым был занят кочующими ордами. Печенеги, хазары, половцы <...> гунны», – отмечал А. Марчинковский [433, с. 2]; «Отныне наступил период похода народов всевозможных рас и названий. <...> Гунны, хазары, печенеги, русы, половцы», – утверждал Э. Павлович [434, с. 28]. Если А. Марчинковский и Э. Павлович причисляли хазар к кочевым народам, то С. Сестренцевич-Богуш и Э. Хоецкий выделяли особый период доминирования хазар [420, т. 2, с. 94; 432, с. 85]. Также С. Сестренцевич-Богуш выделил и время господства печенегов [420, т. 2, с. 117]. После описания хазарского вторжения в Крым в обзоре А. Марчинковского наступает перерыв до изложения времен генуэзской колонизации.

Станиславом Сестренцевичем-Богушем и Эдмундом Хоецким были очерчены особые периоды владычества в Крыму руссов [420, т. 2, с. 134; 432, с. 86] и половцев [420, т. 2, с. 146; 432, с. 86], другими вояжерами они просто упомянуты в числе прочих кочевых народов.

В произведениях С. Сестренцевича-Богуша и А. Марчинковского можно найти подробное описание сначала венецианской, а затем и генуэзской колонизации Крыма [420, т. 2, с. 153; 433, с. 10], причем оба автора сосредоточили свое внимание не только на сугубо крымских аспектах этой колонизации, но и на ее влиянии на международную торговлю. Внимание итальянской торговле уделено и в очерке Э. Павловича [434, с. 28].

Консенсус в обзоре крымской истории между польскими путешественниками был найден лишь в описании монгольского владычества в Крыму. Все вояжеры согласны с тем, что этот период в корне отличается от предыдущих своей жестокостью и что крымские татары появились в Крыму именно в это время [420, т. 2, с. 219; 432, с. 87; 433, с. 11; 434, с. 28]. На эпоху монгольского завоевания,

как на время начала этногенеза крымскотатарского народа, смотрят и сегодняшние незаангажированные ученые [543]. Если не считать Антония Марчинковского, то обзор истории Крымского ханства занимает по своему объему и детализации самое видное место в книгах всех польских путешественников.

В работе Станислава Сестрэнцевича-Богуша история Крымского ханства выстроена по хронологическому принципу: текст, занимающий 184 страницы [420, т. 2, с. 219–403], имеет более чем 150 разделов, часть которых охватывает по несколько лет, некоторые же посвящены отдельным событиям или именам.

В книге Эдмунда Хоецкого обзор данного периода состоит из «некрологов» крымским ханам. Путешественник, пересказывая биографию ханов, давал им подробные характеристики. Первой на кладбище путешественнику встретилась могила Менгли-Герая, которого «подданные возненавидели за его жестокость» [432, с. 144]. В следующей могиле покоятся останки Мухамед-Герая, «достойного сына» хана Менгли [432, с. 149]. Значительное внимание во-яжер уделит фигурам Ислам-Герая [432, с. 151] и Крым-Герая [432, с. 165]. По мнению Э. Хоецкого, в 1712 году прервалась связь между собственно крымской и польской историей [432, с. 159]. Рассказом о временах Шагин-Герая и присоединении Крыма к России путешественник завершает свой обзор [432, с. 176–178].

Интересно, что именно персональный подход избрал для своего обзора истории Крымского ханства Эдвард Павлович. Путешественник начинает рассказ с Хаджи-Герая, который, «не забываясь добычей, обратил

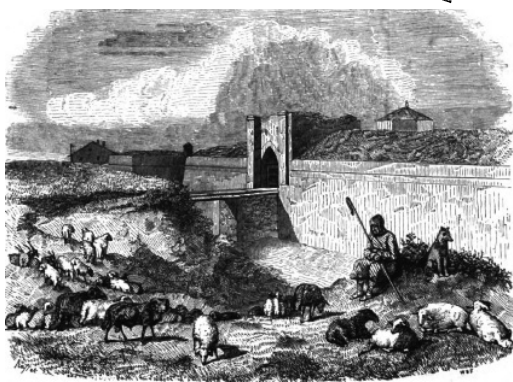
все внимание на увеличение захваченных поселений и благосостояние татарского населения» [434, с. 29]. В заслугу этому хану Э. Павлович поставил приязнь к генуэзским колониям. Почти страница в очерке посвящена Менгли-Гераю: его последовательности, воспитанию и вассальной за-

К. Боссоли. Форт Арабат. 1856 г.

висимости от Турции. Эдвард Павлович также пересказал содержание никогда не существовавшего турецко-крымского соглашения 1478 года [434, с. 30] (см. подробнее [238]). При описании биографии хана Мухаммед-Герая [434, с. 31] польский вояжер пространно цитирует сочинение Михалона Литвина «О нравах татар» [469]. Вся дальнейшая история Крыма – татарские нападения на польские земли, русская борьба с Крымом и ликвидация ханства – заняла в очерке Э. Павловича всего две страницы [434, с. 32–33].

О. Раффе. Древняя Арабатская крепость. 1837 г.

Очевидно, что труды ранних польских путешественников были знакомы позднейшим вояжерам, но особенно замечательна меткая характеристика, данная историческому труду Станислава Сестренцевича-Богуша Антонием Марчинковским. По мнению последнего, архиепископ написал свою книгу «сухо, нудно, пришив мифические байки, не отыскав ничего в этой шелухе, скомпилировав хроники, довел дело до современности и почил, утруженный, на лаврах» [433, с. 167]. А. Марчинковскому были также известны книги Карла Качковского и Эдмунда Хоецкого.

Нетрудно заметить, что обзоры истории Крыма в записках польских путешественников подчиняются строгой последовательности – с течением времени они становятся все меньше по объему. История Крыма в труде Станислава Сестренцевича-Богуша занимает 794 страницы в обоих томах, в воспоминаниях Эдмунда Хоецкого – 45 страниц; Антония Марчинковского – 11 страниц, и Эдварда Павловича – только семь. Вполне понятно, что каждый следующий путешественник считал, что его читатели лучше знакомы с историей Крыма, чем аудитория предыдущих вояжеров.

Другая заметная черта, отличающая поздних путешественников от их предшественников – детальность изложения исторических событий. Если в книгах С. Сестренцевича-Богуша и Э. Хоецкого история Крымского полуострова имеет пронумерованные разделы по хронологическому или этническому принципам, то в работах А. Марчинковского и Э. Павловича обзор прошлого Крыма существует в виде небольшого цельного очерка.

Если же говорить о правильности изложения исторических событий в польской путевой литературе, то практически любой обзор можно условно разделить на три части: недостоверный – от эпохи киммерийцев до конца римского господства; малодостоверный – все раннее Средневековье до монгольского вторжения; и вполне достоверный – период крымского ханства. Что характерно, отмеченное разделение более-менее четко прослеживается на протяжении столетия. Наиболее значительными ошибками при описании ранней истории Крыма следует считать отождествление киммерийцев с кимврами, т. е. приписывание первым кельтских корней, определение сарматов как предков славян (дань господствовавшей культурно-политической парадигме «сарматизма») и использование баснословной хронологии, позаимствованной из античных мифов. Из ошибок «помладше» – откровенные домыслы о происхождении печенегов и хазар. Что извиняет польских путешественников, так это распространенность подобных ошибок в обществе, работах других вояжеров и тогдашних ученых, поздно начавшиеся археологические раскопки в Крыму и, зачастую, отсутствие специального образования. И несмотря на то, что исторические экскурсы являются наименее значимым элементом записок польских путешественников, изучение природы допущенных ними ошибок будет способствовать развитию наших представлений о том, как воспринимали Крым вояжеры из других стран полтора столетия назад.

ЧАВА 8

Транспорт и пути сообщения

*В начале путешествия
мы не можем слишком далеко заглядывать в будущее.
Порадуемся тому,
что первая часть пути прошла благополучно.*

Джон Рональд Руэл Толкин

*Н*аиболее удачно, на мой взгляд, охарактеризовал ситуацию с маршрутами путешествий в Крым Эдвард Павлович: «Существует две разновидности путешествия – сушей или морем. Первый <...> дает познать полуостров в полной его продолжительности, с буйным равным степью от севера к югу, что составляет его треть, а от Симферополя, в восточном направлении, мимо Бахчисарая, Чатыр-Дага, Алушты до Старого Крыма, Феодосии, Керчи <...>, в западном же направлении – через Севастополь и Байдарские ворота, или напрямик – шоссе в Ялту. Второй, **самый выгодный и скорейший** (выделено мной. – С. Г.) – морем, из Одессы мимо Евпатории, Севастополя, Балаклавы до Ялты, откуда <...> на Кавказ» [434, с. 17]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что польские путешественники выбирали именно морской путь из Одессы в Крым, да и в самом Крыму зачастую перемещались между городами побережья на кораблях.

Морем в Крым прибыли Густав Олизар, Адам Мицкевич, Генрик Жевуский, Карл Качковский, Эдмунд Хоецкий, Антоний Марчинковский, Эдвард Павлович, Анна Воланьская-Дзедушицкая и Адам Сераковский, т. е. девять человек. И всего трое – Станислав Сестрэнцевич-Богуш, Ян Потоцкий и Елена Скурмунт – приехали в Крым по суше.

Относительно портовой географии, то места прибытия вояжеров распределились следующим образом: бесспорным лидером оказалась Евпатория, с которой начали свой обзор Крыма Адам Мицкевич и Генрик Жевуский, Антоний Марчинковский и Анна Воланьская-Дзедушицкая, на втором месте оказалась Ялта, в которую прибыли Эдмунд Хоецкий и Эдвард Павлович. Во всех других местностях высаживалось по одному вояжеру: Густав Олизар – в бухте Ласпи, Карл Качковский – в Балаклаве, а Адам Сераковский – в Севастополе.

Маршруты польских путешественников

Из всех польских путешественников, прибывших в Крым, не найдется двух (за исключением лишь Адама Мицкевич и Генрика Жевуского, которые путешествовали вместе), чьи маршруты совпадали. Это дает возможность объективно проанализировать степень заинтересованности вояжеров в посещении тех или иных достопримечательностей Крыма. По этому вопросу существует небольшая обобщающая работа [544].

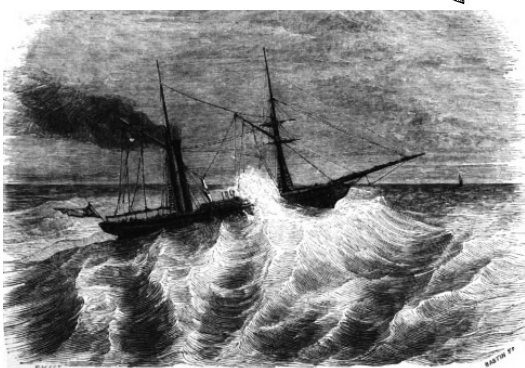
Станислав Сестренцевич-Богуш лично посетил Мангуп, по крайней мере это единственный памятник Крыма, о котором путешественник привел в своей книге [420] собственные впечатления.

Густав Олизар после высадки вблизи бухты Ласпи остановился в Гурзуфе, а впоследствии приобрел неподалеку небольшую местность, где заложил имение – позднее знаменитый Артек. В нем граф жил постоянно, лишь изредка посещая знакомых, приезжая в Симферополь и Одессу. Осенью 1825 года Густав Олизар оставил Крым – по суше выехал на Киевщину.

Адам Мицкевич и Генрик Жевуский в июне 1825 года прибыли морем в Евпатории, совершили небольшую экскурсию в Симферополь и Бахчисарай и через несколько дней вернулись в Одессу. В следующий раз, осенью, путешественники задержались в Крыму подольше, посетив Тарханкут, Евпаторию, Бахчисарай, Чуфут-Кале, Балаклаву, Байдарские ворота, Гурзуф с Аю-Дагом, Алушту и Чатыр-Даг. Все путешествие длилась почти два месяца. Однако по вопросу точного маршрута поэта консенсуса среди исследователей не существует.

Карл Качковский, прибыв морем из Одессы в Балаклаву, направился к Алуште, по дороге увидев и Байдарскую долину, и Гурзуф, и имение Г. Олизара. После подъема на Чатыр-Даг польский путешественник посетил Бахчисарай и Чуфут-Кале, а затем через Симферополь выехал в Евпаторию, откуда вернулся в Одессу.

О. Раффе. Пароход «Петр I» на Черном море. 1837 г.

Эдмунд Хоецкий прибыл в Крым опять-таки морем из Одессы, но уже ощутимо восточнее своих предшественников – не в Евпаторию или на окраину Севастополя, а в Ялту. Также Э. Хоецкий стал первым путешественником, посетившим не только центральные города, но еще и восток полуострова. Общий маршрут вояжера выглядел так: из Ялты до Балаклавы вдоль берега, затем к Георгиевскому монастырю, Севастополю, Инкерману и Мангупу. Далее на его пути оказались Бахчисарай, Чуфут-Кале, Симферополь, Алушта, Карасубазар (нынешний Белогорск), Судак, Старый Крым, Феодосия и Керчь.

Антоний Марчинковский прибыл морем из Одессы, посетил Евпаторию, потом тоже морем добрался до Севастополя, а оттуда – опять-таки морем – до Ялты. Затем по побережью приехал в Байдарскую долину, отправился в Бахчисарай и окружающие «пещерные города», снова приехал в Ялту, откуда отплыл в Одессу.

Елена Скирмунт на протяжении нескольких лет жила в Балаклаве, откуда выезжала на экскурсии, но не на популярные курорты, а к крымским «пещерным городам» и горным крепостям: Черкес-Кермену, Мангупу, Чуфут-Кале.

Эдвард Павлович прибыл морем в Ялту, откуда совершил небольшое путешествие в Байдарскую долину, в основном сосредоточив свое внимание на ближайших к Ялте поселениях.

Анна Воланьская-Дзедушицкая прибыла морем в Евпаторию, оттуда – также морем – в Севастополь. Затем она совершила поездку в Бахчисарай и Чуфут-Кале, а по возвращении переехала в Ялту, посетив лежавшие на ее пути имения. Крайним пунктом ее путешествия стал Гурзуф.

Адам Сераковский в первый свой визит (1901 г.) прибыл морем в Севастополь, оттуда совершил поездку в Бахчисарай, а после возвращения по морю переправился в Ялту, посетил Гурзуф и Алушту. Из Ялты путешественник направился в Керчь, а на обратном пути остановился в Феодосии. Во второй визит (1902 г.) маршрут выглядел так: Бахчисарай – Севастополь – Ялта – Алушта – морем в Сухуми.

Транспорт и пути сообщения

На примере использования средств передвижения польскими путешественниками можно наблюдать постепенное развитие дорожной инфраструктуры Крыма: от массового привлечения лошадей до появления железнодорожного сообщения.

Так, на время прибытия Густава Олизара (1824 г.) транспортное хозяйство находилось в крайне неразвитом состоянии, о чем свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, бухта Ласпи, в которую прибыла яхта генерал-губернатора графа Михаила Воронцова, не была оснащена пристанью, поэтому путешественники должны были дожидаться штиля, чтобы сойти на берег [422, с. 106]. Во-вторых, даже на побережье главному чиновнику Крыма и польскому вояжеру пришлось самостоятельно преодолевать транспортные трудности: «Графиня Воронцова вместе с приятельницей своей, госпожой Бларамберг, и служанкой, взяв необходимое из багажа, стали подниматься на крутую гору в двухколесной татарской арбе, мужчины же, в том числе и сам граф, двинулись пешком», причем М. Воронцов самостоятельно нес собственный чемодан [422, с. 106]. Но и после этого и генерал-губернатору, и Олизару, тоже графу, пришлось еще сутки переждать в окрестных крестьянских избах, пока в их распоряжение не предоставили лошадей. Вполне понятно, что менее влиятельные путешественники сталкивались со значительно большими трудностями.

В первый свой визит в Крым (лето 1825 г.) Адам Мицкевич и Генрик Жевуский на пути из Евпатории в Симферополь воспользовались типичными русскими кибитками, о чем осталась запись в письме Г. Жевуского: «Надо быть варваром, чтобы их вытерпеть» [427]. Во

Неизвестный художник. Верблюжья упряжь.
Из книги Л. Олифанта. 1852 г.

время второго визита (лето-осень 1825 г.) путешественники пользовались преимущественно седлами, т. е. путешествовали верхом на специальных крымских лошадях, о чем свидетельствует второй авторский комментарий А. Мицкевича в XV сонете «Дорога над пропастью в Чуфут-Кале». Поэт замечает, что «крымский конь при трудных и опасных переправах, кажется, проявляет особый инстинкт осторожности и уверенности. Прежде нежели сделать шаг, он, держа ногу в воздухе, ищет камня и испытывает, можно ли ступить безопасно и утвердиться» [513, с. 188].

Карл Качковский (1825 г.) тоже поначалу предпочел путешествия верхом: «Четыре татарские лошади ждут перед нашим постоянным двором. Все уже уложено. Две лошади для нас, одна для проводника, а четвертая – вьючная, которую татарин будет вести в руке» [424, с. 91]. Экспедицию сопровождал проводник «арнаут Христофор, усатый и вооруженный солдат». По дороге вояжеры минимум дважды в день меняли лошадей.

Путешественник оставил описание этой процедуры: «В каждом селении, где меняются лошади, проводник вы-

Неизвестный художник. Наша татарская повозка.
Из книги Л. Олифанта. 1852 г.

Неизвестный художник. Почтовая телега.
Из книги Л. Олифанта. 1852 г.

зывает десятника, который по-татарски зовется онбаши. Он приводит путников на квартиру для отдыха, а затем по записке предоставляет необходимых лошадей, получает прогонные деньги, которые тут же выделяет и владельцу лошадей» [424, с. 101]. Слова Карла Качковского под-

тверждает и Франц Домбровский в своем «Обозрении Южного берега Крыма». Автор указывает, что упомянутую «записку» на русском и крымскотатарском языках «можете без всякого затруднения получить от начальника губернии, обратившись в его канцелярию» [545, с. 8]. Исходя из того, что путеводитель Ф. Домбровский вышел в 1850 году, услуги омбаши по предоставлению лошадей пользовались в Крыму значительной популярностью долгое время.

К. Качковский дал будущим вояжерам несколько советов: «Каждому путешествующему желательно иметь собственное седло, иначе будет сожалеть, как и мы. Чаще всего бывают неудобные стремена, то чрезмерно длинные, то очень короткие, то одна стремянина длинная, а вторая прямо при седле. Исправить невозможно – редко когда пряжка подвижная (ремень обычно пришивается раз и навсегда). Военный проводник может требовать чего-нибудь лучше. Поэтому хорошо иметь проводника военного, татары его побаиваются» [424, с. 101].

Карл Качковский также имел возможность оценить навыки крымских лошадей во время спуска по Чертовой лестнице: «Больше версты надо еще и лошадей вести за собой. Они настолько вызывают доверие у своих наездников, что те даже спускаются на лошадях. Настоящее удивление вызывает расторопность этого животного. Им не нужно управлять, само находит путь среди камней и избегает опасностей» [424, с. 94]. За пять лет до К. Качковского тем же маршрутом продвигался Александр Пушкин. Правда, поэт поднимался вверх пешком, «держая за хвост татарских лошадей наших» [546, с. 22].

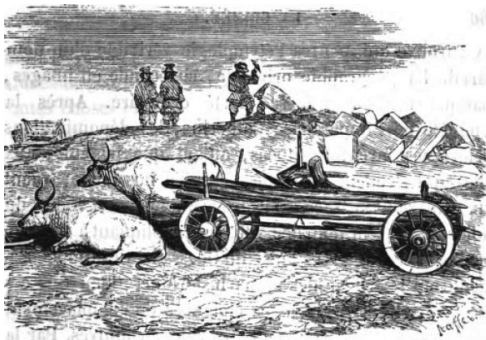
Вблизи Бахчисарая вояжеры пересели в татарскую телегу – мажару, на которой двинулись дальше: «Итак, наша кавалерийская экспедиция завершилась. Очень сожалею по поводу верховой езды, так как она изрядно вредила моему здоровью. В связи с этим хотел бы высказать предостережение

*Р.В. да В. Тарантас в степи.
Из книги Ф. Гилл. 1859 г.*

путешествующим, чтобы они запасались собственными седлами и позаботились о багаже для себя на все время» [424, с. 108]. В условиях отсутствия нормальных дорог иногда только мажара могла выручить путешественника – даже в 1840 году археолог Иван Бларамберг, следуя из Керчи в Симферополь, был вынужден ею воспользоваться [162, с. 18].

Следует заметить, что первые путешественники – Густав Олизар и Карл Качковский – в Крым и из Крыма добрались по морю на попутках. Г. Олизар из Одессы в бухту Ласпи приплыл на личной яхте М. Воронцова, а К. Качковский из Евпатории в Одессу – на военном корабле «Стрела» под командованием капитана Егора Кохтовского [422, с. 106; 424, с. 108]. Следующие вояжеры испытывали меньше трудностей – с 1828 года при содействии того же Михаила Воронцова на Черном море было учреждено пароходство, позволявшее любопытным добраться из Одессы в Крым за 25–30 часов и 25–40 рублей ассигнациями [162, с. 18].

*О. Раффе. Средство передвижения
в Бахчисарае. 1837 г.*

Во время вояжа Эдмунда Хоецкого (1843 г.) ялтинской порт не был оснащен пристанью, поэтому пароход из Одессы должен остановиться на внешнем рейде, и «множество лодок окружило его» [432, с. 29], этими челноками пассажиры добирались до твердой земли. Всего путешествие из Одессы в Ялту занимало около сорока восьми часов. Для путешествия по Крыму вояжер выбрал обычный путь: «Путники, желая подробно изучить Крым, нанимают проводника-татарина и верховых лошадей» [432, с. 36]. После того Эдмунд Хоецкий уже не упоминал о трудностях крымских дорог.

Антоний Марчинковский, прибыв в Евпаторию (1850 г.), оказался в положении Э. Хоецкого – его пароход также не мог причалить из-за отсутствия пристани и остановился за 500 шагов от берега. «Навстречу к нам прибыли лодки перевозчиков; перевозили караимы и греки, первые в длинных с широкими рукавами нарядах, подпоясанные узкими поясами; последние в соломенных с широкими полами шляпах, широких белых шароварах, обернутых красным ремнем» [433, с. 28]. В Севастополе по непонятным причинам корабль остановился за 100 шагов от причала, хотя сам путешественник был убежден, что пароход «мог бы подойти к самому берегу» [433, с. 54]. Подобная ситуация сложилась и у порта Ялты: «Наконец легкие лодки завезли меня с товарищами и поклажей на берег» [433, с. 72].

Чрезвычайно интересными представляются расчеты А. Марчинковского по поводу стоимости верхового путешествия. «Толстый коммерсант, который плыл в Керчи и имел здесь только три часа отдыха, уже сидел на коне и ехал для осмотра Ливадии, отдаленной отсюда только на 4 версты; проводник-татарин обмерил его взглядом, подсчитывая, не задешево ли согласился, потребовав только 10 золотых за проезд туда и обратно» [433, с. 72]. По мнению путешественника, проводники «драли деньги безжалостно». Так, до 1837 года местные жители «за лошадь брали из Ялты в Алупку (16 верст) 25 коп. серебром», а после наплыва многочисленной публики, не считавшей денег, «привыкли к большим ценам, брали уже 1,5 рубля» [433, с. 73]. Кстати, те же 25 коп. серебром стоила перевозка вояжера с парохода на берег [433, с. 75]. Андрей

Мальгин высчитал, что средняя стоимость проезда составляла 8 коп. за версту с каждой нанятой лошади [162, с. 29], что, в принципе, соотносится с ценой, указанной А. Марчинковским.

О. Раффе. Татарские ямщики. 1837 г.

Наконец, после долгих споров и уговоров, Антоний Марчинковский и его коллеги смогли нанять «пять лошадей по два рубля ежедневно, а шестой конь под проводником не считается, только один раз дали проводнику пару рублей» [433, с. 76]. Интересно, что проводники-татары мотивировали цену именно горным происхождением лошадей, «привыкших к каменистым тропам в горах, висящих над пропастями» [433, с. 77].

Татарских проводников нанимала для путешествий (1869 г.) и Елена Скирмунт [429, № 199, с. 201]. Во время визита Эдварда Павловича (1895 г.) порт Ялты уже был оснащен таким образом, что путешественники напрямую «выходили с парохода на берег пристани», минуя лодки перевозчиков. Характерно, что, в отличие от своих предшественников, Э. Павлович для посещения имений и дворцов Южного берега пользовался уже не услугами верховых татар, а морскими перевозками: «посещение тех местностей, обычно расположенных на морском берегу, облегчают корабли, курсирующие в определенные часы по умеренной цене» [434, с. 19]. Только те экскурсии, которые проводились в горах, совершались «пешком или верхом, к чему порода крымских лошадей, выносливых и здравомыслящих, весьма подходит» [434, с. 20].

В отличие от всех своих предшественников Анна Воланьская-Дзедушицкая (1901 г.) добралась из Севастополя в Бахчисарай не телегой, а поездом: «Назавтра, ранним утром, железной дорогой за три часа доезжаем до одной из самых интересных местностей Крыма» [435, с. 24]. Путешественница была также первой

из поляков, кто оставил описание крымской железнодорожной станции: «Выйдя на малом, банальном вокзале с неизбежным самоваром и пирогами, мы были окружены роем татар», которые исполняли обязанности перевозчиков [435, с. 25]. Вечерним поездом в тот же день А. Воланьская-Дзедушицкая вернулась в Севастополь. Что касается дороги в Ялту, то «проехать ее можно пароходом, но мы старалась непременно проехать ее повозкой, чтобы посетить известные Байдарские ворота» [435, с. 38]. Остатки путешественница и описание «дилижанса», курсировавшего между городами: «...это очень длинный и низкий воз, с одним сиденьем вдоль, на котором люди сидят, плечами друг на друга опираясь, а ноги держат на доске, что заодно служит ступенькой» [435, с. 40]. Запуск ежедневного «мальпостного» сообщения 8-местными дилижансами между Севастополем и Ялтой относится к 1888 году [162, с. 85].

Адам Сераковский (1901 г.) уже причаливал к Графской пристани в Севастополе [428, с. 8], для путешествия в Балаклаву нанимал «татарскую коляску» [428, с. 10], а в Бахчисарай, как и его предшественница, прибыл после трех часов езды по железной дороге [428, с. 12], в самом же городе снова пользовался «легкой татарской телегой» [428, с. 14]. В Ялту путешественник приехал на повозке, а из Ялты в Гурзуф добрался пароходом [428, с. 33]. Повозкой Адам Сераковский доехал и до вершины Ай-Петри [428, с. 39], дорогу на гору соорудил инженер-полковник Иван Шишко, в 1879 году по ней проехал император Александр II [162, с. 84]. Наконец, в Алушту, Феодосию и Керчь вояжер попал на пароходе.

Индустрия гостеприимства

Что же касается эволюции индустрии гостеприимства, то она тоже может быть прослежена по воспоминаниям польских путешественников. Так, два графа, Густав Олизар и Михаил Воронцов, после прибытия в Крым должны были около суток оставаться в крестьянских домиках неподалеку от бухты Ласпи, ожидая подводы. Кроме того, их конечный пункт – воронцовское имение Гур-

зуф – «был тогда единственный удобный для жилья на Южном берегу дом» [422, с. 106].

Собственно говоря, вояжеры первой половины XIX века по большей части путешествовали по Крыму от одного дворянского имения к другому, но случалось и так, что ночевать приходилось в домах местного населения. Несмотря на декларируемое в записках гостеприимство крымских татар, от такого ночлега не все путники были в восторге. Например, Карл Качковский отметил, что «лучше всего спать на сене, на свежем воздухе или где-нибудь на голой земле, потому что дерюги, которыми татары застилают свои дома, полны блох» [424, с. 106]. Впрочем, дома знати также не всегда создавали условия для комфортного отдыха: так, Павел Сумароков, остановившийся в имении графа Николая Мордвинова, был вынужден ночевать на огромных связках соломы [550, ч. 2, с. 19].

Ситуация изменилась немногим к лучшему в 30–40-х годах XIX столетия с прокладкой в Крыму нескольких дорог, в частности от Ишуня до Сарабуза (ныне пгт Гвардейское) и на Южный берег. Вдоль этих дорог были устроены почтовые станции, почти на каждой имелся трактир, а на некоторых – еще и комнаты для приезжих [162, с. 20]. Нельзя сказать, чтобы уровень комфорта в них был существенно выше, но, по меньшей мере, у путешественников появилась возможность выбирать.

Вояжеры же периода реализма вообще не жаловались на условия пребывания – в их распоряжении были лучшие гостиницы Крыма. Поэтому в поздних воспоминаниях мы уже не находим зарисовок трактиров, зато там встречаются описания ялтинских «Hotel de Russie» и «Hotel Central» [428, с. 31; 434, с. 17; 435, с. 48].

Подобным же образом менялся и крымский «сервис». Если Карл Качковский жаловался на то, что в Крыму невозможно найти нормальные седла [424, с. 101], то Анна Воланьская-Дзедушицкая видела в Ялте магазины «черкесские, японские, татарские, греческие и персидские» [435, с. 47] с соответствующим ассортиментом товаров.

Как можно видеть, пути сообщения, а значит, и транспорт, который польские вояжеры выбирали для путешествий, и сопут-

ствующая инфраструктура со временем переживали ощутимые изменения. Если первые путешественники, например Г. Олизар, испытывали значительные трудности с доставкой лошадей, то уже спустя два года они не жаловались на скорость конного сообщения по Крыму, только на качество. В целом для вояжеров эпохи Романтизма характерны лодки-перевозчики в портах и конные прогулки по Крыму, а для вояжеров эпохи реализма уже стали доступны железные дороги, хорошо оборудованные пристани и возможность пользоваться повозками вместо лошадей. Сравнивая записки польских путешественников со сведениями их русских коллег, мы делаем вывод о достоверности и детальности этих записок. Впрочем, отсутствие в отечественной историографии обобщающей работы, посвященной развитию дорожной инфраструктуры Юга Украины в XIX столетии, затрудняет задачу оценки польской путевой литературы с этой точки зрения.

ЧАВА 9

Города и поселки

*Путешествия учат больше, чем что бы то ни было.
Иногда один день, проведенный в других местах,
дает больше, чем десять лет жизни дома.*

Анатоль Франс

Городская (а тем более сельская) история Крымского полуострова и поныне остается одной из самых слабых сторон отечественной историографии. С тех пор как в 1974 году появился посвященный Крыму том «Истории городов и сел Украинской ССР», научная деятельность на этом поприще словно замерла. Практическая сторона дела отдана на откуп популярным путеводителям, а за теоретическую урбанистику никто всерьез и не брался. Именно поэтому для нас так важны сегодня свидетельства очевидцев той эпохи, когда крымские города создавались в бесплодной степи или возвращались из тысячелетнего забвения, в том числе и польских путешественников. Введение в научный оборот сведений о крымских городах, почерпнутых из путевой литературы двухсотлетней давности, несомненно, будет способствовать возобновлению отечественных городских студий.

Западный Крым

Евпатория. Первые польские путешественники по Крыму, Станислав Сестренцевич-Богуш и Ян Потоцкий, в Евпатории не побывали. Адам Мицкевич не оставил описания своих впечатлений от пребывания в Евпатории, однако сохранилось письмо Генрика Жевуского, в котором содержатся сведения о встрече с караимским гахамом Хаджи Бабовичем

К. Боссоли. Евпатория. 1856 г.

(в тексте письма – Симеоном Бабой) [427]. В письме Евпатория названа «Кислев». Карл Качковский, очевидно, не останавливался в Евпатории, хотя видел ее из своей телеги: «Мажарой проехали мы до Акмечети, оттуда до Козлова и, наконец, до бухты Акмечетской

в надежде на немедленное отплытие» [424, с. 108]. Не побывал в городе и Эдмунд Хоецкий.

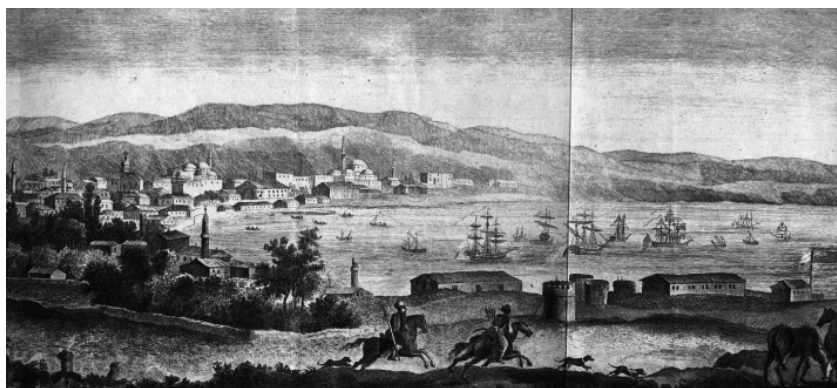
А вот Антоний Марчинковский оставил пространное описание Евпатории. «Как мы уже говорили, Евпатория была заложена королем Понта Митридатом, или, согласно Страбону, его полководцем Диофантом. Татарское название этого города Гузлеве, переименованное русскими в Козлов» [433, с. 26]. Первыми на берегу путешественника встретили чиновники из таможи. «Дом таможи здесь самое значительное здание на берегу. Далее огромный трактир с большим балконом на море и пустой бульвар, так же как одесский, засыпанный твердыми и острыми морскими ракушками и камнями» [433, с. 29]. Впрочем, впечатление от старого города остались не лучшими: «...мы вошли в городок грязный, старый, в татарском стиле; кроме нескольких европейских домов, весь он состоит из строений, стены которых словно старый щебень; крыши из черепицы и только кое-где возвышается грязный минарет старой мечети» [433, с. 31]. «Улица в татарском городе имеет свой характер: узкая, тесная, обставлена низкими двухэтажными домами; внизу сарай на барах, занятый товарами или мастерской; наверху три или четыре окна и широкий чердак, под которым в жару сидят татары и курят трубки. Посреди дороги стоит арба» [433, с. 31]. «Мечетей, вообще домов молитвы 30, при каждой есть школа (медресе), где зимой бывает порой до 900 учеников, которые летом распускаются по домам для работ». «Домов в Евпатории насчитывается до 1900; магазинов 336, одна школа, 1 караимская типография, 3 бани, 11 фабрик свечей и мыла, 9 – светильников, 10 – кожевенных; заезжих домов 21; суповых кухонь 7; кабаков 18; винных магазинов 28; кофеен 28; мельниц ветряных 150. Населе-

ния в целом до 15 тысяч душ» [433, с. 43]. Насколько можно судить, столь обстоятельные сведения Антоний Марчинковский почерпнул из «Новороссийского календаря» за 1847 год [548, с. 351, 354], прибавив к ним собственные наблюдения. Характерно, что Петер Паллас, проезжавший через Евпаторию в 1793–1794 годах, насчитал в городе только 13 мечетей и 7 медресе [549, с. 209].

Из путешественников эпохи реализма только Эдвард Павлович и Анна Волянская-Дзедушицкая вспоминают Евпаторию. Первый кратко заметил, что «Евпатория – один из главных городов Крыма» [434, с. 10], а его преемница вспоминала: «Из Евпатории видели мы лишь голое скалистое побережье, покрытое низкими каменными домами с плоскими красными крышами <...>. Евпатория до 1784 года, т. е. до момента поглощения Крыма Россией, называлась Гузла-Оме (по-русски – Казлофт), была вторым после Бахчисарая городом ханства, богатым, благодаря ремеслам и торговле, а ныне – жалкая местность, населенная татарами и караимами» [435, с. 22]. Впрочем, если бы путешественница остановилась в городе, то, возможно, она поменяла бы свое мнение о «жалкой местности», поскольку как раз в начале XX века Евпатория переживала бум лечебных курортов [550, с. 263].

В целом же Евпатория не пользовалась особой популярностью среди путешественников эпохи Романтизма, кроме того, в городе в середине века имелась всего одна гостиница. В евпаторийский порт начиная с 30-х годов XIX века заходил пароход, идущий из Одессы

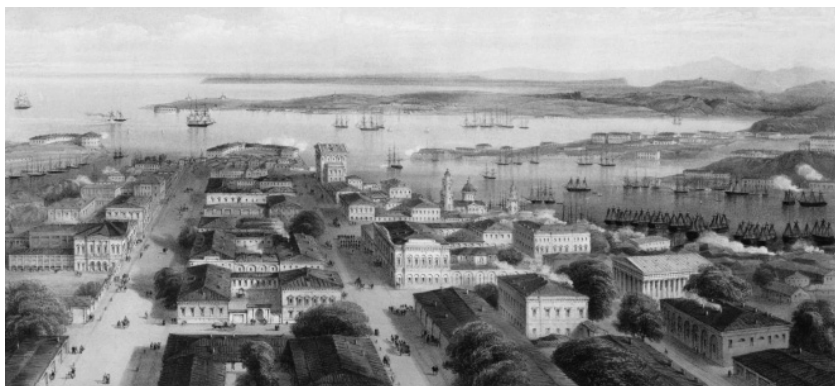
Де Палдо. Вид Кезлова, или Евпатории. Из книги П. Сумарокова. 1803 г.

в Ялту, а с Симферополем городок связывал еженедельный дилижанс [162, с. 38], тем не менее поток туристов в Евпаторию не увеличился. Именно недостаток описаний других вояжеров делает записки польских путешественников о Евпатории особенно ценными.

Севастополь. У польских путешественников конца XVIII – первой четверти XIX века мы не находим упоминаний о Севастополе, зато пространные описания города оставили Эдмунд Хоецкий и Антоний Марчинковский. Первый из них чрезвычайно критически высказался относительно городской застройки: «Итак, думаю, город должен был казаться прекрасным строителям, которые его сооружали, зато путники, которые хоть немного понимают в искусстве, совершенно иного мнения. Повсюду пробивается неблагородный вкус XVIII века, передразнивая древние святыни и пантеоны, не способный создать нечто свое. Не знаю ничего скучнее для глаза, чем вид города, только несколько лет как появившегося. Ни одно воспоминание не остается от тех белых и розовых домов, будто поставленных под циркулем» [432, с. 93].

Также Э. Хоецкий откровенно насмехается над отдельными сооружениями Севастополя: «То здание, похожее на римский Колизей, пожалуй, предназначено для сбора подобных памятников? Наоборот, это лазарет», «А здание вроде святыни Юпитера Громовержца, это, несомненно, архив? Зал заседаний? Если бы – это склад водки и пшеницы», «Где же хвалят Бога?.. Вот там, в том большом квадратном сундуке с бомбой наверху находится храм Божий» [432, с. 94]. Скепсис вояжера

К. Боссоли. Общий вид Севастополя. 1856 г.

легко объясняется конфликтом мировоззрений: Севастополь (как и другие, новые города Крыма) построен по канонам классицизма – под прямыми углами и без лишних украшений, а Эдмунд Хоецкий, будучи представителем эпохи Романтизма, априори презирал такие решения в архитектуре.

П. Верещагин. Севастополь

Антоний Марчинковский

отнесся к Севастополю снисходительнее: «Севастополь – новый, белый, большой город, застроенный по плану, регулярный, как Николаев, как Одесса, с первым, в частности, имеет много аналогий» [433, с. 54]. Сравнение с Николаевом встречается в воспоминаниях А. Марчинковского постоянно. «Встали на лестницу, ведущую в город через ворота вроде греческого портика; в нишах статуи из белого мрамора» [433, с. 55]. «Движение здесь больше, чем в Николаеве, здесь, как и там, лишь военные, моряки; все здесь носит морские черты» [433, с. 55]; похожее мнение высказывал прежде Павел Сумароков: «Севастополь, подобно Кронштадту, есть настоящий воинский город» [547, ч. 1, с. 194]. «Вышли мы для осмотра города; сравнивали его невольно с Николаевым, но нет здесь такого прекрасного вида на порт, как там; нет здесь того зеленого венца акаций, который лежит на главе города, наконец, Севасто-

Г. Гогенфельден. Севастопольская библиотека. 1840-е гг.

Неизвестный художник. Мыс ветров неподалеку от Севастополя. Из книги Л. Олифанта. 1852 г.

поль значительно меньше Николаева» [433, с. 59]. «Но что прекрасно и оригинального есть в Севастополе, то это морская библиотека, т. е. предназначенная для моряков; это красивое здание, на крупной, из белого мрамора, лестнице его лежат колоссальных размеров из того же мрамора сфинксы». Описал также Ан-

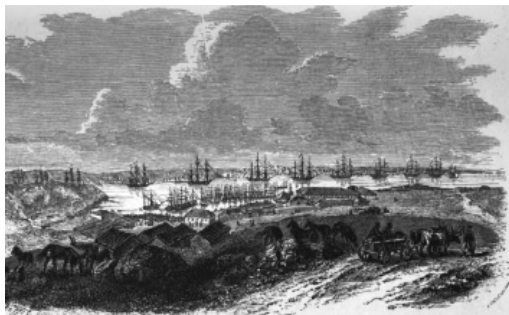
тоний Марчинковский много отдельных зданий, церквей и памятников, которые увидел в Севастополе.

Однако оба путешественника были солидарны в описании морской бухты города и его военной мощи. «Тамошняя пристань для кораблей является удивительно прекрасной <...>, – писал Эдмунд Хоецкий. – Две фортификации, расположенные на двух противоположных сторонах узкого перешейка, через который море впадает в залив, перекрывают весь порт перекрестным огнем. Наибольшее судно на всем Черном море со 140 орудиями под названием «Двенадцать апостолов» находилось в то время в Севастопольской бухте. Та огромная махина колыбалась горделиво на поверхности воды и блестела тройным рядом пушечных жерл» [432, с. 91].

«Прежде всего, при входе в залив, с одной и с другой стороны, тянутся башни, через зияющие бойницы которых выглядывают пушки, при приближении неприятельского флота тысячи ядер затопили бы суда смельчаков [433, с. 54], – вторил ему Антоний Марчинковский, говоря далее: – Видели мы судно «12 апостолов»; корабль тот был 120-пушечный, семиэтажный; с залом, где можно дать бал, салонами, украшенными со вкусом богатой мебелью, с большим балконом на море, где можно читать или пить чай, будто на балконе какого-нибудь сельского замка» [433, с. 59]. Следует лишь заметить, что фактически на борту корабля, которым увлеклись вояжеры, рас-

полагалось 130 орудий. К слову, подавляющее большинство путешественников, побывавших в Севастополе, обращали внимание именно на его военно-морскую мощь [162, с. 24].

О. Раффе. Вид порта в Севастополе. 1841 г.

Елена Скирмунт описания Севастополя не оставила, несмотря на то что неоднократно бывала в городе. Эдвард Павлович дважды ограничился короткой записью – в первый раз, когда видел город с палубы судна: «Вежливо какой-то офицер показывал мне и объяснял важные форты, курган Малахова, могилы павших, батареи и т.д.» [434, с. 10]. Второй раз, когда проезжал через город: «В Севастополе задержались, чтобы проездом через Балаклаву добраться до Байдарской долины» [434, с. 22].

А вот Анна Воланьская-Дзедушицкая не только побывала в Севастополе, но и оставила нам его описание. «Въезжаем между двумя высокими холмами, целиком покрытыми укреплениями, фортами, густо ощетилившимися орудийными стволами, в порт Севастополя <...> и добираемся до великолепных гигантских лестниц, которые ведут через такую же прекрасную греческую колоннаду к главной площади в городе с памятником адмиралу Нахимову». «Севастополь – это удивительный город, расположившийся на трех скалистых холмах, создающих два полуострова, на одном из них Корабельная сторона со славным шанцем Малахова и заливом, где гигантские корабельные мастерские, откуда шум и стук неустанный, на втором – город с главными улицами: Нахимовским проспектом и Екатерининской, заканчивающимися морским бульваром с искусственно поддерживаемой зеленью и прекрасным видом» [435, с. 23].

В отличие от своих предшественников путешественница побывала в Севастополе уже после Крымской войны, что обусловило особую расстановку акцентов в воспоминаниях – на первый план выходит описание

памятников войны. «Напротив греческой колоннады, сияя странно на фоне голубизны неба и моря, возвышается третий отвес холма, увенчанный каким-то пирамидальным строением – это Семинария с Братской могилой, где с 1855 г. похоронены жертвы той печальной памяти войны, которая никому ничего хорошего не принесла, а столько денег, крови и слез стоила Европе» [435, с. 24]. Анна Воланьская-Дзедушицкая посетила то кладбище и записала, что на нем похоронены вместе до 50 тысяч солдат, а офицеры покоились в отдельных могилах. Путешественница подчеркнула, что французы и итальянцы имели свои кладбища на другой стороне Севастополя – на пути к Байдарам. «Как напоминание войны, – продолжает она, – есть в городе красивый дом, вмещающий всевозможные ее достопримечательности, хранимые с пиетизмом. Многое тогдашнее оружие, фуражку Нахимова, продырявленную пулей, пару готовых полотен Айвазовского, изображающих сражения и осаду Севастополя, и, возможно, самое интересное – большое собрание дневников, иллюстраций, карикатур, брошюр со времен войны на пяти языках» [435, с. 24]. Путешественница имела в виду севастопольский военный музей, открытый еще в 1869 году, но до момента ее посещения, в 1895-м, перенесенный в отдельное здание – «одно из красивейших в городе» [550, с. 263].

Не оставил Севастополь без внимания и Адам Сераковский. «Вид севастопольской пристани прекрасный, но печальный, потому что не вполне хватает зелени. Несколько позже наблюдал огромную пирамиду с огромным крестом на щите – это крыша церкви на так называемой «Братской могиле», где лежит 100 тысяч защитни-

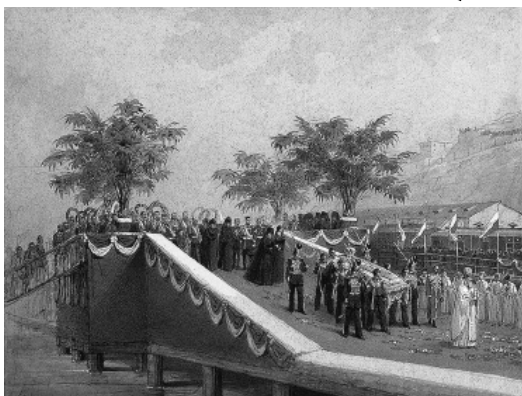

Г. Тирелл. Севастополь. 1856 г.

ков» [428, с. 7–8]. В целом город приятно поразил путешественника: «Все утро посещал город, в котором лишь новые дома; уже след простыл времени одиннадцатимесячной осады» [428, с. 9]. Маршрут вояжера в этот день включал в себя все обязательные элементы путешествий

такого рода: «греческий портик Графской пристани», «славный 4-й бастион, добытый французами лишь после кровавых боев», «знаменитый Курган Малаховский», «прекрасный памятник адмиралу Корнилову», «крест из черного гранита – в середине гигантская Ника, а под каждым плечом креста похоронен один из четырех героев обороны Севастополя: Нахимов, Корнилов, Истомин и Лазарев» [428, с. 8–9].

М. Зичи. Спуск гроба с телом Александра III в Севастополе. 1895 г.

Увидел Адам Сераковский также и музей, которым восхищалась его предшественница: «Посетил затем исторический музей обороны Севастополя, чрезвычайно прекрасно подготовленный и неизмеримо интересный. Огромное там собрание тогдашних портретов и карикатур политических» [428, с. 10]. Если не считать едкой иронии Эдмунда Хоецкого, описания Севастополя польскими вояжерами не выделяются в ряду схожих зарисовок города других путешественников.

Балаклава. Увековечил Балаклаву в «Крымских сонетах» Адам Мицкевич (сонет XVII, «Руины замка в Балаклаве»), а в авторских комментариях к сонету добавил: «Над заливом того же названия стоят руины замка, построенного некогда греками, выходцами из Милета. Позднее генуэзцы возвели на этом месте крепость Чембало» [513, с. 197]. Балаклаву упо-

Г. Дарагань. Балаклава, в древности Палакион. Из книги О. Шишкиной. 1845 г.

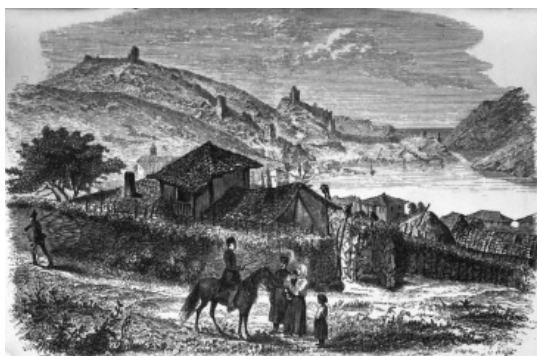

Ж. Мивилль. Балаклава. 1818 г.

минает в своем дневнике и Карл Качковский: «сейчас нахожусь в городке Балаклава, что в древности называлось Чембало» [424, с. 90]. Описание местности путешественник не оставил, отметив лишь, что на вершине соседней горы находились генуэзские развалины.

Как всегда, подробно и дотошно исследовал Балаклаву Эдмунд Хоецкий. На три страницы растянулся обзор истории городка: от скифского поселения Палакион до османского поселка, а главное внимание Э. Хоецкий уделил борьбе за Балаклаву в XV веке между генуэзскими войсками и отрядами княжества Феодоро. Наконец, вояжер представил и современную ему картину города: «Сегодня город, пережив такие события, рассыпался маленькими домиками около стоп разрушенной крепости, снова тихий и спокойный» [432, с. 61–63]. Занятно, что описание прошлого Балаклавы и все ошибки относительно его польский вояжер позаимствовал из труда Петра Кеппена «Крымский сборник»: и отождествление Балаклавы с Палакионом II века до н. э. [551, с. 211], и происхождение названия городка от имени скифского царя Палака [551, с. 212]. Отдельные же ошибки, например о 40 башнях

О. Раффе. Вид Балаклавы. 1841 г.

крепости [432, с. 62], Эдмунд Хоецкий допустил сам, неправильно прочитав текст труда П. Кеппена. В защиту вояжера можно сказать, что подобные несуразицы были широко распространены и среди профессиональных историков того времени.

Антоний Марчинковский Балаклаву не посетил, зато Елена Скирмунт, хотя прожила в Балаклаве несколько лет, ограничилась лишь несколькими строками в частном письме: «Что же могу сказать тебе о нашем здесь пребывании? Нельзя жить более выгодно с точки зрения спокойствия, тишины, сосредоточенности, работы <...>. Вид – на залив с весьма пригожим линиями и горизонтом, на маленькие домики небольшой долины, на блестящий клин моря» [439, с. 300–301]. Эдвард Павлович лишь проехал мимо Балаклавы, заметив, что ее памятники составляют «словно карту эпохальной истории, теперь доступны всему миру» [434, с. 23].

Не видела города и Анна Воланьская-Дзедушицкая, а вот Адам Сераковский смог туда добраться: «Оттуда для отдыха выехал татарской телегой к отдаленной на 12 верст Балаклаве, пересекая в узком месте мыс Херсонес. Неизмеримо печальная дорога посреди скал, едва покрытых землей; растительности мало, но зато повсюду еще видны не до конца засыпанные окопы французские и английские. Вблизи Балаклавы видны одиночные фермы, немного ржи в снопах, а за каменной оградой – виноградные и табачные поля. Балаклава лежит в несказанно живописной и скалистой долине, в которой вместо реки – глубокий морской залив. В том заливе, давнем прибежище диких лестригонов, роскошно искупался при +18 R воды, наелся непривычно сладкого винограда и поднялся по вырубленной в скале тропе под самые стены древней генуэзской крепости XVI века, от которой сейчас только две башни остались. Вид отсюда чудесный – на открытое море и на залив» [428, с. 10].

Инкерман. Этот городок не был слишком популярным у польских путешественников – за почти полтора века записи о нем сделали лишь четыре вояжера: Эдмунд Хоецкий, Антоний Марчинковский, Елена Скирмунт и Адам Сераковский. Первый

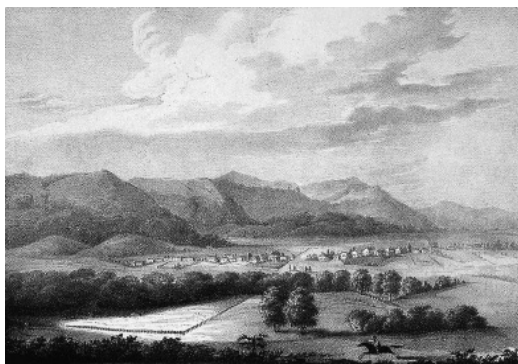
К. Боссоли. Остатки генуэзских укреплений в Инкермане. 1856 г.

О. Раффе. Инкерманские копи
в Крыму. 1837 г.

составил самый основательный обзор истории города и допустил больше всего ошибок. Так, Э. Хоецкий утверждал, что «Инкерман, или подземная крепость, [это] бывшее Теодоро» [432, с. 101], а затем в придачу к «Готскому» княжеству с центром в Мангупе, «изобрел» еще «Теодорское» княжество в Инкермане. Основателем же города путешественник считал понтийского полководца Диофанта.

Значительное внимание Эдмунд Хоецкий уделил описанию гранитных скал и церквей в окрестных скалах, а также судьбе их создателей [432, с. 102–104]. Антоний Марчинковский был значительно более сдержан в описании Инкермана, однако тоже не избежал ошибки своего предшественника, отождествляя Инкерман с Феодоро (Мангуп-Кале): «Тут недалеко лежит Инкерман. Так турки прозвали Теодоро, откуда был призван на трон цареградский Константин Палеолог» [433, с. 52]. Скорее всего, «вдохновителем» ошибок обоих путешественников был уже упомянутый Петр Кеппен, позаимствовавший ложные сведения для своего «Крымского сборника» [551, с. 237] у Иоганна Тунманна.

В. Пассек. Вид Байдарской долины в Крыму. 1836 г.

Елена Скирумунт рассказывала в письме, что «ровно в миле отсюда, несомненно, в Инкермане, была когда-то высеченная в скале келья (сегодня церквушка) святого папы римского Клеменса, который был замучен во втором веке в этих местностях» [439, с. 301]. Следует заметить, что вопрос о ме-

сте пребывания римского экзарха в Крыму относится сегодня к дискуссионным. Наконец, Адам Сераковский обратил внимание на Инкерман прежде всего как на место «где произошла кровавая битва крымской кампании, когда пало с обеих сторон 25 тысяч человек» [428, с. 13].

О. Раффе. Татарская кофейня в Байдарках. 1837 г.

Обратил вояжер внимание на источник, происхождение которого также связывают с папой Климентом.

Байдары. Эта населенная небольшим числом жителей местность пользовалась необычайной популярностью у польских вояжеров. Сонет Х Адама Мицкевича носит название «Байдарская долина», а сам поэт объясняет, что это «Прекрасная долина, через которую обычно въезжают на Южный берег Крыма» [513, с. 194]. Еще в 1825 году о ней так писал Карл Качковский: «В восьми верстах лежит очень известная Байдарская долина» [424, с. 92]. В восторге от нее был и Эдмунд Хоецкий: «Прошли прекрасную Байдарскую долину, вызывающую нашествие французских возгласов из уст черноволосых путешественниц, которые ее посещают» [432, с. 58]. Проехал по долине, показавшейся ему пустой, и Антоний Марчинковский [433, с. 130].

Эдвард Павлович прибыл в Байдары «для обозрения восхода солнца, славного своей оригинальностью зрелища. То, что видел там прекрасного, переворачивает меру всего, что встречал в Крыму». Описав игру света и тени на окружающих скалах, достойную, по его мнению, кистей импрессионистов, путешественник добавляет: «Для одного только зрелища, имя которому «Байдарские ворота», стоит совершить путешествие в Крым» [434, с. 23].

Анна Воланьская-Дзедушицкая, отправляясь из Ялты в Севастополь, уверяла, что «стремилась непременно ехать телегой, чтобы проехать известными Байдарскими воротами» [435, с. 38].

Адам Сераковский так увлекся этой местностью, что посвятил ей два письма. «Ночую здесь, на почтовой станции, чтобы увидеть восход солнца у Байдарских ворот» [428, с. 16]. «Только в пять часов выезжаем в знаменитую долину Байдарскую <...>. Долина широкая, богатая виноградом и хлебом; в лесах там впервые встретил гигантские буки <...>. Как воротами проехать, открывается неожиданно вид на открытое море, а налево и направо – на дикие скалы, растянутые и голые <...>. Вид с Байдарских ворот прекрасен», – завершает вояжер [428, с. 23–24].

Южный берег Крыма

Ялта. Густав Олизар, несмотря на то что прожил год в Крыму, о Ялте не вспоминал. Не посетили ее и Адам Мицкевич с Генриком Жевуским. Карл Качковский миновал город в спешке: «Поздно вечером проезжали через прекрасную Ялту, в стороне от которой лежит Аутка, основанная греками» [424, с. 97]. Ялта стала первым городом Крыма, увиденным Эдмундом Хоецким. «Перед нашими глазами рассыпался маленький городок Ялта, разнообразные домики, как цыплята под крыла мамы, жмутся к окружающим их гигантским гранитным скалам <...>. Атмосфера города начинает переходить в более восточный оттенок; это первый, так сказать, пункт, где этот первенец процирируется сквозь европейскую цивилизацию» [432, с. 30–31]. Еще на пяти страницах

К. Боссоли. Вид Ялты. 1856 г.

путешественник рассказывает историю города, тесно переплетая ее с легендами и преданиями [432, с. 31–35], отчасти подтвержденными [550, с. 536], и завершает: «Весь поселок вновь стал тихим и спокойным, будто его недавно основали, словно вдрут с руинами, которые исчезли с лица

Ф. Гросс. Ялта. 1846 г.

земли, умерла и память прошедших событий славы и несчастья» [432, с. 35]. Что характерно, в первой половине XIX века в Ялте, по сообщению Карла Монтандона, «не найдешь гостиницу» [552, с. 41], поэтому неудивительно, что Э. Хоецкий останавливался на ночлег в доме отца своего проводника Мехмеда [432, с. 36].

Небольшое описание Ялты оставил Антоний Марчинковский: «Ялта – малый городок уездный, имеет только две улицы, и не знаю, насчитывает ли 20 домов, но каждый дом двухэтажный, с семью, а дом исправника даже с 15 окнами в одну линию <...>; перед окнами домов пирамидальные кипарисы и цветущие розы придают месту вполне выразительный характер» [433, с. 72]. Польский путешественник оказался довольно точным в своем подсчете – в 1837 году в городе было 30 дворов [550, с. 537], а через 15 лет после его путешествия насчитывалось всего 53 дома [162, с. 94].

Эдвард Павлович был более снисходительным к городу: «Ялта, в которой, как уже говорил выше, я поселился, принадлежит, без сомнений, к местности, благоприятнейшей для быта, как из-за лечебных свойств, так и из-за положения и природы <...>. Город же, что находится над прекрасным заливом, закрыт с востока мысом Св. Яна с только построенной пристанью, с севера и запада – горами, покрытыми сосновым и буковым лесами <...>. Отели, магазины, кафе, дороги, фиакры, корабли для прогулок, купальни, сады, ближние и дальние парки – так все содержится, что эlegantность их может удовлетворить самые сложные требования» [434, с. 17–18]. Путешественнику пришлось по вкусу также и городские отели.

В восторге от курортной столицы осталась Анна Воланьская-Дзедушицкая: «Вдруг наблюдаю перед собой тысячи огней, амфитеатром разложенных над зеркальным дивным заливом <...> – это Ялта!» [435, с. 45]. Немало места путешественница уделила описанию окружающих гор и прилегающего к городу побережья. Впрочем, главное внимание Анны Воланьской-Дзедушицкой привлекла городская жизнь. Путешественница подробно описала движение по главным улицам Ялты телег и фаэтонов, кавалькады татар и русских, отметила, что «в магазинах также настоящий Восток». Немало места в воспоминаниях уделено убранству пубрики, ассортименту магазинов, тогдашней моде, отделке гостиниц, в частности «Hotel de Russie» и «Hotel Central». В целом же, по мнению путешественницы, «жизнь здесь есть дорога, в два раза дороже, чем, например, в Ницце» [435, с. 47]. Вообще дороговизна ялтинского гостеприимства стала общим местом путевых записок еще с 40-х годов XIX века [162, с. 36]. Так, А. Кошляков замечает, что вояжеры, останавливавшиеся в ялтинских гостиницах, зачастую оказывались «в роли мух, попавшихся в паутину жадного паука» [553, с. 21].

Характерно, что Адам Сераковский также не разделял понятий «Ялта» и «отель». Остановился он в «Hotel de Russie», а писал о Ялте так: «Ялта является милейшей, а отель мой – отборным. Имею номер на третьем этаже с видом на море, которое в дни спокойные является попросту хрустальным! Магазины здесь элегантны, купальные отборны, а фруктов нигде, наверное, на свете таких вкусных нет!» [428, с. 31]. Особенно вояжер подчеркнул отсутствие на улицах нищих.

К. Боссоли. Алушта. 1856 г.

Алушта. Алуште посвящены два сонета Адама Мицкевича (XI – «Алушта днем», и XII – «Алушта ночью»). К первому из них имеется авторский комментарий: «Одно из восхитительнейших мест Крыма; туда северные ветры никогда не дохо-

дят, и путешественник часто в ноябре должен искать прохлады под тенью огромных грецких орехов, еще зеленых» [513, с. 194]. Карл Качковский отметил, что «Алушта лежит на обширной возвышенности. В древности здесь было греческое поселение. Теперь на

В. Орловский. В Алуште. 1870 г.

руинах крепости и ее башнях прицепились татарские халупки» [424, с. 99]. Чрезвычайно интересно, что некоторые современные описания города созвучны словам польского вояжера, например: «...здесь насчитывалось около 40 жилищ, построенных из остатков крепостной стены и лепившихся на крутых склонах холма вокруг развалин средневековой крепости» [550, с. 165]. Увлечен городом и Эдмунд Хоецкий: «Так доезжаем до Алушты, городка, расположенного в волшебном месте на берегу моря» [432, с. 235]. Антоний Марчинковский аннотировал XI раздел своих воспоминаний названиями сонетов А. Мицкевича: «Алушта днем» и «Алушта ночью» [433, с. 235]. Однако сам город вызвал у него недовольство: «Алушта днем грязная, как наиболее заброшенное наше еврейское местечко; даже самые генуэзские древности выглядят достаточно свежими возле тех будто новых татарских домиков» [433, с. 244]. И, подобно Адаму Мицкевичу, Антоний Марчинковский залюбовался «гигантскими деревьями орехов грецких» [433, с. 245]. Из путешественников эпохи реализма только Адам Сераковский не обошел Алушту своим вниманием, причем сделал это именно из реалистических соображений: «Между тем, чтобы немного сэкономить денег, выбрался на три дня в архидешевую Алушту, где предстоит посетить замечательный монастырь Косьмы и Дамиана» [428, с. 42]. В общем, по мнению вояжера, Алушта – это «большое татарское село с башней времен Юстиниана I посередине, с большими и малыми дачами вокруг и великолепной мечтью» [428, с. 46].

К. Рабус. Гурзуф. 1822 г.

Гурзуф. Когда в Крым прибыл Густав Олизар, Южный берег был настоящей пустыней, и именно в Гурзуфе был единственный подходящий для жизни дом – имение графа Михаила Воронцова [422, с. 106]. Карл Качковский вспоминает, что «Гурзуф – селение графа Воронцова. Здание губернатора превосходное, селение прелестное» [424, с. 98]. Проезжал через Гурзуф и Эдмунд Хоецкий: «Видим над самым берегом моря деревню Юрзуф. При въезде в село налево видны большие обломки скал, до половины входящие в море, на которых высятся остатки древней крепости» [432, с. 241].

Видел поселение и Антоний Марчинковский: «Проехали древний Юрсуф, издалека бросив взгляд на фортификации Юстиниана; здесь бывший дом кн. Ришелье (сегодня – собственность п. Фундуклея)» [433, с. 247]. В 1834 году имение в Гурзуфе было продано М. Воронцовым сенатору Ивану Фундуклею [550, с. 556]. В воспоминаниях Эдварда Павловича [434, с. 19] встречается современная форма написания – «Гурзуф» в отличие от более раннего «Юрсуф».

Анна Воланьская-Дзедушицкая писала, что «Гурзуф, живописное

Ф. Гросс. Кучук-Ламбат. 1830-е гг.

поселение татарское, обращено к морю, содержит ценные дары Востока: табак, вино вместе с заведением купально-климатическим с прекрасным садом и гостиницами. Последний, заложенный миллионером, фабрикантом Губониным, сегодня собственность акционер-

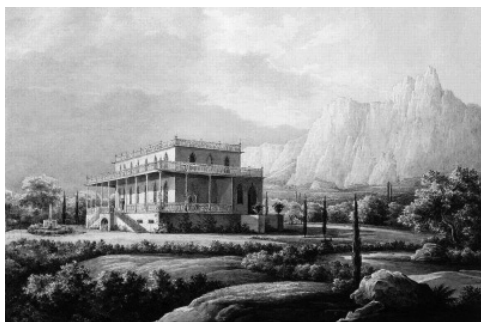
ного общества, соперничает с Ялтой, поскольку климат для больных здесь значительно лучше» [435, с. 61]. Покупка Петром Губониным имения И. Фундуклея относится к 1881 году [550, с. 567].

Произвел впечатление Гурзуф и на Адама Сераковского: «В Гурзуфе, известном после Ялты курорте в Крыму, посетил расположенный в прекрасном парке дом генерала Раевского, у которого в 1820 г. находился Пушкин, он посадил кипарис собственноручно, а сегодня это уже вполне почтенное дерево» [428, с. 34]. В конечном итоге к началу XX века Гурзуф был наиболее благоустроенным курортом на Южном берегу Крыма [550, с. 567].

Имена побережья.

Имена и владения, принадлежавшие крымским аристократам, составляли неотъемлемую часть маршрута путешествий польских вояжеров по Южному берегу – большинство из них находили в поместьях ночлег или возможность передышки днем. Поскольку нет возможности привести все характеристики, которые давали местным виллам вояжеры, ограничимся указаниями на те, которые пользовались наибольшей популярностью.

Густав Олизар вспомнил Кучук-Ламбат – имение тогдашнего Таврического губернатора Андрея Бороздина и, разумеется, собственное имение Кардиатрикон в Артеке [422, с. 106].

Н. Чернецов. Вид дома А. Л. Нарышкина в Мисхоре. 1830-е гг.

К. Кюгельхен. Вид Мухалатки. 1824 г.

Н. Чернецов. Деревня Каралез. 1835 г.

Карл Качковский посетил и/или проехал, не оставив описания, хутора Николая Мордвинова, Феодосия Ревелиотти, Карла Потье – все вблизи бухты Ласпи [424, с. 92]; Кикенеиз, не имевший собственника (ныне поселок Оползневое) [424, с. 95]; Симеиз Ф. Ревелиотти и Алупку М. С. Воронцова, где еще не был построен знаменитый дворец [424, с. 96]; Мисхор Лео Потоцкого, Кореиз Анны Голицыной, Ореанду Александра Безбородко [424, с. 97], Массандру уже упомянутого Лео Потоцкого, Никиту Христиана Стевена и Кардиатрикон Густава Олизара [424, с. 98] и, наконец, Кучук-Ламбат Андрея Бороздина [424, с. 99].

Эдмунд Хоецкий упомянул и описал Ореанду [432, с. 54], Мисхор с Алупкой [432, с. 55] и Артек, уже проданный Густавом Олизаром [432, с. 241].

Антоний Марчинковский оставил описания Ливадии [433, с. 79], Ореанды [433, с. 85], Гаспры и Кореиза [433 с. 93], Мисхора [433, с. 95] и Алупки [433, с. 99], а также Кучук-Ламбата [433, с. 246], Ай-Даниля и Артека [433, с. 247], Никиты уже с ее роскошным ботаническим садом [433, с. 248] и Массандры [433, с. 249].

Эдвард Павлович ограничился описанием Ливадии [434, с. 17], Массандры [434, с. 19], а также упоминаниями об Алупке с Ореандой [34, с. 19] и Кореизе [34, с. 22].

Анна Воланьская-Дзедушицкая на пути в Ялту проехала Кикенеиз, Симеиз, Кореиз, Кастрополь, Ай-Тодор, Гаспру, Алупку, Ореанду и Ливадию [435, с. 44], отдельно посетила Массандру [435, с. 49], а также более детально уже упомянутые Ливадию, Ореанду, Алупку, Гаспру, Кореиз и Мисхор [435, с. 49–53]. Адам Сераковский, проживая в Ялте, смог посетить Алупку [428, с. 25], Ореанду [428, с. 28] и Массандру [428, с. 32].

Чатыр-Даг и Аю-Даг.

Кроме населенных пунктов и памятников старины, у польских вояжеров большой популярностью пользовались крымские природные достопримечательности, прежде всего горы Чатыр-Даг и Аю-Даг. Впрочем, это неудивительно, если вспомнить, что еще Павел Сумароков безапелляционно заявил: «Быть в Крыму и не сделать посещения Чатырдагу есть дело предосудительного равнодушия!» [547, ч. 2, с. 52].

Неизвестный художник. Чатыр-Даг.
Из книги Л. Олифанта. 1852 г.

Карл Качковский об Аю-Даг говорит лишь, что «гора Аюдах поднимается высоко» [424, с. 98], зато подробно описывает свое восхождение на Чатыр-Даг. «Едва ли день забрезжил рассветом, как мы уже были в пути. Четырдах – так называется самая высокая гора в Крыму – по форме напоминает палатку (четырдах по-русски – палат-гора) и состоит из осадочных пород. Поэтому в некоторых местах езда на лошадях очень неприятна из-за шероховатых и голых известняковых скал. Мы должны подняться на 4000 футов над уровнем моря. Восемь часов взбирались мы на вершину Четырдаха. Оттуда виден весь Крым» [424, с. 101]. Заметим, что многие вояжеры ошибочно считали Чатыр-Даг самой высокой горой Крыма [162, с. 23].

Не обошел своим вниманием Крымские горы и Адам Мицкевич – им посвящены два сонета

Н. Чернецов. Вид на Аю-Даг в Крыму
со стороны моря. 1836 г.

К. Боссолли. Бахчисарай. 1856 г.

(XIII – «Чатыр-Даг» и XVIII – «Аю-Даг»). В комментарии к V сонету – «Вид гор из степей Козлова» – поэт ошибочно отметил: «Чатыр-Даг – самая высокая вершина в цепи Крымских гор на Южном берегу; она открывается взору издалека, верст за 200, с разных сторон в виде

исполинского облака синеватого цвета» [513, с. 191]. Кроме того, в письме к Иоахиму Лелевелю, написанному в 1827 году, А. Мицкевич вспоминал, как «попирал облака на Чатыр-Даге» [426, с. 392]. Позднейшие вояжеры будут подниматься в горы по следам поэта.

Немало страниц посвящено Чатыр-Дагу в воспоминаниях Эдмунда Хоецкого. Описаны в книге геологическое строение, математическая форма горы, растительность, погодные условия [432, с. 217–222, 231–233], легенды, связанные с Чатыр-Дагом [432, с. 223–231]. «Оттуда раз взглянем на Чатыр-Даг, развалившийся в молчании, с головой, перевязанной тюрбаном из облаков, с нарядным ковром из буковых и дубовых деревьев» [432, с. 233]. Упомянут Э. Хоецким и Аю-Даг. «Иза резкого наклона подъем на гору чрезвычайно сложен. Забравшимся на верхушку, окутанную облаками, с одной стороны открывается вид на весь Южный берег Крыма, одетый в скалы, горы, леса, руины древних крепостей и современные летние дворцы» [433, с. 238].

Антоний Марчинковский видел Аю-Даг на пути в Ялту, однако на вершину не поднимался. «Это Аю-Даг, или Медведь-гора! Ага, над зеленью лесов спустилась полоса снежных туч, а над ней торчит седой гранит, в его расщелинах тоже белое облако, что ли? Нет, это снег, это белый тюрбан Аю-Дага» [433, с. 69]. А вот Чатыр-Дагу путешественник отвел восемь страниц – описал планирование подъема на вершину, трудности на пути, вид с вершины: «С верхушки этой горы увидел целую долину крымскую, хребет яйлы, тянувшийся по берегу моря, наконец, и само море» [433, с. 239]. Как и Карл Качковский, А. Марчинковский преодолевал трудности на собственном коне [433, с. 237].

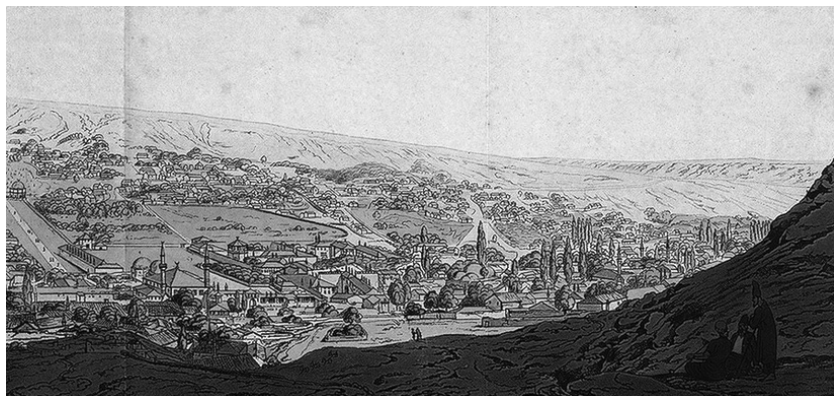
Пещеры Чатыр-Дага подробно описала Елена Скирмунт [429, № 203, с. 243], а вот Эдвард Павлович не нашел времени посетить горные вершины. Анна Воланьская-Дзедушицкая Чатыр-Даг не упоминала, а про Аю-Даг записала: «...гигантская скала, до половины выдвинутая в море, кажется, подавляет нас своей величиной – это известный Аю-Даг, вершина которого озарена еще лучами исчезающего солнца, когда уже подножие вместе с морем начинают тонуть в серости сумерек» [435, с. 61].

Наконец, Адам Сераковский «не смог удержаться, чтобы не поехать верхом на вершину прекрасного Аю-Дага, на «скалу которого опиравшийся» Мицкевич написал свой лучший крымский сонет. Чудная это была поездка <...>. С вершины Аю-Дага видел длинную полосу Южного берега Крыма до мыса Чабан-Башты за Судак» [428, с. 34–35]. Подобно другим польским путешественникам А. Сераковский акцентировал внимание на особенностях верховой езды по горам и прекрасных горных лесах Крыма.

Центральный Крым

Бахчисарай. Здесь речь пойдет только о городе Бахчисарае, впечатления же от ханского дворца будут рассматриваться ниже.

У Адама Мицкевича непосредственно городу посвящены два сонета (VI – «Бахчисарай» и VII – «Бахчисарай ночью»). К первому

К. Гейслер. Вид Бахчисарая. 1793–1794 гг.

О. Раффе. Главная улица в Бахчисарае. 1837 г.

из них поэт добавил комментарий: «В долине, окруженной со всех сторон горами, лежит город Бахчисарай, некогда столица Гиреев, ханов крымских» [513, с. 191].

Карл Качковский спешно миновал город, не оставив ни строчки его описания: «Собрав свои вещи, мы оставили Бахчисарай и дви-

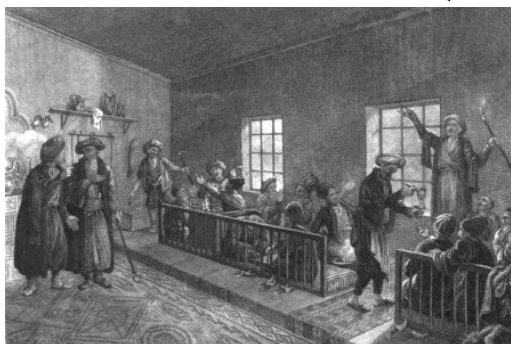
нулись дальше, но уже повозкой» [424, с. 108].

Эдмунд Хоецкий городом был поражен: «Издали блещут полумесяцы мечетей и выстреливают в воздух стройные башни минаретов. Столица Крыма, как каждый восточный город, на определенном расстоянии выглядит как клумба тюльпанов» [432, с. 119]. Предположив, что Бахчисарай основан на месте древнего Палакиона Страбона, путешественник продолжает описание: «Улицы этого города тесные и заполнены с обеих сторон выставленным товаром, где татары продают плоды или, поджав под себя ноги, работают над разнообразными ручными изделиями. Внешность Бахчисарая полностью восточная; посреди повозок, запряженных двумя верблюдами, прохаживаются почтенные седобородые старцы в белых тюрбанах и полностью в турецком наряде. Это привилегия тех, кто совершил паломничество в Мекку» [432, с. 120].

Зато Антоний Марчинковский был полностью разочарован: «Въехали в Бахчисарай неожиданно: не выстреливали здесь ни золотые башни, ни минареты с полумесяцем пророка. Показались впереди только какие-то казенные склады, здесь сновали несколько солдат и прохаживался офицер; домики, рогатки на поле, потом обросшая ивами мельница, но все это как-то отдельно, словно в ссоре. Это город правительственный, едва несколько домов, там почта; дилижанс херсонский тянулся к ней и звонил лениво колокольчиком на дышле. Въехали наконец в татарский город; город построен в одну улицу под известковой горой, в целом некрасив, выглядит как глинище какое. Домики татарские маленькие, на 3 или 4 окна; плоские крыши из красной черепицы, во-

круг крыльцо или навес на столбах, здесь опять же навес или магазинчики, где продаются тапки, бурки, шапки татарские, ремни, плети, стилеты, фуражки <...>. Улица узкая, болотистая <...>. И столица ханов насчитывает 20 000 татар, хотя, на мой взгляд, не выглядит на то число» [433,

П. Свинын. Татарская кофейня в Бахчисарае. 1824 г.

с. 163–164]. Рассказал путешественник и о происхождении названия Бахчисарай, и об основании его Менгли-Гераем, и о сожжении российскими войсками, а потом с сожалением заключает: «Признаться, я имел совершенно иное представление о Бахчисарае, об этом «дворце садов» [433, с. 164].

Анна Волянская-Дзедушицкая приехала в город с большим интересом: «Была неизмеримо интересно увидеть наконец татарский город и Восток вообще, которого в целом не знаю» [435, с. 25]. Она наняла татарскую повозку для осмотра города: «Через минуту въезжаем на главную и единственную улицу Бахчисарая, неизмеримо длинную, с двумя рядами низких домов, полностью открытых снизу, а в них мастерские кузнецов, шорников <...>.

Далее, в таких же домах базары, т. е. открытые товары, переполненные изделиями из меди и железа, с оружием, диванами, вышитыми чадрами, туфлями <...> и каждые несколько шагов грязные задымленные кофейни, где богатые жители столицы – с минами, по меньшей мере,

О. Раффе. Татарский хлебник в Бахчисарае. 1837 г.

Э. Нейлсон. Симферополь с восточной стороны. 1855 г.

пашей – монументально пускают дым из чубуков, попивая густой турецкий кофе» [435, с. 26]. Путешественница, подытожив впечатления, пишет, что «такие виды больше учат о Востоке, чем длинные академические исследования» [435, с. 27].

Несколько похожим оказалось описание города у Адама Сераковского: «Бахчисарай – это единственная длинная улица татарских домов, с маленькими уличными магазинчиками, и несколько мечетей. Содержимое продаваемого – это плоды или шлепанцы, которых тебе здесь пару купил, и немного татарских полотенец, много вышитых» [428, с. 14]. Прибыв в Крым в следующем году, А. Сераковский вновь посетил Бахчисарай, однако на этот раз описывать город не стал. В целом польским путешественникам удалось точно передать исключительный восточный колорит города и отметить большое число кофеен, но цифры народонаселения кажутся преувеличенными – на самом деле в середине XIX века в Бахчисарае проживало немногим более 14 тысяч человек [162, с. 26].

Симферополь. Официальная столица Крыма не вызвала восторга ни у одного из польских путешественников. Густав Олизар ограничился упоминанием, что «в губернском городе Симферополе, куда я время от времени ездил за провизией, я находил кое-какое

для себя общество, но тем не менее приходилось нередко по целым неделям оставаться одному» [422, с. 108].

Адам Мицкевич прибыл в Симферополь 17(29) июля 1825 года, однако ни в письмах, ни в «Крымских сонетах» не вспомнил горо-

К. Боссоли. Симферополь. 1856 г.

да. Карл Качковский Симферополь видел только из окна своей телеги: «Мажарой проехали мы до Акмечети, оттуда – до Козлова» [424, с. 108].

Эдмунд Хоецкий дал городу нелестную характеристику, как прежде – Севастополю: «Скоро появляется Симферополь, город только правительственный, расположенный на плоскости, наименее интересной в целом Крыму, прямые улицы, вытянутые в линию, белые дома и все в одном стиле поставлены» [432, с. 214]. Такое же мнение высказал в 1840 году безымянный офицер-вожжер, написавший: «Что вам сказать о Симферополе? Во-первых, он не красив, а во-вторых, здесь мало пахнет Русью: татары, безвкусице и неопрятность» [554]. Впрочем, польский путешественник замечает, что история города уходит в глубь времен, и на нескольких страницах пересказывает историю полевых исследований прошлого Симферополя. В частности, Э. Хоецкий упоминает раскопки 1827 года под руководством И. П. Бларамберга, тогдашнего директора Керченского музея древностей, крепости Неаполь Скифский, в ходе которых были найдены барельефы с изображением царя Сцилура, и раскопки 1834 года под руководством Ф. Дюбуа, когда были найдены могилы воинов с египетской символикой на амуниции [432, с. 214–217].

Следует отметить, что никто другой из польских путешественников второй половины XIX – начала XX века не только не оставил описания города, но и не побывал в Симферополе лично.

Белогорск (Карасубазар). Единственным из польских путешественников, кто оставил нам описание Карасубазара (ныне – Белогорск), был Эдмунд Хоецкий. «За шесть миль от Симферополя встречаем наиболее заселенный город на весь полуостров, Карасу-Базар, насчитывающий до 15 000 населения, 700 домов, 32 мечети, один католический костел, один армянский, 2 греческие церкви и синагогу. Кроме того, через каждые несколько до-

К. Боссолли. Общий вид Карасубазара. 1856 г.

мов можно увидеть кофейню или караван-сарай. Среди этих последних наибольшим является Таш-Хан, построенный в виде квадрата в 1655 году визирем татарского хана Сеффер-Гази-Аче. Там находится главный склад татарских изделий для людей и лошадей. Город лежит в долине между двумя реками – Карасу и Тунас» [432, с. 252–253]. Также вояжер описал местность вокруг города, привел краткую историческую справку [432, с. 253] и подробно пересказал местную легенду о происхождении окружающих источников [432, с. 254–266]. Кстати, в упомянутом Э. Хоецким караван-сарае можно было остановиться и заночевать еще и в описываемое время [162, с. 39], а своей славе ремесленного центра город был обязан все еще действовавшим 974 лавкам, 7 кожевенным, 15 свечным и мыловаренным, 8 сафьяновым заводам, а также 50 винным погребам [550, с. 212].

Восточный Крым

Судак. Первым и единственным польским вояжером в Судаке был Эдмунд Хоецкий, однако и он видел город издалека. «Долина, в которой лежит город Судак, тянется на три версты вдоль и две вширь <...>. Кое-где среди той розово-белой массы цветов выстреливают зеленью стройные тополя и краснеют крыши городских застроек <...>. На отвесной скале, нависающей над морем, виднеются руины древней крепости и кусок стены с несколькими башнями; поломанные барельефы и подземелья – вот все, что осталось после славной некогда Солдайи» [432, с. 268]. Однако история города не осталась без внимания вояжера. Эдмунд Хоецкий пересказал события, связанные с Судаком [432, с. 269], привел сведения о городе, встречавшиеся в трудах древних путешественников [432, с. 270], и создал список судакских епископов: одиннадцати греческих и одного лагинского [432, с. 271]. Кстати, Судак был одним из первых городов в Крыму, где стало появляться новое население, привлеченное живо-

К. Боссоли. Остатки большой генуэзской крепости в Судаке. 1856 г.

писной местностью и руинами генуэзской крепости [162, с. 39]. Впрочем, неудивительным будет отсутствие интереса к Судаку у современников, если вспомнить, что все население городка составляло чуть более 370 человек [550, с. 507].

Старый Крым (Эски-Крым). Подобно Белогорску и Судаку, Эски-Крым (современный Старый Крым) удостоился посещения

Л. Премацци. Южный базар. 1861 г.

лишь одного польского путешественника – Эдмунда Хоецкого.

«Направо от Судака, продвигаясь в глубь края, наталкиваемся на город Эски-Крым, или Старый Крым. Это несчастное сегодня поселение, заваленное руинами бывшего величия, когда благодаря своим богатствам и могуществу называлось Крым-Стамбул, т. е. крымский Константинополь. Среди руин еще можно видеть остатки древних мечетей, которые турки обычно ставили перед взятием Константинополя <...>. Когда промыслы цвели, торговля шла бойко, и Эски-Крым сиял роскошью, жители, гордые своим богатством, строили прекрасные мечети и бани, сегодня сооружения рассыпались в руины и лишь несколько десятков нуждающихся евреев и татар снуют по развалинам древней столицы» [432, с. 272–273]. Население первой столицы Крымского ханства на момент посещения ее вояжером составляло менее тысячи человек [550, с. 311]. Приводит путешественник и исторический очерк, причем в виде хронологического списка насчитывает 17 дат от XIII до XIX века. Называя Старый Крым «крымским Константинополем», Э. Хоецкий, скорее всего, ошибался, так как более распространенным было сравнение Стамбула с Кафрой [162, с. 39].

Феодосия. Согласно Эдмунду Хоецкому, «над самым берегом моря вдоль пристани тянется Феодосия, или древняя Кафа <...>. Улицы города прямые и довольно чисто застроены, среди утлой и неуклюжей современной архитектуры пробивается кое-где столб с капителью в дорийском стиле, светит полуразрушенной аркадой, еще легкой и

О. Раффе. Древняя мечеть, превращенная в православную церковь в Феодосии. 1837 г.

прекрасной в своей руине, остатками показывает вырождение вкуса следующих поколений (интересно сравнить с высказыванием Александра Грибоедова о Феодосии: «чудная смесь вековых стен прежней Кафы и наших однодневных мазанок» [550, с. 484]). Когда-то весь город со стороны суши был отгорожен стеной, двадцать лет назад еще были видны следы, сегодня она все больше уходит в землю, а грозная башня, на которую когда-то со страхом смотрел окружающий люд, сегодня покрывает буйная трава и на ней свободно пасутся козы» [432, с. 276–277].

Путеводитель К. Монтандона сообщает о том же: «...широкие и прочные крепостные стены, построенные из тесаного камня генуэзцами, а также башни и батареи, защищавшие город, очень повреждены; во многих местах они вовсе исчезли, и из всех древних памятников... осталась одна только башня» [552, с. 95]. Польский вояжер дает также краткий очерк истории города [432, с. 277–280].

Адам Сераковский посетил города морским путем – возвращаясь на пароходе из Керчи, «задержался по дороге на четыре часа в Феодосии,

В. Руссен. Армянская церковь на горе Карадаг возле Феодосии. 1843–1849 гг.

где кроме двух очень старых и интересных костелов армянских, обряда григорианского, и одного новейшего, обряда католического, посетил очень интересную художественную галерею, которую Айвазовский, армянин тамошний, посмертно своему родному городу подарил. Там 42 разной стоимости полотна Айвазовского, и есть не один ше-

девр» [428, с. 54]. Никаких других местных достопримечательностей путешественник не посетил.

Керчь. О Керчи Эдмунд Хоецкий пишет, что «город состоит только из новых домов, является одним из крупнейших на всем полуострове и составляет главный перевозочный пункт между Кавказом и Россией» [432, с. 281]. В историческом очерке подлинные

П. Свинын. Керчь. 1824 г.

события, вроде борьбы Боспорского царства с Херсонесом, перемешаны с обзором мифической истории аргонавтов и амазонок, а также размышлениями об эмансипации и феминизации современных путешественнику женщин, в частности Жорж Санд [432, с. 284].

Адам Сераковский увидел город с моря: «Налево крупный залив, а в ее глубине город без деревьев и зелени, город рудников и славного прошлого, Керчь <...>. Одни только Сиракузы производят впечатление более, скажу «загробное», чем Керчь» [428, с. 50]. Также путешественник «посетил еще в городе старинную церковь Яна Крестителя с XIII века» [428, с. 54].

Как заметил Андрей Мальгин, «Керчь так и не стала более или менее заметным туристическим центром, хотя по количеству памятников и замечательных мест могла поспорить с любым другим городом Крыма... и осталась, по существу, всего лишь перевалочным пунктом с плохо развитой инфраструктурой» [162, с. 41].

Таким образом, как мы видим, на территории Крымского полуострова не осталось ни одного более-менее значительного города или даже поселения, которое бы не посетили, хотя бы по одному разу, польские путешественники, и не оставили, пусть краткое, описание текущего состояния местности.

ГЛАВА 10

Памятники культуры и архитектуры

Путешественник видит то, что он видит, турист видит то, что он приехал увидеть.

Гилберт Честертон

Если история Крыма интересовала немногих путешественников, а города являлись более или менее «неизбежными» вехами на пути польских вояжеров, то памятники культуры и архитектуры зачастую представляли собой конечную станцию их маршрутов, цель всего путешествия. Именно поэтому мы так много внимания уделяем впечатлениям поляков, впервые в жизни видевших знаменитые ныне на весь мир крымские достопримечательности.

Ф. Гросс. Ханский дворец в Бахчисарае. 1830-е гг.

Бахчисарайский дворец

Среди крымских памятников комплекс, состоящий из Бахчисарайского дворца, окружающих садов и ханского кладбища, занимает первое место по популярности среди польских вояжеров.

В «Крымских сонетах» Адама Мицкевича Бахчи-

сарайскому комплексу посвящены четыре сонета, с VI по XI: «Бахчисарай», «Бахчисарай ночью», «Гробница Поточкой» и «Могилы гарема». В примечаниях к третьему из этих сонетов автор повторяет древнюю легенду, будто легендарная пленница, ради которой был построен знаменитый

Даргазь Г. Гробница Марии в Бахчисарае, вид со стены в гареме. Из книги О. Шишкиной. 1845 г.

«фонтан слез», была полькой, одновременно полемизируя с мнением Ивана Муравьева-Апостола, русского путешественника по Крыму, который в этом предании не видел оснований [513, с. 192–193]. О кладбище А. Мицкевич писал так: «В роскошном саду, среди стройных тополей и шелковичных деревьев, находятся беломраморные гробницы ханов и султанов, их жен и родственников; в двух недалеко расположенных поблизости зданиях свалены в беспорядке гробы; они некогда были богато обиты, ныне торчат голые доски и видны лоскутья материи» [513, с. 193]. В письме же поэт рассказывал, что «спал на софах Гиреев и в лавровой роще играл в шахматы с ключником покойного хана. Я видел Восток в миниатюре» [426, с. 392].

Эдмунд Хоецкий посвятил описанию Бахчисарайского дворца девять страниц [432, с. 121–124, 136–140]. «Все памятники былого величия Крыму сводятся ко дворцу древних ханов, тщательно сохраняемому до сего дня». Путешественник тщательно описывает ворота и «параллелограмм»

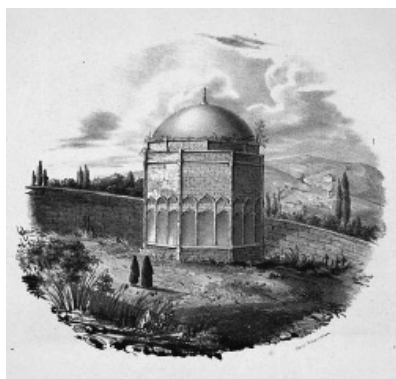

Неизвестный художник. Дворец ханов. Из книги Л. Олифанта. 1852 г.

двора за ними [432, с. 121], систему коридоров и дверей, ведущих к различным помещениям дворца: «Напротив другие двери ведут в просторную гостиную, по кругу обложенную софами; в самую чувствительную южную жару в комнате той царит вечная прохлада и свежесть. Через третьи двери можно войти в зал дивана. Там собирался некогда государственный совет. Далее на первом этаже одна за другой тянутся просторные комнаты различного назначения» [432, с. 122].

Немало места в воспоминаниях уделено внутреннему убранству комнат дворца, украшениям потолков, полов и жалюзи. Заглянул Э. Хоецкий и в помещения гарема: «К сожалению бедных одалисок, как и путешественников, гарем стал открытым только тогда, когда уже в нем никого не было» [432, с. 123]. Вояжер осмотрел также ханские сады и фонтаны, в частности и «фонтан слез» [432, с. 124]. Интересно, что Эдмунд Хоецкий не разделял точки зрения А. Мицкевича по поводу легенды о Марии Потоцкой, прибегнув к критике и самой легенды, и «баллады» Александра Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Краткий пересказ этого произведения занял полторы страницы [432, с. 125–126], зато запись текста одной из альтернативных легенд о пленнице Маюме с Кавказа – десять [432, с. 126–136]. Несколько страниц отведено в воспоминаниях вояжера надписям на воротах и стенах дворца, всего было записано 15 надписей разного, преимущественно религиозного, содержания.

В. Пассек. Памятник Диляре,
или Марии. 1836 г.

Увидел Э. Хоецкий и ханскую мечеть: «Весь паркет устлан коврами с различным орнаментом <...>. Справа сверху приспособлена ложа, закрытая изнутри решеткой, с софами по кругу, где жены хана сидели во время богослужения, не заметные для людей; в глубине горят днем и ночью лампы» [432, с. 138]. Посетил путешественник также и ханское кладбище [432, с. 142].

Антоний Марчинковский, и так находясь не в восторге от общего

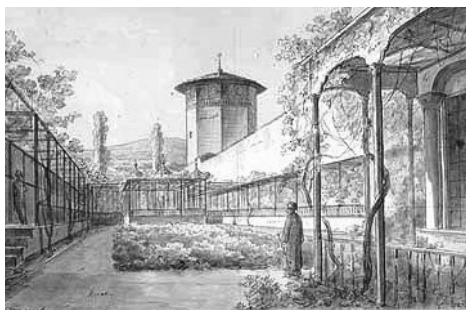

вида Бахчисарая, дал дворцу сокрушительную характеристику. «Остановились мы перед большим деревянным домом, без второго этажа, с разными росписями а-ля квац, очень похожими на рисунки на оконных рамах еврейских трактиров. Думал, по простоте сердца, что это заезжий дом или школа караимов. А был это дворец Гиреев! И грязная башня, что возвышалась в глубине, это минарет ханской мечети; у ворот грязные десятичники стерегли внутренность дворца» [433, с. 165].

Вояжер объяснял читателям, что некогда дворец был большим и роскошным, пока его не сожгли войска фельдмаршала Миниха. «Построенный заново, стоит сегодня невзрачный, убогий» [433, с. 166]. Император Александр I повелел реставрировать и охранять дворец, но это привело лишь к тому, что «гарем был развален; уничтожено семьдесят (как говорят) комнат; осталось лишь несколько из помещений ханских жен» [433, с. 167].

Впрочем, дворец Антоний Марчинковский все же посетил по такой программе: «парадные покои ханские, залы, бани, гарем, мечеть, сады, фонтаны, киоски и гробы державных ханов» [433, с. 169]. Однако внутренность комнат вновь разочаровала вояжера: «Четыре голые стены <...> окна с маленькими зелеными стеклами, пол, выстланный матами из Константинополя <...> софы простые – вот и все!» [433, с. 167]. Напоследок, в десять часов вечера, путешественник посетил ханские сады: «маленькие, обнесенные стеной, площади, высаженные рядами деревья <...> маленький киоск, посреди которого журчит фонтан» [433, с. 170]. Что интересно, А. Марчинковский был уверен в реальности пребывания в ханском гареме Марии Потоцкой.

Анна Воланьская-Дзедушицкая была, в общем, снисходительнее к Бахчисарайскому дворцу. «Дом тот невысокий, частично двухэтажный, зато длинный, с великолепными въездными полукруглыми воротами, что ведут к большому двору, окруженному дворцом с одной, а

Н. Чернецов. В Бахчисарайском дворце. 1836 г.

Большой мечетью – с другой стороны. Полученные здесь впечатления трудно описать: все, что мы видим, является таким новым, оригинальным, что надо бы рисовать, а не писать, чтобы дать об этом хотя бы какое-то представление» [435, с. 29].

Ко времени пребывания путешественницы главное здание дворца было отреставрировано, однако «не всегда счастливо; в частности, наружные росписи стен, что лишь спрятали давний рисунок замечательных арабесок – это позорная работа доморощенных маляров» [435, с. 29].

Увидела А. Воланьская-Дзедушицкая несколько внутренних помещений, «в которых, кроме готовых потолков, с резьбой по дереву, и дымоходов полихромных, нечего смотреть» [435, с. 30]. В обязательную программу входило посещение гарема и ханских садов. «Дома гарема, просторные, ясные, с прекрасными окнами, с искусными резными решетками, через которые все видно, а тебя видеть нельзя, с диванами вокруг стен и прекрасными потолками, хорошо восстановлены» [435, с. 30]. «Сад гарема должен быть чудом, где воды и фонтаны журчали, где цветы пахли, а прекрасные одалиски купались в мраморном бассейне <...> сад тот сегодня заброшен» [435, с. 31]. Также путешественница увидела «фонтан слез», вспомнив при этом и Марию Потоцкую, и стихи Адама Мицкевича [435, с. 32].

Адам Сераковский был менее «лиричным» при посещении дворца. «В середине города стоит дворец древних ханов, начатый в конце XV века Менгли-Гиреем, и после бесчисленных пожаров, грабежей и разрушений, в нынешнем состоянии последним ханом Шагин-Гиреем поставленный» [428, с. 14]. Вояжер жаловался, что европейские реставраторы ощутимо изменили облик дворца, однако все равно там было на что посмотреть: «Еще есть прекрасные каменные веревки времен Менгли-Гирея, потолок деревянный в зале суда и везде цветные окна, подобные современным импрессионистам, но тем оригинальнее, что стекла впущены в гипсовые листочки <...>. Необычно прекрасные повсюду дымоходы. Европейской славой пользуется в целом неприглядный «фонтан слез» [428, с. 15]. Путешественник разглядел на фонтане надпись «Диляра-Бикеч», поэтому ему были непонятны мотивы ни А. Пушкина, ни А. Мицкевича, ни всех других сторонников легенды о Марии Потоцкой.

Замечательным является тот факт, что трое из четырех польских путешественников обратили внимание на неудачные попытки реставрации ханского дворца. В самом деле, с 1822 года «архитектор Колодин беззастенчиво ломал многие старые постройки для использования их элементов в ремонте других частей» [162, с. 27], чем нанес значительный ущерб первоначальному виду памятника. Правда, Карл Монтандон в своем путеводителе уверяет, что архитектор Филипп Эльсон позже «сумел восстановить все в прежнем виде: ни первоначальный характер, ни оригинальность дворца не были искажены» [552, с. 47], но у меня нет основания не доверять суждению Адама Сераковского, тем более, что дворец не воссоздан в своем первоизданном виде до сих пор.

Античные и средневековые поселения

Херсонес. Первые польские вояжеры описаний древнего Херсонеса не оставили, несмотря на то что давали подробную политическую историю этой местности. Даже склонный к конкретике и детальному описаниям Эдмунд Хоецкий ограничился лишь несколькими строками: Херсонес, по его впечатлениям, это «большое пространство над морем, засыпанное грудами кирпича и камня. Кое-где торчат какие-то молчаливые курганы, или обломок стены виднеется над землей – и это все, что осталось от первого на севере христианского города» [432, с.78].

Антоний Марчинковский был еще лаконичнее: «За пять верст расположены руины античного Херсонеса, а дальше – развалины нового. Оба эти города лежат на полуострове Гераклеюском, мысе Парфениони» [433, с. 52]. В чрезвычайно кратком историческом очерке путешественник упомянул лишь папу Климента, крещение св. Владимира и разграбление города литовским князем Ольгердом в 1363 году.

К. Боссоли. Остатки античного Херсонеса близ Севастополя. 1856 г.

Елена Скимунт писала о Херсонесе в одном из частных писем: «А Херсон! Ольгерда отряды превратили его в те мраморные развалины, которые лежат по сей день <...>. Остатки рассыпанных, замшелых развалин, оставшихся после строительства Севастополя, мерзко вспахали французские бомбы. Вокруг – куски обломков» [439, с. 302].

Однако подобное невнимание своих предшественников полнотью компенсировал Адам Сераковский, который не только несколько раз побывал на раскопках городища, но и пообщался с руководителем этого процесса – известным археологом Карлом Косцюшко-Валюжиничем. Начал вояжер рассказ о Херсонесе с обзора истории города, акцентировав внимание на крещении св. Владимира и нападениях князя Ольгерда, а продолжил историю собственно исследований города. «Город исчез под руинами, которые в начале 1848 г. начал раскапывать Уваров, а последние несколько лет по инициативе императора Николая II раскопки производятся гораздо энергичнее. Местным Шлиманом является господин Косцюшко-Валюжинич, что происходит «по кудели» от одной из сестер Косцюшко, родом из минской губернии, еще католик, но уже не говорит на польском» [428, с. 18]. Руководитель раскопок показал путешественнику плоды своего труда – описание увиденного в Херсонесе заняло у А. Сераковского три страницы, как сам он заметил, «едва смог оторваться от тем исторических мест» [428, с. 21].

Однако увлечение увиденным оказалось так сильно, что в следующем, 1902 году вояжер вновь посетил Херсонес, где «господин Косцюшко нам новейшие раскопки объяснял. При нас выкопан, собственно, прекрасный костел католический с IV в. после Христа перед схизмой; замечательный там пол с прекрасной мозаикой» [428, с. 57].

Ситуация с посещаемостью Херсонеса вполне объяснима – следует учитывать, что большинство польских вояжеров побывало в Крыму еще до начала полномасштабных раскопок городища, поэтому они не оставили сколь-нибудь значимых описаний этой местности. Характерно, что и у большинства русских путешественников тех времен Херсонес отмечен, например, у Павла Сумарокова как «наваленные в беспорядке грудами тесаные каменья» [547, ч. 1, с. 203].

Чембало. Адам Мицкевич и Карл Качковский не отделяли крепость Чембало от самой Балаклавы, поэтому их впечатления касаются и достопримечательности, и города в целом [422, с. 90; 513, с. 189].

К. Боссоли. Общий вид Балаклавы со стороны генуэзских укреплений. 1856 г.

Зато Эдмунд Хоецкий оставил детальное описание руин укрепления: «Сегодня уцелели две башни, из которых одна стоит над морем, вторая же возносится с противоположной стороны, и сруб, весь построенный из гранита на извести <...>. Вдоль стены, что спускается со скалы вплоть до берега моря, вырастают кое-где башни с бойницами; генуэзские гербы, наполовину стертые на тесаных таблицах <...>. Видны еще некоторые пещеры и тесные переходы, выбитые между скалами; один такой ведет к башне <...>. В полу выдолблено отверстие, которым можно было идти в подземелье и темницу. Глубина достигает восьмидесяти стоп <...>. На последней скале не видно следа ни башни, осталась только одна стена квадратного сруба и подземелья, соединенного с первым» [432, с. 60–61]. Посетил остатки укреплений и Адам Сераковский: «...сходил по вырубленной в скале тропе под самые стены древней генуэзской крепости XVI века, от которой сейчас только две башни остались» [428, с. 10].

Алуштон. Отдельно крепость в Алуште описал лишь Эдмунд Хоецкий: «На горе видны руины древней крепости, которая, по данным хрониста, была поставлена около 527 года по приказу цезаря Юстиниана; она была возведена на отдельном холме между устьями двух небольших речушек, так что она образовывала своим строением неправильный пятиугольник <...>. С востока находились три башни: первая – шестиугольная, которую татары называют Чатал-Кале (рогатая башня), ее вторая половина рухнула в 1830 году, вторая – четырехугольная, названная Орта-Кале (средняя), в этой башне с 1833 года постелен новый пол, и благодаря этому на время еще она поддерживается. Наконец третья, полностью округлая, Ашага-Кале (последняя),

сохранилась в полной целостности. Сегодня жители прилепили к развалинам крепости свои домики и использовали кирпичи из руин для постройки своих усадеб» [432, с. 235–236]. Путешественник проследил также историческую судьбу крепости вплоть до 1774 года.

К. Боссоли. Кафа, или Феодосия. 1856 г.

и капусты, внутри сооружения склад скирд соломы и сена <...>. Вторая башня над морским берегом стоит почти невредимой, в ней видны ниши и отверстия над дверью, тщательно переплетенные в гранит. С противоположной стороны – нечто вроде цитадели или крепости, что защищает город с суши, лежат руины древней крепости, из которых лишь одна башня стоит облупленная, возле нее несколько остатков стены, рассеянных тут и там» [432, с. 275–276].

Ж. Мивиль. Остатки города-крепости Мангун-Кале. 1818 г.

Кафа. В Феодосии побывали Эдмунд Хоецкий и Адам Сераковский – и только первый оставил описание ее средневековых укреплений. При въезде в город – «руины оборонительного замка. Полуразвалившаяся башня служит сегодня пороховой лавкой, подземелья – погребом для картофеля

«Пещерные города» и крепости

Мангун-Кале. Станислав Сестренцевич-Богуш вспоминал, что видел «руины обширного города, некогда бывшего местом пребывания готов, которые называли его Мангупом» [420, т. 1, с. 31]. В другом месте он сообщал:

«Я видел этот город Мангуп, бывший в древности столицей готов. [Теперь там] видно несколько старых зданий, населенных нищими жителями <...>. Несколько бедных, обособленных и едва известных семейств – вот все, что осталось от этого народа» [420, т. 1, с. 283–284]. Привел ученый-путешественник также сведения об истории города.

Эдмунд Хоецкий наблюдал в пути «огромные зубурины и сломы стен, посреди которых встает одна покосившаяся зубчатая башня. Это Мангуп-Кале. Сегодня руины не имеют никакого следа древней мощи, однако Мангуп

был когда-то городом сильным и богатым, имел свои церкви» [432, с. 108]. Разобравшись с показаниями средневековых хроникеров о дате и обстоятельствах основания города, вояжер продолжает его описание: «Сегодня только одна башня, словно наклоненная от печали, словно окаменевшая, смотрит на руины, каждый раз исчезающие с поверхности, чтобы упасть по крайней мере последней» [432, с. 109]. Привел путешественник также цитаты из трудов своих предшественников, бывавших на Мангуп-Кале: Мартина Броневского, Петера Палласа, Петра Кеппена.

Елена Скимунт была поражена величием увиденных ею руин: «...последние жители находят покой под иудейскими надгробиями или покидают вершину. Где готская столица, княжеская резиденция и епископская митрополия? Есть оружие, но нет рыцаря; ныне грозные башни защищают лишь запустение и убогие каримские развалины» [430, № 432, с. 233–234]. По мнению путешественницы, местные пещеры были вырублены древними язычниками, а христиане лишь подражали им, используя в качестве жилища церкви и гробницы. Покинув город, Елена Скимунт писала: «Прекрасный Мангуп, известный и одновременно непознанный,

*Неизвестный художник. Мангуп-Кале.
Из книги Л. Олифанта. 1852 г.*

Ф. Гросс. Чуфут-Кале. 1846 г.

сонет (XV, «Дорога над пропастью в Чуфут-Кале»), а в авторских комментариях к нему отметил: «Городок на высокой скале; дома, стоящие на краю, подобны гнездам ласточек; тропинка, ведущая на гору, весьма трудна и висит над бездною. В самом городе стены домов почти сливаются с краем скалы» [513, с. 196].

Карл Качковский записал, что «пятнадцать верст дороги <...> и целый час надо подниматься по спирали горной дороги, чтобы оказаться у ворот города Чуфут-Кале. Несколько домов находятся среди скал, большинство построено на скалах. Улочки узкие, брусчатка создана самой природой. Приходится ходить по голой скале <...>. Эти двое ворот – единственные, которые ведут в город. На ночь они запираются железными створами» [424, с. 107–108].

К. Боссоли. Остатки укреплений на Чуфут-Кале. 1856 г.

что молчит на своем удивительном языке ...» [430, № 432, с. 235].

Чуфут-Кале. Этот караимский город составлял почти обязательный пункт в программе посещения Крыма польскими вояжерами. Адам Мицкевич посвятил путешествию к «пещерному городу»

«На высоких скалах торчат разбросанные домики, построенные по восточному обычаю, к которым прямо под гору добраться невозможно; есть только один вход – железные ворота, вделанные в гранит, ведущие к укреплению таким узким переходом, что его едва хватает на

одну лошадь. Войдя в Чуфут-Кале, видим с обеих сторон тесные улочки застройки караимов, единственных на сегодняшний день жителей заброшенной крепости, благодаря которым все местечко получило свое название», – так начинает свой рассказ Эдмунд Хоецкий [432, с. 183]. Еще две страницы отведены истории города в пересказах древних путешественников и хронистов, и еще девять – легенде о дочери Тохтамыша – Саиле, чье надгробие вояжер увидел неподалеку от входа [432, с. 187–195].

А вот Антоний Марчинковский был крайне лаконичным. «Подались мы к Чуфут-Кале, еврейской крепости, построенной на скале, которая на несколько сотен стоп возвышается над нами <...>. Воду на ослах возят бочечками по крутой тропинке <...>. Улицы естественно мощены плитами из одной куска. Город сегодня пуст; проживало здесь в древности 200 семей караимских, сегодня живет чуть более 50-ти» [433, с. 190]. По его собственным словам, А. Марчинковский не нашел раввина, которого упоминали его предшественники, поэтому не был вынужден пересказывать те же легенды, взамен вояжер посетил Иосафатову долину, «интересную вещь, караимское кладбище». Место вечного покоя поросло дубами, «отдыхают здесь более 40 000 умерших» [433, с. 191].

Посетила город также Елена Скимунт, назвав его «мирной республикой чуфуткальских иудеев» и «Сионом таврических израелитов». Путешественница нашла город полностью заброшенным: «Чуфут-Кале следует из столетнего мрака в виде грозной, неприступной крепости. Где же все? Может, все население молится в синагоге? Или все спят? Или умерли? Или бросили Чуфут-Кале на милость времени и разрушения?» [429, № 201, с. 119]. Е. Скимунт удалось пообщаться с дочерью караимского патриарха Авраама Фирковича, осмотреть его библиотеку. А в склепе «Саилы, дочери Тохтамыша», путешественница обратила внимание на разбросанную землю и собственноручно пыталась найти что-то под погребением, и не нашла ничего, кроме пыли и мусора. Увидела Е. Скимунт внутренность караимских кенас, крепостной колодец, пещеру Чауш-Кобаса и Иосафатову долину («несколько тысяч надгробий и 700 дубов»), где наблюдала за процессом изготовления самих надгробий. При выезде путешественница бросила «послед-

ний прощальный взгляд на печальный Чуфут-Кале живых и еще более печальный Чуфут-Кале мертвых» [429, № 201, с. 220–223].

Анна Воланьская-Дзедушицкая почти на страницу пересказала трудности пешего похода на Чуфут-Кале и собственное состояние «изможденности» [435, с. 36], однако была полностью вознаграждена за этот путь: «Что за неожиданный вид! Словно Помпеи в середине Крыма!» – таким было ее первое впечатление после подъема. Впрочем, сам город не слишком поразил путешественницу. «Доходим, наконец, до каких-то вырубленных в скале ворот и входим в узкую улицу, где какие-то развалившиеся дома стоят по обе стороны. Спрашиваем, где город?» [435, с. 36]. На всей территории Чуфут-Кале А. Воланьская-Дзедушицкая нашла только один «порядочный» дом, где жила единственная оставшаяся в городе семья караимского священника. Увидела также путешественница и надгробие «ханской дочери», которое так привлекало ее предшественников.

Не преминул посетить город и Адам Сераковский. «Каменистой дорогой дотащился моим возом до Чуфут-Кале, вымершего города, древнего, а то и первого дома караимов. Сегодня там руины повсюду; в городе, стоящем над так называемой Иосафатовой долиной, сегодня один только раввин караимский живет вместе с семьей» [428, с. 15]. Маршруты вояжера и его предшественницы, Анны Воланьской-Дзедушицкой, с которой они разминулись на несколько месяцев, почти полностью совпадали. Это и разговор с Авраамом Фирковичем, последним хранителем умершего города, и осмотр караимских кенас [428, с. 16], и обязательное соболезнование былому величию Чуфут-Кале и караимов.

Черкес-Кермен. Путешествуя по Крыму, Эдмунд Хоецкий заметил «скалу, похожую на полуовал, перевернутый вверх дном, что также несла на себе руины древней крепости <...>. Это Черес-Кермен» [432, с. 105]. Далее путешественник разбирает древние сведения об основании крепости, а также проводит читателей к окружающим пещерам: «В Черкес-Кермене находятся самые известные в Крыму пещеры <...>. Некоторые из пещер овальные, другие квадратные, в некоторых выбиты скамьи по кругу, стол посередине и кладовых по сторонам, чтобы прятать утварь» [432, с. 106].

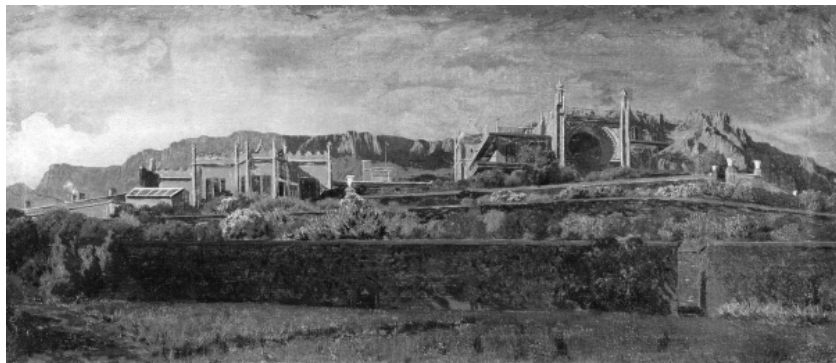

Заинтересовалась Черкес-Керменом и Елена Скирмунт. Путешественница из рассказов своего татарского проводника Резепа записала несколько легенд, которые были связаны с этой местностью [429, № 199, с. 201]. Е. Скирмунт, единственная среди польских вояжеров, побывала еще в одном «пещерном городе», располагавшемся неподалеку, – Эски-Кермене, посетив известный пещерный храм Трех Всадников [429, № 199, с. 201].

Дворцы Южного берега

Настоящие жемчужины архитектуры – Воронцовский дворец в Алушке и Ливадийский дворец – не были известны ранним польским путешественникам, однако на позднейших вояжеров производили немалое впечатление.

Алупкинский дворец. «Налево сразу видим великолепный дворец Алупки, известный вдоль и поперек на весь полуостров, единственный памятник современной архитектуры в Крыму, достойный внимания», – так восторженно начал свое описание дворца Эдмунд Хоецкий и продолжил, сравнивая его то с постройками из сказок Шарля Перо, то с мавританской Альгамброй. Именно исламскими мотивами внешнего убранства дворца увлекся путешественник. Интерьер же, который он лично видел, будучи приятелем тестя хозяина, произвел на него совсем другое впечатление своим полным отличием от экстерьера. «Налево большая гостиная

В. Орловский. Вид Алупкинского дворца. 1870-е гг.

К. Боссоли. Дворец князя Воронцова в Алушке. 1856 г.

в древнем феодально-германском стиле; вокруг блестят высокие украшенные искусной резьбой деревянные обивки, посреди стены дымоход с огромной полкой, напротив фонтан <...> Направо тянется в легком итальянском стиле застеле-

нная галерея цветов, среди поднимающихся цветущих побегов бьют фонтаны <...>. Далее высокие белые салоны, выполненные под мрамор с золочеными карнизами, которые можно встретить во дворце Ротшильда. Наверху девичьи покои во вкусе времен Людовика XV, библиотека немного поздней эпохи, китайские комнатки <...> английские – со всем комфортом, что выпирает в мельчайших деталях» [432, с. 56–58].

Антоний Марчинковский посвятил описанию дворца восемь страниц [433, с. 103–110] и был чрезвычайно обстоятельным в своем повествовании. Он лично познакомился с архитектором дворца Вильямсом, подобно Э. Хоецкому увидел в здании «восточный характер» Альгамбры и «размах караван-сарая» на границе Индии. Внешний вид путешественник описал так: «Дворец выстреливает легкими минаретами, рядом – тяжелые купола, которые друг к другу жмутся на плоской террасе, а между тем стены превращались в декоративные зубцы, по углам встали массивные квадратные башни, и сводчатые ворота взяли на себя охрану замка <...>. Мавританская поволока покрывает собой средневековую форму» [433, с. 104]. Так же как и его предшественник, Антоний Марчинковский замечает существенную разницу между экстерьером и интерьером дворца: «Внутри замок в Алушке является чисто феодальным замком (из романов. – С. Г.) Вальтера Скотта» [433, с. 104].

Немало места отведено воспоминаниям об экскурсии по дворцу: «Вошли в первую очередь в гигантский холл; под порогом лежит на плите из белого мрамора написанное черными буквами привет-

стве <...>. Потолок чисто современный, дубовый <...>. Оттуда вошли в картинную галерею, узкую, освещенную сверху маленькими круглыми матовыми окнами <...>. Стоят здесь, может, не совсем к месту, кресла и столы персидские из ореха, золотые арабески, надписи из поэтов, может Хафиза или Фирдоуси <...>. Перешли потом в библиотеку: большой зал, через высокие готические окна падает мало света, из-за чего удивительно освещаются накопленные здесь книги и острые, прекрасные гравюры, дубовые украшения, спадающие в арки с потолка <...>. Потом были в кассе, закрываемой железной дверью ключом сразу на пять замков. Далее – в спальне князя, в кабинетах, в бане» [433, с. 105–106].

Обойдя дворец изнутри, А. Марчинковский вышел на террасу: «Ступени охраняются тремя парами львов из белого мрамора; выход из дворца на лестницу формирует наполовину срезанный округлый купол, которого потолок дивно прекрасно разрисован мавританскими квадратами». Надписи на арабском языке на куполе путешественник не понял [433, с. 107]. После того осмотра был подвергнут зимний сад, с пальмами и бананами. На фонтане посреди сада путешественник нашел надпись, просящую туристов не выбрасывать в чашу с водой пепел и окурки сигар.

«Столовая зала отмечается выдающимся характером рыцарских помещений для еды. Огромные мраморные с резьбой дымоходы, большие картины и милый дубовый потолок, определяющий стиль всего этого дворца. Здесь видели большую мраморную вазу, подаренную князю господствующим императором в 1847 г.» [433, с. 108]. Пройдя 18 помещений для гостей, а также турецкую комнату для употребления «восточного кейфа», путешественник поднялся на второй этаж. Там он увидел покои княгини Воронцовой, в которых находились два морских пейзажа Ивана Айвазовского, и поднялся на крышу купола, который создавал выход из дворца [433, с. 108–109].

«Посетили затем другие салоны, конечно богатые, и китайские комнаты, где увидели только странные рисунки того люда; милейшая мебель китайская; вазы из японского и китайского фарфора, вазоны, зеркала и тысячи других пышных предметов» [433, с. 110]. Впрочем, по мнению А. Марчинковского, «все эти помещения <...>

портят прекрасную целостность средневекового характера, в котором выполнены нижние комнаты» [433, с. 110].

Анна Воланьская-Дзедушицкая описала Алушкинский дворец так: «Видимый издалека со стороны суши, он выглядит как старосветская, мавританская крепость с огромными башнями, зубчатыми стенами, появившаяся, кажется, со скал, отступивших от Ай-Петри» [435, с. 54]. С северной стороны «двор, окруженный четырехэтажными импозантными зданиями, снизу покрытыми зеленым плющом, с окнами и дверями с проржавевшей арматурой, со мхом между камнями мостовой» [435, с. 54], зато с юга дворец «потерял целиком свой вид грозной крепости – это мавританское шатер, созданный для веселья, радости, пения и королевских обедов. В середине высокий мавританский портал, углубленный в полукруг, со странными мозаиками, по сторонам ниши – открытые галереи, бегущие вдоль дворцовой террасы, а боковые крылья заканчиваются у гор стрельчатыми колоннами» [435, с. 56].

А. Воланьская-Дзедушицкая записала также рассказ 60-летнего татарина, который был очевидцем начала постройки дворца [435, с. 57–59]. Интересно замечание путешественницы: «...есть здесь прекрасная библиотека, которую раньше можно было посетить, однако теперь вход в нее туристам запрещен, поскольку много книг погибло от незваных любителей литературы» [435, с. 60].

Адам Сераковский также не прошел мимо этого памятника: «Дворец в Алушке кн. Воронцовых: с моря мавританский, со стороны суши неоготический, прекрасное строение! Оазис европейского вкуса посреди азиатского и купеческого великолепия!» [428, с. 26]. Сам дворец путешественник не посетил, пожаловавшись на то, что новые хозяева вывезли все ценное в Петербург, а татарская служба надзора хотя и многочисленна, однако получает на содержание дворца мало средств.

Ливадийский дворец. Во времена Антония Марчинковского имение в Ливадии принадлежало польскому графу Леону Потоцкому, поэтому не могло поразить путешественника величием своих зданий – только живописностью окрестностей: «Находимся на середине двора, всего в клумбах прекрасных деревьев и цветов, там группа плакучих крымских ив, деревьев, творящих пре-

красный рисунок контура, а из-под них бежит в каменную вазу чистая родниковая вода, холодная как лед <...> открываемые окна должны пробиваться сквозь свежую зелень розовой и белой акации <...>. Это роскошное жилье зрителя винных погребов гр. Леона Потоцкого» [433, с. 79].

Одной из предпосылок быстрого развития Ялты, писал Эдвард Павлович, была «близость Ливадии – некогда собственности гр. Потоцких, а с 1861 г. царская резиденция» [434, с. 17]. К сожалению, лично Э. Павлович Ливадийского дворца не посетил.

Обширное описание оставила Анна Воланьская-Дзедушицкая. «Доезжаем до больших железных ворот, окрыленных орлами с цифрой царя. Открывают ее перед нами <...> и какой-то солдат в белом мундире указывает нам дорогу сквозь сад, где первый раз в Крыму видим подстриженный газон <...>. Здесь два дворца, расположенные неподалеку, окруженные садами: Александра II, который занимает нынешний царь, когда прибывает, и Александра III, в котором после его смерти ничего не изменилось и где никто не живет» [435, с. 50].

Впрочем, на путешественницу комплекс впечатления не произвел: «Называются они дворцами разве что по привычке, ведь ничего, кроме названия, дворцового в себе не имеют. Дом Александра III – это разновидность итальянской виллы, довольно претенциозной, с балюстрадой на крыше; Александра II же – это милая дача, напоминающая своими верандами татарско-арабский ханский дворец, и так скромно и хорошо устроенный, что каждый из нас мог бы там жить и чувствовать себя дома» [435, с. 50–51].

Посетила путешественница и внутренние помещения второго дворца: «Комнаты небольшие и невысокие, выглядят так, словно жители только ушли и через минуту вернуться; белая мебель бамбуковая, везде ясные кретоны; в спальне царя, полностью обтянутой кретоном, видим редкие копии «Мадонны» Рафаэля, что удивительно отражаются от византийской иконы. В кабинете царя с интересом смотрю большую рельефную карту Крыма, которая мне значительно помогла сориентироваться в этом путешествии». Что касается дома Александра III, то там, по словам путешественницы, кроме кресла, где умер император, креста на полу в память о том

события и «нескольких готовых рисунков Айвазовского, нет ничего, достойного внимания» [435, с. 51].

Что касается Адама Сераковского, то он был в своем письме весьма лаконичным и категоричным: «Самым прекрасным пунктом является Ореанда, над мысом Ай-Тодор, право же, против довольно гадкого царского дворца в Ливадии» [428, с. 28].

Другие памятники

Кроме упоминаний о массово посещаемых объектах, некоторые путешественники оставили единичные описания других крымских изюминок, которые привлекли их внимание. Интересовались путешественники и инженерными сооружениями Крыма [555].

Джума-Джами. Описание мечети Джума-Джами в Евпатории оставил Антоний Марчинковский: «...это самая большая мечеть во всем Крыму, имеет она четырнадцать куполов, из которых средних, самый большой, покрыт медью, а остальные – оловом. Несмотря на хорошее состояние этой мечети, наконец отремонтированной в 1834 г., является она достаточно давним строением» [433, с. 32]. Побывал путешественник и внутри сооружения, оказавшегося «грязным, заброшенным и оставленным. На главном месте, где у нас должен быть алтарь, чуть больше украшений и страница из Корана, на земле лежат расстеленные коврики, выделкой полностью подобные нашим коврикам <...>. Стены мечети запыленные, на них есть много надписей из Корана, порой даже выписанных золотыми буквами, но они сейчас почернели. С главного купола свисают лампы, лампы те бывают цветными, с ветром вращаются вокруг своей оси. У входа на колоннах широкие балконы, будто наши хоры, здесь садятся все верные во время байрама. Под ними упорядоченная кафедра (минбар) для муллы, читающего Коран, кроме того, в главной стене есть ниша (михраб), также для того предназначенная. Вообще же, вид той султанской святыни напоминает наши еврейские синагоги» [433, с. 33–34]. Другие польские вояжеры, что бывали в городе, не оставили описаний этой мечети.

Сухие доки и другие инженерные сооружения. Интересовались памятниками такого рода лишь Эдмунд Хоецкий и Антоний

Марчинковский, и что характерно, их воспоминания были чрезвычайно созвучны.

Наибольшее удивление у путников вызвали знаменитые севастопольские сухие доки, «огромные бассейны, выбитые из гранита <...> когда корабль нуждается в ремонте, входит в такой бассейн, потом медленно спускают воду, судно опускается все ниже, наконец, садится на десять гранитных пирамид, прикрепленных ко дну бассейна, и тогда можно его тщательно осмотреть» [432, с. 92]. А после того, как «осмотр корабля произведен, воду впускают заново, корабль поднимается и следует в канал» [433, с. 58]. Сухие доки Севастополя небезосновательно считались вояжерами достойными удивления.

После таких впечатлений совсем немногие вещи привлекали внимание вояжеров. Среди них можно выделить артезианский колодец в Евпатории, построенный в 1833–1837 годах на городском рынке. Глубина того колодца достигала 465 стоп (почти 140 м), суточная добыча воды – 450 бочек по 40 ведер [433, с. 46].

Другое наблюдение – также чисто инженерное – построение горной дороги вблизи Ореанды. Значительное количество рабочих вырубали камни из склонов гор, расширяя дорогу, одновременно выкладывая добытым камнем дорогу. Масштабы строительства были так велики, что «целая дорога была завалена кипами камней и пнями» [433, с. 84–85] и по ней невозможно было проехать. Как теперь понятно, Антоний Марчинковский видел один из этапов начатого еще в 1824 году строительства «верхней дороги», доведенной до Ялты к 1837 году, но продолжавшей расширяться и позднее. Вначале дорога строилась силами батальонов Козловского и Нашембургского пехотных и 40-го егерского полков, затем к работе привлекали вольнонаемных и даже каторжников. Несмотря на важность этого сооружения для Крыма, описания строительства крайне редко встречаются в литературе [162, с. 32].

Последним из увиденных вояжером творений человеческого разума стал горный тоннель неподалеку от Байдарской долины: «Дорога наша добралась до столь огромной глыбы гранита, что ее невозможно было взорвать порохом; поэтому ее пробрили, и мы въехали в тоннель, что имеет 80 стоп в длину; тот переход посреди гор, обрывов и над морем производит совершенно иное впечатле-

ние, чем любые другие подземные каменные переходы на железных дорогах, даже тоннель под Темзой» [433, с. 119–120]. К сожалению, А. Марчинковский не расспросил окрестных жителей ни о времени, ни о способе постройки этого сооружения, которая стала последней инженерной изюминкой на его пути по Крыму.

Монастырь Св. Георгия. «Еще несколько минут сухой каменной дорогой – и покажется нам над самым морем небольшая башня с крестом, выглядывающая из-за каменного забора, в котором, как образ в рамке, светится монастырь Святого Георгия», – так начинается описание монастыря и прилегающей территории Эдмунд Хоецкий [432, с. 73]. Путешественник был полностью уверен, что, «согласно древним географам, на этом месте должен был возвышаться греческий город Парфенион, а в нем – святыня Дианы Таврической, славная Ифигенией, Орестом и Пиладом» [432, с. 75]. В связи с этим мифом вояжер вспомнил также и драму Вольфганга Гете «Ифигения в Тавриде». Большинство вояжеров тех эпох разделяли это недоказанное мнение, будучи непоколебимо уверенными в правильности древнего сказания [162, с. 26].

Определенный скептицизм высказывал лишь Антоний Марчинковский: «За 12 верст отсюда, прекрасно расположенный, лежит монастырь Св. Георгия, на том месте, где, по традиции, должна была стоять святыня Дианы, в которой жрицей была Ифигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры. Так ли на самом деле? Трудно сказать – четыре тысячи лет отделяют нас от того времени» [433, с. 52].

Адам Сераковский впервые увидел монастырь с моря – со сторо-

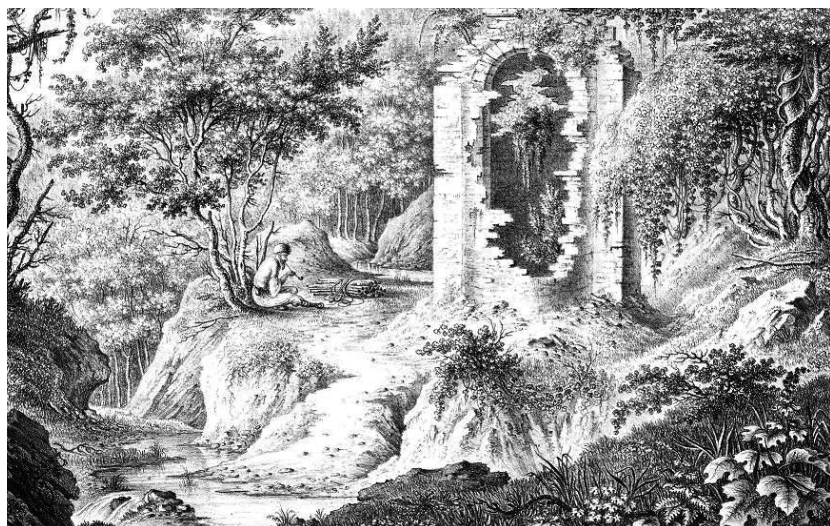
К. Боссоли. Монастырь Св. Георгия. 1856 г.

ны севастопольской пристани: «...виднеется прежде прекрасная церковь Св. Георгия, доминирует над пейзажем, словно купол Св. Петра над Кампанией» [428, с. 7]. Вторично вояжер увидел монастырь по дороге в Байдарскую долину: «...затем мона-

стырь в скале Св. Георгия, над древним мысом Парфений, где стояла святыня Дианы, в которой Ифигения столько лет тосковала по своим любимым греками» [428, с. 17]. Приводит вояжер также легенду об основании самого монастыря: «когда корабль византийцев, в сильной буре измотанный, должен был уже разбиться, тогда призванный молитвой несчастных путников св. Георгий указал на эту скалу и остановил бурю. С тех пор стала там, рядом с древней святыней Дианы, церквушка, вырубленная в скале; что удивительной судьбой выдержала все войны и набеги, и сегодня живет в том монастыре Св. Георгия 50 монахов» [428, с. 21–22].

Как мы можем заметить, сфера интересов польских вояжеров не ограничивалась только главными, общеизвестными достопримечательностями истории и архитектуры Крыма, напротив, каждый путешественник имел свои собственные предпочтения, а следовательно, и свой набор крымских изюминок, которые стоили внимания его читателей. В целом по различиям в описаниях тех же местностей в трудах путешественников разного времени вполне возможно проследить эволюцию архитектуры и сохранности памятников Крыма.

Ф. Гросс. Монастырь Ай-Эндрит. 1846 г.

ШАВА 11

Быт и традиции крымских народов

*Человек, отправляющийся в путешествие
в страну, языка которой не знает,
собственно, отправляется в школу, а не в путешествие.*

Френсис Бэкон

*Н*есмотря на то что поляки составляли часть населения Крымского полуострова еще со времени Средневековья [556], оставаясь значительной этнической группой вплоть до начала XX века, польских вояжеров их соплеменники интересовали редко и лишь в эпоху реализма. Основной же интерес путешественников, без сомнения, был обращен на «экзотические» крымские народы: крымских татар и караимов. Именно им было посвящено наибольшее число страниц в польской путевой литературе XIX столетия.

Крымские татары

Происхождение, субэтноты и мировоззрение. Поскольку на научном (именно на научном, а не публицистически-пропагандистском) уровне дискуссия об этногенезе крымских татар до сих пор не окончена, свидетельства и размышления польских путешественников на эту тему имеют немалое значение.

Карл Качковский рассматривал крымских татар с позиций европоцентризма – как благородных, но все же варваров: «...отнеся их к скотоводческо-земледельческому народу, считаю это большим шагом в цивилизованное общество. Потому что самый трудный переход

Неизвестный художник.
Крымские татары.
Из книги
Л. Олифанта. 1852 г.

Неизвестный художник.
Татарский начальник. Из книги
Л. Олифанта. 1852 г.

от первого состояния, т. е. охотничьего, ко второму – скотоводческому, был уже позади» [424, с. 107]. Однако склонности к сложным земледельческим операциям он в крымских татарах не увидел: «Не видно ни фиг, ни маслин, ни шелковиц, ни виноградных плантаций. Здесь больше занимаются пашней и скотоводством. Вообще сверх необходимого редко кто берет землю <...>. На Южном берегу татары еще более ленивы, так как щедрая природа их во всем одарила» [424, с. 106]. Что до мировоззрения туземцев, то оно, по мнению путешественника, насквозь пропитано фатализмом: «О будущем татарин нигде и не вспоминает, будущее его не беспокоит, верит только в сию минуту и ею живет» [424, с. 107].

У Эдмунда Хоецкого было достаточно времени, чтобы начать различать субэтнотипы крымских татар: «Чтобы хорошо узнать татар, надо их разделить на три части: первые – приморские, вторые – горцы и последние – степные. А поскольку не отличаются они религией, ни происхождением, все же это распределение является достаточным для предоставления каждой части присущих ей оттенков» [432, с. 41]. «Особенности крымских татар, по мнению вояжера, распределяются так: «Приморские татары щедро одарены природой, не нужно им предаваться излишнему труду для выживания, живут на восточный лад в праздности

и размышлениях <...>. Горцы менее счастливы, суждено им вести жизнь рабочую, и поэтому, как и из-за здорового воздуха гор, которым дышат, они намного выше, сильнее и мужественнее. Степные татары <...> хотя и крепкого телосложения, все ж имеют меньше развитый ум и стать часто подавленную и унылую» [432, с. 41–42].

Систематизация, предложенная вояжером, является одной из первых в европейской литературе вообще. Иногда приоритет подобного разделения приписывают Петеру Палласу на основании следующего фрагмента: «Татар, живущих в Крыму, можно разделить на три отдела. В первом – ногайцы <...> как доказывают черты их лиц, наименее смешанные потомки монгольской расы. Во втором отделе – татары, населяющие равнину, или степи Крыма до гор и северную часть последних, и которые в Перекопском уезде, где они наименее смешаны, сохранили много сходства с монголами в чертах лица, имеют редкую бороду, занимаются скотоводством более горных татар; пашут землю, но не имеют влечения к садовой культуре. <...> Наконец, в третьем отделе – татары, населяющие южные долины гор, очень смешанная раса, по-видимому происходящая из разных остатков народов, загнанных в Крым во время монгольского владычества. Этот отдел, как мы уже говорили выше, обладает совершенно иными чертами лица, имеет более густую бороду, волосы светлее, чем у прочих татар, и не почитается последними, давшими ему презрительное имя – тат, истинными потомками их народа» [549, с. 148].

Де Палло. Татарин, или крымец.
Из книги П. Сумарокова. 1803 г.

Однако при ближайшем рассмотрении можно заметить и принципиальное отличие во мнениях путешественников: так, П. Паллас причисляет к крымским татарам ногайцев из Северной Таврии, но не выделяет отдельно южнобережных жителей; классификация Э. Хоецкого, наоборот, отдельно включает «южнобережцев» и исключает ногайцев. Впро-

чем, известный лингвист-ориенталист Илья Березин смотрел на вопрос проще, утверждая, что «татары разделяются на горных и степных <...> горные татары говорят наречием, близким к османскому, а степные – к татарскому» [557, с. 44]. Подобных же взглядов придерживался и другой известный российский, а затем советский востоковед Александр Самойлович: «Крымские татары делят себя на две части, как отмечал уже Радлов: на степных, с одной стороны, городских и горных – с другой» [558, с. 569]. А вот ориенталист Виктор Филоненко в авторском курсе «Этнография турецко-татарских народов» соглашался с мнением Петера Палласа, разделяя крымских татар на горных, степных и ногайцев [559, с. 127]. Тем не менее и у версии Э. Хоецкого были свои сторонники, например географ и натуралист Густав Радде, в своем знаменитом труде «Крымские татары» писавший: «Крымские татары, хотя и все принадлежат к монгольскому племени, не везде, однако, сохранили первобытный тип. По наружности они представляют три степени, довольно резко отличающиеся одна от другой. Только в остатках ногайского племени, населяющего северные равнины полуострова и уезды по ту сторону Перекопского перешейка, сохранился чисто монгольский тип <...>. Горные татары, обитающие на северных склонах Крымских гор, в степях и долинах, во многом отличаются от ногайцев <...>. Жители южного побережья, исповедующие также ислам, смешанной породы. В жилах их течет много греческой крови» [560, с. 290]. В конечном итоге большей популярностью среди современных исследователей пользуется именно эта классификация, выделяющая южнобережных крымских татар в отдельный субэтнос. В украинской же академической науке достигнут своеобразный компромисс: в статье «Крымские татары» в «Энциклопедии истории Украины» (т. 5, 2008) выделены четыре крымскотатарских субэтноса: южнобережный, горный, центрально-крымский и степной, или ногайский [561, с. 380].

К. Гейслер. Горные татары. 1801 г.

Способность местных жителей к труду не вызвала у Эдмунда Хоецкого восторга: «Крымские татары тесно привязывают труд к своим потребностям; работают лишь столько, сколько нужно для собственного прокорма» [432, с. 44]. Э. Хоецкий обратил внимание и на расовые различия крымских татар: «В и так малом краю, среди 250 000 татар, проживающих в Крыму, отчетливо наблюдаются два племени совершенно различного корня. Первое, монгольское, отличается низким ростом, широким лицом, приплюснутым носом, выпуклыми щеками и косыми глазами. Татары второго племени, без малейшего сомнения кавказского происхождения, рослые и прекрасные, происходят, как кажется, от смешения крови генуэзцев, греков, может и готов» [432, с. 45–46]. Относительно же происхождения крымских татар вообще, то вояжер, несомненно, относил их к потомкам монгольских орд Чингисхана.

Антоний Марчинковский начал знакомство с евпаторийскими татарами с того, что повторил тезис обоих своих предшественников о вдохновении к труду туземцев: «...татары трудолюбивы тогда только, когда не имеют на что жить» [433, с. 43]. Подобно Эдмунда Хоецкому А. Марчинковский выводил начала крымских татар из армии Чингисхана [433, с. 141].

Крымскотатарская антропология также интересовала вояжера. В одном месте своих воспоминаний он писал: «Среди татар есть две отдельные расы, одна чисто монгольская: лицо сплющенное, глаза узкие, нос плоский, уста выдающиеся, цвет лица желтый, борода и усы плохо растут, вторая – с чертами расы кавказской: носы прямые, глаза черные, цвет лица белый; вид их напоминает черкесов и казаков» [433, с. 125]. Позднее он добавлял: «Трудно сказать, татары от прибытия сюда хранили чистоту своей расы или, смешанные с греками, генуэзцами, турками и черкесами, потеряли свою монгольскую физиономию <...>. Племя Южного Крыма своей осанкой и прекрасными чертами лица полностью отличается от соседей и соплеменников своих, татар ногайских, в которых видимым есть след монгольского происхождения» [433, с. 142].

Не был в целом оригинальным в антропологическом описании и Эдвард Павлович: «Среди людности татарской, которая преоб-

ладает в Крыму, выделяются два типа: монгольский, населяющий преимущественно степную часть – с косыми глазами и плоским лицом <...> второй, вероятно кавказский, отмечается сходством черт, стройной и прекрасной осанкой» [434, с. 20]. Вояжер уделил внимание и национальному характеру крымских татар: «...он является спокойным и, право, пассивным; зато религиозность непреклонна. Они привязаны к своим обычаям, нарядам, образу жизни, и, несмотря на влияние правительственных городских и сельских школ, остались им до сих пор верны» [434, с. 21].

Других польских путешественников антропология и национальная психология крымских татар не интересовала.

Хозяйственные занятия. Главным занятием крымских татар всегда являлось скотоводство. Это было настолько очевидным для польских вояжеров, что они не всегда акцентировали на нем внимание, описывая преимущественно другие занятия.

Карл Качковский, например, встретил на своем пути село Дереккой, чьи жители, «татары достаточно зажиточные, главный товар торговли – орехи, которые называются фундуком. Много его отправляется в Одессу по рублю и сорок копеек» [424, с. 97].

Эдмунд Хоецкий обратил внимание на иные занятия. Например, по его наблюдениям, крымские татары с Южного берега отдают предпочтение пассивному садоводству: «...под тенью своих фруктовых деревьев в облаке табачного дыма считают фрукты и ожидают времени сбора, спокойно взирая на них» [432, с. 41]. О степных жителях ему известно, что они «обрабатывают в поте лица землю и занимаются кормлением стада <...> занимаясь крупными сделками – шкурами и хлебом, они зарабатывают значительные суммы» [432, с. 42].

Антонию Марчинковскому пришлось встре-

К. Гейслер. Базар. 1801 г.

таться также с городскими крымскими татарами: «Татары не отличаются богатством; в Евпатории есть только двое татар – купцов-капиталистов, остальные либо нанимаются на работы, либо торгуют мелкими, преимущественно турецкими, товарами» [433, с. 42]. Подобная ситуация сложилась и в других городах полуострова.

Неожиданно большое внимание обратил на хозяйство туземцев Эдвард Павлович. Сначала он описал занятия южнобережных татар: «Управление с садами фруктовыми и овощными, на чем специализируется татарская раса, а также многочисленные винные погреба – кроме того, неустанные занятия на пристани, где движение товаров требует длительных услуг – гарантирует работнику устойчивый ежедневный заработок. Обладатели же ездовых лошадей от их найма также имеют немалую выгоду» [434, с. 20]. Но без внимания вояжера не осталось также хозяйство в других частях Крыма: «Кормление овец и лошадей составляет главное занятие в степи; горцы же овладели торговлею, а коров, учитывая нехватку пастбищ в окрестностях гор, имеют немного» [434, с. 21].

По воспоминаниям Анны Воланьской-Дзедушицкой и Адама Сераковского, важным занятием крымских татар является работа извозчиками на железнодорожных станциях, некоторые возницы имели такой авторитет, что вояжеры предпочитали заказывать именно их услуги [428, с. 14; 435, с. 25, 39].

Жилища и гостеприимство. Значительное внимание путеше-

ственники обратили и на жилища крымских татар. Карл Качковский записал: «Татары везде нас принимали гостеприимно. Дома их чистые, украшенные полотенцами (в одном из них насчитали их 44). Они висели вокруг стен. Края рушников искусно вышиты, у богатых прибавляется к ним золото и серебро. Дома не имеют

О. Раффе. Татарские ямцики. 1837 г.

стиля, крыши построены открытыми, плоскими, служащими одновременно и потолком. Окна без стекол, только с удлиненными деревянными решетками. Вокруг стен лежат низкие диваны (скорее матрасы), покрытые перкалем, на них подушки, удобные для спинок. Весь пол застелен рогожей или грубой дерюгой, словом, их дома приятны чистотой» [424, с. 93].

К. Гейслер. Народные развлечения крымских татар. 1801 г.

Что до функционального назначения крыш, то «по ним ходят и переходят из дома в дом. Крыша также является местом, где женщины делают некоторые свои работы, такие как сушка плодов, льна и т. д. Наконец, домашний скот, возвращающийся с пастбищ, также там размещается» [424, с. 95]. Что характерно, дома с плоской крышей, так запомнившиеся вояжеру, строились исключительно в горных районах, будучи, по мнению этнографа Бориса Куфтина, лучше всего приспособленными к сейсмоактивной местности [562, с. 41].

Известен путешественнику и обычай разделять дома на женскую и мужскую половины. Гостеприимство крымских татар также очень быстро стало «общим местом» в записках польских вояжеров. Сам К. Качковский писал о нем так:

«Татары на всем Южном берегу чрезвычайно гостеприимны, еще больше, чем по ту сторону гор, потому что их редко кто посещает. Как только куда-нибудь приезжаем, сразу же сходятся люди, внимательно к нам присматриваются, каждый прикладывает руку к груди, любез-

К. Боссоли. Интерьер татарского дома. 1856 г.

но приветствуя словом «Хошкелдин!» («Счастливого прибытия!»). Ответ со стороны путника – «Хошкельдук!», и уже полное расположение с их стороны» [424, с. 99]. Что касается платы за услуги, то «ни один татарин не упоминал о плате, но и без кривляний и без благодарности принимал дары, которые ему преподносились» [424, с. 93]. Впрочем, путешественнику был известен один существенный нюанс, о котором он предупреждал читателей: «...лучше всего спать на сене, на свежем воздухе или где-нибудь на голой земле, потому что дерюги, которыми татары застилают свои дома, полные блох» [424, с. 106]. Однако даже это неудобство не ухудшило общее впечатление Карла Качковского от увиденного.

Составлявший через полвека свое «Универсальное описание Крыма» Василий Кондараки почти слово в слово повторил Карла Качковского и относительно убранства домов: «Внутреннее убранство составлял войлок, с несколькими шерстяными тюфяками, обложенными вокруг стен большими подушками» [563, с. 22], и относительно без-

Де Палдо. Татарский дом.
Из книги П. Сумарокова. 1803 г.

возмездного гостеприимства местных жителей: «В каждой деревушке Таврического полуострова приезжий во всякое время может надеяться на радушный прием со стороны поселян, их услужливость и гостеприимство. За все это поселяне не требуют вознаграждения деньгами, но любят, если их детям дарят какие-нибудь безделушки» [563, с. 14].

Эдмунд Хоецкий также оставил в целом положительные отзывы о домах крымских татар: «Несмотря на бедность татар чистотой их помещений можно засматриваться. Домик, обычно прижатый к скале, построенный в виде куба и с огородом на крыше, еженедельно белят и

моют. Комнату внутри, чистую, отбеленную, обкладывают по полу подушками и софами, стены украшают вышитыми полотенцами и скатертями. Лошади, подушки и одеяла – вот три вещи, которые татары стараются иметь наилучшими» [433, с. 40]. Подобно своему предшественнику Эдмунд Хоецкий акцентировал внимание на гостеприимстве крымских татар: «Постучав в любой дом, можно быть уверенным, что мед, молоко и фрукты тотчас будут выставлены дорогому гостю без единого требования платы за это» [433, с. 41]. Вообще, практически во всей путевой литературе «гостеприимство отмечается как общая черта всех полуостровных жителей» [162, с. 43]. В другом поселке вояжер остановился на ночь в доме местного муллы, где «внутри есть отдельная комната, предназначенная только для путешественников». Оставил Э. Хоецкий и описание этого дома: «Гостевая комната чистая, вокруг украшена коврами и диванами, под потолком развешаны шитые золотом полотенца» [433, с. 113].

Что интересно, Антоний Марчинковский впервые остановился на ночлег в крымскотатарском доме в том же поселке в Байдарской долине, что и Карл Качковский ровно за 25 лет до него. Вот как он описал первое впечатление: «Тот же вид, что и в наших крестьянских избах, только другая отделка и прочая мебелировка; прежде всего, пол устлан рогожей; вместо скамей матрасы, или софы, обитые материей, с подушками по кругу, которые служат для удобного сидения, на одной стене – полки, занавешенные шторами, на них – много подушек и одеял <...>. Но характерная вещь – это развешанные на шнурках возле потолка полотенца, вышитые цветным хлопком, будто цветами и птичками <...>. Окошки маленькие, низкие, без стекла, отверстие только было перегорожено тремя деревянными досками <...>. Перед домом, на столбах, навес» [433, с. 124–125]. Так же как и Карл Качковский,

*Н. Чернецов. Татарский дворик
в Крыму. 1830-е гг.*

К. Гейслер. Татарки. 1801 г.

Антоний Марчинковский наблюдал разделение дома на мужскую и женскую («geniseon» по терминологии вояжера) части.

Эдвард Павлович внутри традиционного жилища не побывал, однако оставил небольшое описание внешнего вида поселения: «Деревни татарские, расположенные обычно на склонах гор, — из глины и обломков скал — по-

строены таким образом, что нижнюю их часть составляет помещение, а верхнюю — террасы, на которых, как в полуденной Италии, нередко видны грядки овощей или кустарники» [434, с. 21].

Женщины и девушки. Поскольку по мусульманским обычаям женщин в крымскотатарских поселениях приходилось прятать от глаз чужеземцев, то вполне понятен интерес польских путешественников к этой стороне жизни крымских татар.

Проявил интерес Карл Качковский: «Их женщины очень заняты хозяйством. За этим их чаще всего и можно видеть, тогда они не так тщательно закрываются. Заинтересовавшись лицами татарок, я встал у зеркала и по отражению пристально всматривался в невестку, хлопотавшую по дому <...>. Все татарки красят волосы красно-коричневой краской. Для этого они употребляют порошок, называемый киноу, который торговцы привозят в Крым из Константинополя. Надо признать, что темно-кирпичный цвет волос не очень помогает украшению лица» [424, с. 99–100].

Эдмунд Хоецкий был гораздо основательнее в своих воспоминаниях. «Татарские женщины, насколько их можно видеть, прекрасные, черноволосые, с большими темными глазами, которые блестят как угли из-под накиннутых на них белых пелерин. Замужние дамы обрезают косы и завивают голову белым платком, концы которого свисают до колен. Девушки заплетают волосы в бесчисленное количество тонких косичек и разбрасывают их по плечам. На голове носят малень-

кую феску или красную шапочку, обшитую золотыми и серебряными монетами» [432, с. 44]. Обрисовал путешественник также и тенденции в моде крымских татарок: «Все любят бижутерию и различные женские украшения. Девушки и женщины, мужья которых дали обет воздержания, не используют белила и различные мази. Зато все замужние рисуют брови и ресницы черным, лицо смазывают белым и красным, ногти на руках и ногах, как и пятки – темно-желтым. Характерная вещь, что с недавних пор татарки начинают медленно вводить некоторые изменения в одежде, некогда бывшие неприемлемыми. Жительницы Бахчисарая ежегодно изобретают какие-то новые моды, а крестьянки, насколько возможно, стремятся им подражать» [432, с. 44–45]. Э. Хоецкий, единственный из польских вояжеров, остановился на некоторых свадебных обрядах крымских татар. В частности, он описал обычай выплачивать приданое просом, причем гора зерна должна быть выше роста невесты. Поэтому некоторое время назад постепенно начали отказываться от традиции в пользу фиксированной меры проса, поскольку шансы на замужество у невысоких девушек оказывались малы [432, с. 45]. Однако лично на восточной свадьбе вояжер не присутствовал, что позволяет усомниться в приводимых им сведениях, поскольку историк Глеб Бонч-Осмоловский в работе «Брачные обряды татар горного Крыма» утверждал, что основу приданого составляли ткани и домашняя утварь [564].

Де Палдо. Татарская свадьба. Из книги П. Сумарокова. 1803 г.

Антоний Марчинковский во время вояжа так ни разу и не увидел кого-то из крымскотатарских женщин вблизи, поэтому вынужден был довольствоваться описаниями других путешественников, в частности Олимпиады Шишкиной [565, с. 123–124], в чем он сам признался. Характерно, отмечал путешественник, что даже княжны не знают никакого другого языка, кроме татарского, не видят никого, кроме членов семьи, и, по их собственному выражению, «имеют в жизни три гроба – один в доме отца, второй – в доме мужа, а третий, собственный гроб, – в земле» [433, с. 135]. Вояжеру пришлось лишь заочно жалеть мусульманских женщин и «оплакивать» их судьбу с позиций «свободного» человека [433, с. 135–137].

Что до путешественников эпохи реализма, то крымскотатарская этнография в целом и положение женщин в частности не входили в число явлений, достойных их внимания.

Танец дервишей. Одним из наиболее впечатляющих зрелищ, связанных с обычаями и традициями крымских татар, которые наблюдали польские путешественники, стал танец дервишей в Бахчисарае. Поскольку подобные явления привлекали наибольшее внимание в эпоху Романтизма, неудивительно, что именно Эдмунд Хоецкий и Антоний Марчинковский описали его.

По словам Э. Хоецкого, «когда должна начаться их служба, собираются десятком и становятся плечом к плечу в очень тесный круг. В то же время тонким протяжным голосом начинают петь молитвы <...>

П. Свинын. Служение дервишей. 1824 г.

медленно начинают перегибаться то в одну, то в другую сторону, скоро их движения становятся все быстрее, наконец, стремительно наклоняясь то вперед, то назад, чуть не ударяясь о землю головой, издают пронзительный гортанный звук попеременно на низких и высоких тонах <...>. Так долго рычат, прижимаясь

друг к другу, порой можно только услышать громкий возглас одного из них в поощрение их движений, или носовой и плаксивый голос старшего, который во время того странного богослужения поет непрерывно, наконец, захлебываясь от усталости и крика, падают один за другим на землю, еще некоторые продолжают из последних сил, но скоро и эти, измученные, присоединяются на полу к своим предшественникам. Дервиши отдыхают минуту, после чего покидают мечеть» [432, с. 140–141]. Аналогичными танцу автор считал радения еврейской секты хусситов и христианских конвульсионистов.

Вот как описал танец А. Марчинковский: «Проходит он так: дервиши стоят кругом на расстеленном одеяле, один поет, остальные хором повторяют за ним «Аллах!». Сначала ничего, но по мере того, как сердца этих набожных мужей зажигаются молитвой, их голоса начинают хрипнуть; потом они сходят с одеяла, берутся за руки по нескольку и кричат «Аллах!». Потом крик превращается в нечто ужасное: кажется, что слышишь лай шакала и вой волка; раскрытые глаза их светятся неистово, их лица то бледнеют, то наливаются кровью, на губах выступает пена. Ужас охватывает свидетелей!» [433, с. 184–185]. Впрочем, признается вояжер, сам он этого странного танца не наблюдал, ограничиваясь сбором впечатлений других путешественников.

В общем, воспоминания польских вояжеров целиком подтверждают меткое замечание русского путешественника и журналиста Павла Свиньина о танце дервишей, говорившего: «...трудно описать это странное зрелище, а еще того затруднительней <...> изъяснить сущность его» [566, с. 329].

Крымские караимы

Происхождение и история. Эдмунд Хоецкий уделил значительное внимание истории караимов в целом. «Едва все раввинисты утверждают, что их обособление относится к 750 году по Христе, они же утверждают, что существовали еще перед первым разрушением иерусалимского храма под названием Общества сыновей Иудеи, и позже они названы караитами, чтобы отличаться от талмудистов <...>. Их история делится на три эпохи: первая – от Симеона Бен-Шетака, который вынужден был бежать из Алексан-

дрии в 106 году до Христа, чтобы избежать преследований Александра Янеуса, и потом, когда опасность миновала, вернулся и проповедовал в Иерусалиме, вторая – от Анана, который в 750 году по Христе был их главой в Вавилоне, и третья – от Гелелиаса-Бен-Дон-Дависа, который в XV веке организовал путешествие из Лиссабона в Константинополь с целью объединения своих единоверцев с евреями <...>. В истории Польши нет точной даты прибытия их в нашу страну» [432, с. 197–199].

Что до Антония Марчинковского, то он пересказывает раннюю историю караимов не только по схеме своего предшественника, но и фактически его словам [433, с. 197], что делает очевидным вторичность материала у обоих путешественников, заимствованного из третьего источника. Однако есть у него отдельно выписанная история прибытия караимов в Крым. Опираясь на русские летописи и находки караимского патриарха Авраама Фирковича, А. Марчинковский заключил, что легенды о переселении караимов в Крым во времена хазарского господства имеют под собой историческую почву [433, с. 200–203]. Другие путешественники не сочли нужным углубляться в этот вопрос.

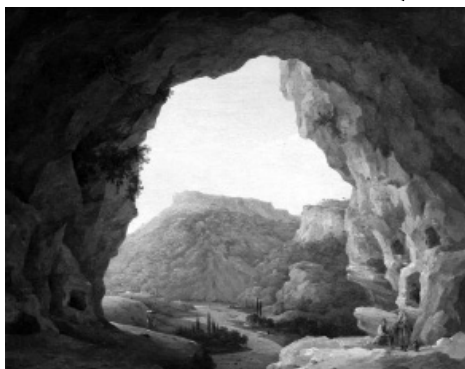
Вопрос о происхождении караимов, равно как и вопрос об их появлении в Крыму, является не менее дискуссионным, нежели вопрос

К. Боссоли. Караимское кладбище. 1856 г.

о происхождении крымских татар. На сегодняшний день вполне очевидно, что материалы, на которых базировали свои рассуждения польские вояжеры, либо недостоверны, либо вообще сфальсифицированы. Ныне все больше сомнений в том, что караимы появились в Крыму во времена хазар, как считали не только путешественники, но и российские тюркологи Василий

Н. Чернецов. Вид в Крыму на речку Кача. 1830-е гг.

Григорьев и Василий Смирнов. Скорее всего, крымские караимы ведут свое начало от еврейских торговцев, поселившихся на полуострове после завоевания его монголами [567, с. 258].

Религия и священники. Отличия караимов от евреев составляли едва ли не главный предмет интереса польских вояжеров, которые, впрочем, все равно пользовались в своих произведениях именно еврейской терминологией (например, называя кенассу синагогой).

Как об этом писал в письме Генрик Жевуский, «караимы являются самыми чистыми исповедниками закона Моисеева, свободного от всяких предрассудков синагогальных, гостеприимные, толерантные, стремящиеся к Свету (знанию) и одновременно знакомые с европейским образом мышления, хотя так отличающиеся от нас своими обычаями» [427].

Вот что вспоминал Карл Качковский: «Молодой раввин проводил нас в синагогу. Небольшое здание, но чистое, и все в нем в порядке. Между нами состоялся разговор об их секте. Раввин рассудительно, со знанием и уверенностью говорил на караите о своем и еврейском вероисповедании» [424, с. 107]. Вот как эта разница запомнилась автору со слов священника: «Их раввины называют нас еретиками, потому что мы придерживаемся писания (кара – писание). Наша книга Аддеерет содержит простые наставления. В то время как в талмуде – три различных дискуссионных мнения» [424, с. 107].

Эдмунд Хоецкий уделил описанию еврейско-караимских различий гораздо больше места. «Евреи той секты полностью отличаются от своих единоверцев одеждой, обычаями и учтивостью <...>. Караиты выводят свое название от слова «кара», что означает «письмо». Вроде их называли так потому, что они дословно придерживались письма и не воспринимали, как евреи талмудисты, или раввинисты, уважения к талмуду или толкованиям раввинов. По той причине евреи считали их отступниками и сектантами вместе с саддукеями <...>. Однако ученые христианские писатели, которые полностью заслуживают доверия, уверяют, что уже в средние века караиты полностью отступили от науки саддукеев, а отец Бартоломео <...> утверждает, что они не признают ничего, кроме пяти книг Моисея. Кроме главных пунктов веры, упомянутых выше, караиты отличаются от раввинистов в литургии, употреблении пищи и степенях родственных отношений, запрещающих заключение брака. Кроме того, некоторые различия есть в их гражданском праве» [432, с. 197].

Довелось Э. Хоецкому также побывать в доме местного раввина: «Дом раввина стоит на небольшом возвышении сразу рядом с караитской синагогой; посреди нищих изб заброшенной крепости путешественник с изумлением заходит в слишком украшенную комнату с застеленным ковром паркетом и потолком с золочеными клеточками». О караимской синагоге: «Во дворе находится синагога, поставленная параллелепипедом, извне обнесенная таким забором,

что с улицы ее невозможно увидеть. Внутри чрезвычайная чистота и простота, на алтаре, расположенном в глубине, лежат в бархатных, шитых серебром футлярах Святые Писания из пергамента» [432, с. 201–202].

Еще больше внимания еврейско-караимским отличиям уделил Антоний Марчинковский. Кроме общих фраз о признании караимами

К. Кюгельхен. Караимское кладбище на Чуфут-Кале. 1824 г.

только Писания и непризнания традиции, путешественник составил такой перечень отличий: «Караимы имеют свои отдельные церемонии при богослужении, свой отдельный способ обрезания, другой способ считать месяца, другие правила празднования религиозных торжеств, приема пищи <...> и свои отдельные поводы для

Н. Чернецов. Вид Каралезской долины на Южном берегу Крыма. 1830-е гг.

расторжения брачных отношений. Караимы имеют право иметь четыре жены, охотно ограничиваясь одной <...>. Отличаются от евреев-раввинистов тем, что не имеют кагала. Все те различия в исповедании, поддерживаемые фанатизмом, так отделили евреев от караимов, что одни с другими не вступают в брак и даже брезгают рядом трапезничать» [433, с. 196]. Также вплоть до советской эпохи были запрещены смешанные браки караимов с крымскими татарами [567, с. 262].

Святылище караимов, по воспоминаниям вояжера, содержало «7 ламп, в память 7 дней творения. Библии еврейские были лондонского издания. Два пышных манускрипта Библии связаны в свитки и хранятся в бархатных футлярах с серебряными украшениями» [433, с. 190]. Раввина же, «о котором упоминают все путники», А. Марчинковский в тот день не встретил.

Побывала в кенассе и Елена Скимунт: «Хотя и бледные, но все же прекрасно орнаментированные ковры по восточному обычаю покрывают весь пол храма; с потолка свисает семисвечник; стены пустые, нигде нет ни скамейки, ни другого места сидения, только у алтаря стоят две опустевшие возвышения, в то время как на полностью открытом нашим взглядам алтаре мертвенно царствуют суровые знаки десяти заповедей» [429, № 201, с. 221].

Видел раввина и кенассу снаружи также и Адам Сераковский: «Нынешний раввин носит бородку и усы а-ля Генрих IV и выглядит как чернокнижник. Показал нам две шестисотлетние синагоги и очень старую, вырубленную в скале судебную залу и тюрьму» [428, с. 16].

Хозяйственные занятия. Карл Качковский записал, что днем в Чуфут-Кале остаются «одни только женщины и небольшое количество мужчин. Остальные в городе. Изю дня в день они спускаются в Бахчисарай, где имеют свои лавки или какое-то занятие» [424, с. 108].

Эдмунд Хоецкий охарактеризовал караимские занятия следующим образом: «Обычно бедные с утра до ночи кроваво работают ради выживания всей семьи. Больше всего среди них извозчиков, некоторые немного торгуют, богатые имеют собственные магазины. Никогда ни клятва, ни угроза не могли ни одного из них заставить заняться некоторыми подлыми ремеслами, которыми часто не гнушаются евреи <...>. Крымские караиты, обитавшие в Одессе, работали в оптовой торговле, и некоторые из них нажили значительных состояний, однако живут в почете у всех купцов и известны своей честностью» [432, с. 200].

Антоний Марчинковский заинтересовался занятиями караимов еще во время пребывания в Евпатории. «Торговля всего Крыма находится главным образом в руках караимов; причиной тому является совершенное знакомство с местностью, капиталы и трудолюбие, никто другой без их помощи торговать не может. Караимы занимают земли, на которых создают виноградники. Производят торг вином с Херсоном, Николаевом и Харьковом. Торговля вином доходит до почти ста тысяч рублей серебром. Другие караимы занимаются земледелием и разведением овец» [433, с. 43-44].

О. Раффе. Иосафатова долина
в Крыму. 1837 г.

Земли, благодаря которым караимы занимали ведущее место в аграрном секторе и торговле, были скуплены ими во время массовых эмиграций крымских татар [567, с. 262].

Количество. Эдмунд Хоецкий насчитал в Польше по переписи 1791 года 4296 караимов. В Чуфут-Кале их, по мнению вояжера, проживало более 500 человек, в

Евпатории – 1200, в Феодосии – 250, а в Одессе – более 300 человек [432, с. 201].

Антоний Марчинковский пишет, что из 500 семей осталось в Чуфут-Кале лишь 50 [433, с. 190]. Однако у него есть и другие цифры караимского населения: в Польше в целом – 2000 человек (100 семей в Литве, 60 семей в Ковенской губернии, 80 семей на Волыни), в Крыму – 1200, в Каире – 300, в Дамаске – 200, в Иерусалиме – 30, в Вавилоне – 100 и в Персии – 600, что в целом дает 4430 караимов. Что до Крыма и его окрестностей, то калькуляция выглядит следующим образом: в Одессе – 40 семей; в Николаеве – 25; в Херсоне – 20; в Перекопе – 100; в Феодосии – 80; в Симферополе – 30; в Севастополе – 40, в Бахчисарае – 15 и в Евпатории – 400, в целом составляет 885 караимских семей [433, с. 194–195]. Документально подтвержденная динамика роста числа караимов выглядела так: в 1795 году – 2,3 тыс. человек, в 1850 – 4 тыс. [568, с. 120–125].

В начале XX века город Чуфут-Кале полностью опустел. Анна Воланьская-Дзедушицкая увидела лишь один дом и «пару женщин и девушек с непокрытыми лицами сильно семитского типа <...>. И что узнала? Это есть единственный дом и единственная семья, живущая в целом Чуфут-Кале!» [435, с. 36].

Одежда. Эдмунд Хоецкий кратко записал: «Их одежда мало отличается от татарской» [432, с. 200]. Антоний Марчинковский был значительно детальнее: «Волынские караимы носят бороду и пейсы, но одеваются как литовцы, по-польски, так, как чиншевая шляхта» [433, с. 194]. «Новороссийские караимы, будучи крымского происхождения, одеваются по-татарски и живут как татары, наряд их обычно состоит из длинного матерчатого шлафрока, подпоясанного широким ремнем из ясного шелка, на который надевается суконное платье с широкими рукавами на манер поповской рясы. На голове – овчинная шапка. Старшие носят бороду, младшие бреются. Некоторые молодые или целиком, или частично одеваются по-европейски. В таких городах, как Николаев или Одесса, одеваются по-европейски, оставляя, однако, свои круглые шапочки, отличающие их от других народов» [433, с. 195]. Анна Воланьская-Дзедушицкая наблюдала на Чуфут-Кале «какого-то господина с длинной седой бородой, в чистом халате с широким ремнем и разновидностью ермолки на голове» [435, с. 36].

Язык. «Речь турецкая, – писал о караимах Генрик Жевуский, – есть их материнский язык, язык же еврейский является для них только языком научным и теологическим, известным исключительно их духовенству» [427]. По поводу караимского языка Эдмунд Хоецкий был весьма лаконичен: «Большое количество татарских слов, которые употребляют караиты, прижилось в Польше» [432, с. 199]. Антоний Марчинковский записал, что «караиты говорят на татарском, на диалекте, который они сами называют «чагатайский». На том языке разговаривают они и в Галичине. Кроме Галичины, общества караимов, вне Российской империи, находятся в Константинополе, Каире и Гиче над Евфратом. Караимы константинопольские разговаривают на греческом, каирские и гичские – на арабском» [433, с. 195].

Современное состояние. Во времена пребывания путешественников эпохи Романтизма в Крыму вопросы, связанные с караимами, были широко обсуждаемыми в польском обществе. Так, например, Карл Качковский говорил чуфуткальскому раввину: «Сожалено, что вы не знали Чацкого, который о вас писал так основательно, а в некоторых местах с гордостью. Тогда бы вы его полюбили. Думаю, вам хорошо будет познакомиться с произведениями Чацкого о евреях» [424, с. 107]. Вояжеры не обходили молчанием и современное им состояние караимского населения. Вот что писал Эдмунд Хоецкий: «Старейший их раввин

постоянно проживает в Чуфут-Кале, и в чрезвычайных случаях караиты из Одессы, Волыни и Подолья приходят к нему за советом <...>. В Галичине правительство освободило их от налогов, обязательных для евреев, и предоставило права, которыми пользовались христиане» [432, с. 199–200].

Антоний Марчинковский привел целую хронологию привилегий, которые были дарованы караимам в Российской империи. Вспомнил он рескрипт 18 июня 1795 года Екатерины II, которым караимы выводились из-под двойного налогообложения

О. Раффе. Караимы Феодосии. 1837 г.

взамен на запрет принимать в свои общины евреев-талмудистов. Во время переписи 1804 года в Таврической губернии караимы записывались отдельно от евреев. В 1827-м был приостановлен набор рекрутов из числа караимов, окончательно этот набор был отменен 14 июня 1828 года Постановлением от 20 ноября 1829 года, запрещавшее евреям проживать в Николаеве и Севастополе, делало исключение для караимов. 13 апреля 1835 года караимам подтверждалось право пользоваться как общеврейскими, так и своими особыми привилегиями. Наконец, в 1837-м права караимского духовенства были приравнены к правам мусульманского, назначен председатель всех караимов – гахам, а в Евпатории создан своеобразный синагог – Таврическое караимское духовное правление; священники были освобождены от всех налогов, а купцам-караимам с 19 декабря 1839 года разрешено нанимать на работу христиан, что строго запрещалось евреям [433, с. 207–209]. Все сведения о языке, одежде и современном состоянии крымских караимов, приводимые польскими путешественниками, вполне соответствуют сегодняшним представлениям.

Другие национальности

Количество народов, упомянутых в записках путешественников, существенно разнится. Так, например, Эдвард Павлович называет всего семь этносов, а в воспоминаниях Эдмунда Хоецкого насчитывается более шестидесяти этнонимов. Но лишь некоторым народам посвящено больше, нежели пара строк.

Крымские цыгане. Их описал лишь Эдмунд Хоецкий. «При выезде из Чуфут-Кале вдруг нам встретилась стая цыган разного возраста, пола и внешности. Лица их дикие и унылые <...>. Почти все несли разнообразные музыкальные инструменты и просили, чтобы им разрешили играть. Обычно путники соглашались на это, желая послушать цыганские мелодии. Сразу ничего невозможно было разобрать, такая путаница беспорядочных звуков, в которых громче звучали бубны с колокольчиками, скоро, однако, из этого беспорядка стал проявляться <...> танец качучу. Как этот танец до-

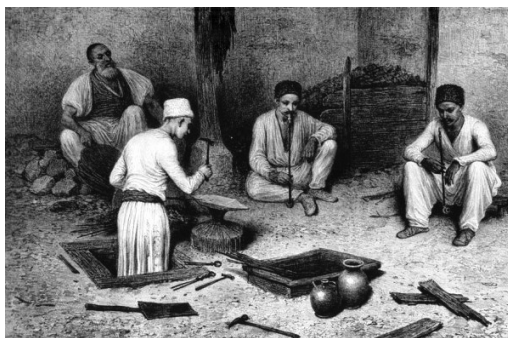

К. Гейслер. Крымские цыгане. 1801 г.

брался так далеко, или он происходит из ряда цыганских танцев, или же эти путешественники научились ему, слушая шарманку, которая играла в Симферополе или Бахчисарае, невозможно с уверенностью узнать, тем более что крымские цыгане говорят на языке, понятном только для них самих» [432, с. 211–212].

Это утверждение должно быть подвергнуто сомнению, поскольку известно, что цыгане-«элекчи», чаще всего игравшие на музыкальных инструментах, подверглись наибольшей «языковой и культурной ассимиляции со стороны крымских татар» [569, с. 247]. Андрей Мальгин подчеркивает, что эти «цыгане были едва ли не первыми, кто стал в Крыму кормиться исключительно за счет туристов: они выклянчивали подаяние или сопровождали посетителей Успенского монастыря и Чуфут-Кале игрой на музыкальных инструментах, приводившей иных путешественников в отчаяние» [162, с. 29].

Русские. Этому народу, как и всем последующим, характеристику

О. Раффе. Цыгане-кузнецы. 1837 г.

дал Антоний Марчинковский по результатам наблюдений в Евпатории. «Русские – либо оставшиеся на службе, или отставные чиновники, или, наконец, дворяне, имеющие здесь некоторую недвижимость; уволенные солдаты, отчасти мещане и казенные крестьяне занимаются

здесь разнообразными промыслами» [433, с. 41].

Греки. «Греки – торговый род, в полном смысле этого слова. Напоминают они давние эмпории эллинов, разбросанные в землях скифов над берегами Эвксина. Однако среди них есть много ремесленников, как-то: золотники, особенно пекари и цирюльники, неизбежные для исповедников Корана, потому что много татар, подобно туркам, бреют себе голову. Многие греки являются турецкими подданными; живут они здесь по паспортам, часто по несколько лет, не обремененные никакими городскими повинностями» [433, с. 41].

Это неудивительно, если вспомнить, что под занавес XVIII века большинство местных греков были вынуждены переселиться в окрестности Мариуполя, подчинившись программе графа Петра Румянцева по выселению христиан из Крымского ханства, а их место заняли приезжие из Греции [570, с. 205]. Впрочем, пришедшие греки несли в Крыму также и военную службу, о чем упоминает Густав Олизар: «...бременем для туземцев была организация Балаклавского греческого батальона, которому поручена охрана морского берега. Греки принесли сюда из своего отечества сильный антимусульманский фанатизм и стали, благодаря этому, настолько неудобными соседями для татар, что те в значительном количестве случаев предпочитали удалиться» [422, с. 107].

П. Свинын. Крымская гречанка. 1824 г.

П. Свинын. Крымский грек. 1824 г.

К. Гейслер. Арнауты в Крыму. 1807 г.

Армяне. «Армяне в торговле и промыслах ничем не уступают грекам. Принадлежат они к двум религиозным конфессиям. Первая – армяне григорианской секты, которые в незапамятные времена вышли из настоящего армянского края и терпели, при ханской власти, многочисленные преследования <...>. Вторая – армяне-католики, которые живут в Евпатории с генуэзских времен, они охотно занимаются той же торговлей, что и те армяне, однако они богаче и все делают по более высоким ставкам <...>.

Много молодежи греческой и армянской занимаются перевозкой товаров и пассажиров с кораблей в порт. Молодежь эта отличается ровностью черт и красотой больших черных южных глаз» [433, с. 41–42]. Интересно, что различия между армянами-григорианами и армянами-католиками были так значительны, что выселялись они из Крыма в 1778 году (а затем заселялись обратно) разными маршрутами: католики – вверх по Днепру, григориане – к устью Дона [571, с. 223].

Евреи. «Евреи-талмудисты ничем не отличаются от других своих братьев, проживающих в России, они бедные, неряшливые, занятые портняжным ремеслом, шитьем, кузнечным делом и факторной торговлей. Синагога их вполне соответствует внешности своих благочестивых исповедников талмуда» [433, с. 42]. Вполне возможно, что под именем евреев Антоний Марчинковский понимал крымчаков, однако сам этот этноним в его работе не встречается.

*Таким образом, хотя польские путешественники, особенно во-
яжеры эпохи Романтизма, сосредоточили свое внимание на на-
блюдении за «экзотическими» народами – крымскими татарами
и караимами, – мимо их внимания не прошли и представители*

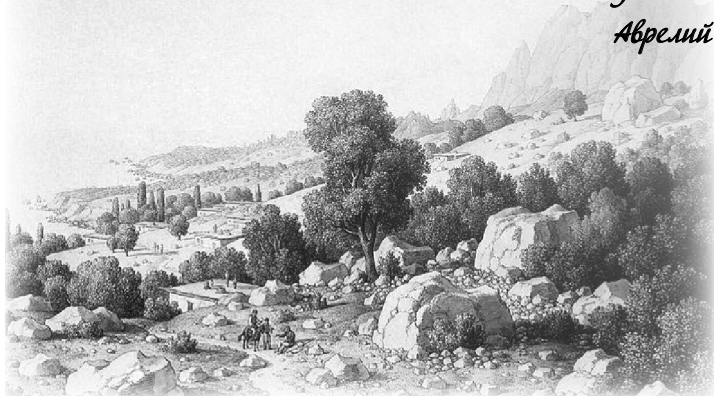
других этносов, проживавших на полуострове. Каждой национальности была дана более или менее объективная характеристика, а сведения о быте и мировоззрении крымских татар и караимов и сегодня являются важным источником по этнографии.

* * *

Записки польских путешественников о Крыме тем и хороши, что полуостров в них представлен отнюдь не однобоко. Развернутые сухие описания эпохи Просвещения сменяются яркими художественными текстами эпохи Романтизма, на смену которым приходят краткие записи вояжеров-реалистов. Ранние произведения наполнены неистребимым духом «прогрессорства», в них Крым предстает ареной будущей продуктивной деятельности иностранных колонистов, а местное население – варварами, зато в позднейших трудах Таврида принимается как она есть – экзотичная, местами дикая, населенная неведомым, но благородным народом. Воспоминания первых путешественников тесно привязаны к одиноким скрипучим мажарам и неудобным седлам, а последние туристы широко пользуются преимуществами, предоставляемыми железной дорогой и регулярным дилижансным сообщением. Перед глазами одних – дикая природа и дух отшельничества, другие видят прекрасные дворцы и комфортабельные отели. Полуостров во всем его многообразии – транспортная инфраструктура, города и села, памятники культуры и архитектуры, местные народы, наконец, – все это мы можем видеть глазами польских путешественников на протяжении всего «долгого девятнадцатого столетия». Ни одна мало-мальски значимая деталь крымской истории или современности не прошла мимо них, ни одно выдающееся событие не было обойдено их вниманием. В конечном итоге весь корпус польской путевой литературы предстает перед нами «вещью в себе», самоценным и самостоятельным источником, способным раскрыть перед нами не одну увлекательную и познавательную страницу жизни Крыма.

*Мир – это книга,
и те, кто не путешествуют,
читают лишь одну ее страницу.*

Аврелий Августин

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Справедливо ли упрекать путешественника
в том, что он столько времени тратит на дорогу,
когда преодоление пути и есть предмет его странствия?*

Козьма Прутков

Историографический анализ работ предыдущих исследователей показал существенную неизученность записок польских путешественников конца XVIII – начала XX века в качестве источника по истории Крыма. К моменту написания этой книги ни отечественная, ни зарубежная историография не имели обобщающей работы по данной проблеме. Также неудовлетворительной является ситуация с изучением отдельных элементов творческого наследия польских вояжеров – не существует ни одного библиографического указателя, в котором были бы отражены имена всех поль-

ских путешественников по Крыму, их биографии малоизвестны, а более половины произведений не переведены и не введены в научный оборот. Я взял на себя ответственность впервые в историографии не только собрать, упорядочить и проанализировать всю известную информацию о польских вояжерах в Крыму, но и ввести в научный оборот ранее неизвестные материалы, что позволило обобщить наследие путешественников и рассмотреть польские путевые записки в качестве целостного самостоятельного корпуса источников по истории Крыма.

Развитие отечественной историографии, тесно связанное как с преодолением негативных последствий вмешательства идеологии в историческую науку, так и с сокращением отрыва от мировых научных стандартов, требует применения новых методологических подходов. В первую очередь это касается источников личного происхождения – необходимо признание их роли и веса как исторических источников, внимательное отношение к воздействию авторского подсознания на готовый текст и т. д. Кроме того, современные обстоятельства требуют обязательного применения междисциплинарных подходов при изучении любой исторической проблемы, в особенности для исследования записок путешественников, которые фактически являются документальной литературой в той же мере, как и художественными произведениями. На сегодняшний день отечественная историография крайне медленно продвигается в вопросе разработки новых методов исследования путевой литературы.

На основе сбора, сопоставления и анализа записок польских путешественников, которые являются главными источниками данной работы, мною были составлены их оригинальная характеристика и классификация. В книге утверждается, что записки путешественников, которые, несомненно, относятся к источникам личного происхождения, не являются ни отдельным жанром, ни поджанром мемуарной литературы. Наоборот, записки вояжеров являются наджанровой категорией, объединяющей различные типы источников личного происхождения в пять групп: 1) путевые дневники; 2) собственно воспоминания из вояжа (мемуары в узком смысле слова, или «современные истории»); 3) автобиографии, в которых раскрываются подробности путешествий автора; 4) путевые письма; 5) малые литературные фор-

мы: заметки, газетные репортажи, очерки и т. д. Все они отличаются по объему, структуре, стилю, содержанию и исторической ценности, однако всех их объединяет наличие именно путевых впечатлений, что вынуждает любого исследователя использовать различные подходы к их изучению, но не забывать одновременно и о глубоком внутреннем единстве записок путешественников.

На основе объединения исторических и филологических методов исследования мною разработана схема анализа записок путешественников с учетом особенностей этой разновидности источников, включающая четыре общих приема: персональное исследование, внетекстовое исследование, текстовое исследование, исследование результата. Сводный корпус творческого наследия польских вояжеров рассмотрен в книге как комплексный источник, что также позволило воссоздать картину поэтапного познания Крыма путешествующими поляками и составить самый полный на сегодня список польских путешественников с возможностью его расширения. Именно по результатам применения всех четырех приемов исследования были выделены три этапа посещения польскими путешественниками Крыма – этап Просвещения, этап Романтизма и этап реализма – и составлен просопографический портрет польских путешественников на каждом этапе.

Первый этап – эпоха Просвещения – начинается одновременно с присоединением Крыма к Российской империи (1783 г.) и продолжается до первых десятилетий XIX века, фактически – до заграничных походов русской армии против наполеоновской Франции (1813–1814 гг.). В это время инициаторами изучения Крыма являются правительственные круги Российской империи; главной задачей исследователей – изучение истории, географии и, особенно тщательно, экономического состояния Крыма; главными исполнителями – научные экспедиции и отдельные ученые-путешественники; а главным результатом научной кампании – основательные многотомные отчеты, в которых личные впечатления вояжеров почти полностью исчезали в массиве фактического материала. Польские путешественники этого времени вполне укладывались в вышеуказанную схему – Станислав Сестренцевич-Богуш, митрополит всех Римско-католических церквей России, был президентом Императорского Вольно-экономического

общества, почетным членом Московского, Виленского и Краковского университетов, Императорской Российской академии, Медико-хирургической академии, Российского библейского общества, а также Британского общества земледелия; Ян Потоцкий, один из самых титулованных аристократов Речи Посполитой и России, состоял действительным членом варшавского Общества любителей науки, руководителем группы ученых из китайской миссии графа Юрия Головкина и почетным членом Петербургской Академии наук. Их работы внесли заметный вклад в крымоведческие студии российских академических кругов и способствовали дальнейшему развитию собственно научных исследований.

Второй этап – эпоха Романтизма – начинается под влиянием революционных событий во Франции и последующих Наполеоновских войн; в Россию идеалы Романтизма проникают после возвращения образованных русских офицеров из-за границы после победы над Наполеоном (1813–1814 гг.). В отличие от своих предшественников, изучавших Крым из прагматических или чисто научных соображений, путешественники эпохи Романтизма, откровенно пренебрегая академическим стилем первых крымоведческих работ и будучи, в большинстве своем, поэтами, писателями и журналистами, ехали на Крымский полуостров в поисках творческого вдохновения, чтобы увидеть некогда грозную цитадель крымскотатарской орды и вообще посетить «Восток в миниатюре». Густав Олизар, Карл Качковский, Адам Мицкевич и Генрик Жевуский, Эдмунд Хоецкий и, наконец, Антоний Марчинковский создавали свои записки в разных жанрах и с различными целями, однако все их произведения объединяют между собой и отличают от работ предшественников живой язык повествования, увлечение восточными мотивами Крыма и чрезвычайный интерес к «романтическим» памятникам полуострова: руинам крепостей, дворцов, древних монастырей и т. п. – при полном безразличии к поздним зданиям и событиям. Кроме того, в отличие от произведений эпохи Просвещения, написанных сухо, неэмоционально на французском языке, «романтические» записки на польском были гораздо больше распространены в польском обществе. Это приводило к трем важным последствиям: во-первых, записки вояжеров-романтиков

удовлетворяли спрос публики на информацию из недалекого, но экзотического края, во-вторых, в них фиксировалось текущее состояние крымских памятников и инфраструктуры, поэтому они значительно расширили источниковую базу крымоведческих студий, в-третьих, благодаря популяризации сведений о Крыме, записки путешественников делали полуострову определенную рекламу и стимулировали дальнейшее изучение края.

Начало третьего этапа – эпохи реализма – в Европе совпадает с массовым разочарованием населения в романтических идеалах после поражения «Весны Народов» 1848–1849 годов, а в Крыму господство нового течения было закреплено суровыми последствиями Крымской войны 1853–1856 годов. Путешественники этого времени – Елена Скимунт, Эдвард Павлович, Анна Воланьская-Дзедушицкая и Адам Сераковский – уже не имеют между собой общих черт, объединявших их предшественников в коллективы: «ученых» в эпоху Просвещения и «литераторов» (которые к тому же были тесно связаны личными отношениями) в эпоху Романтизма. Их произведения не только написаны в разных жанрах, но и не имеют общих художественных черт, разве что за исключением пристального внимания к развитию гостиничной сети в Крыму. Последние три вояжера вообще могут быть идентифицированы не как «путешественники», а как «туристы». Завершение эпохи реализма в связи с началом Первой мировой войны (1914 г.) и последующими революционными событиями в бывшей Российской империи (конец 1917 г.) знаменовало собой и окончание периода интенсивных польских путешествий в Крым.

Общий биобиблиографический анализ наглядно показывает, что наибольшей популярностью Крымский полуостров пользовался у польских путешественников в эпоху Романтизма. Это прослеживается как по количеству самих вояжеров и объему их работ, так и по качеству – по детальности, многообразию тем и художественному мастерству произведений.

Никто из путешественников не смог бы увидеть, а тем более описать весь Крым в целом, кроме того, маршруты вояжеров почти никогда не совпадали, поэтому сам перечень объектов, которые польские путешественники выбрали для обозрения и описания, является чрезвычайно важным для составления «иерархии заинтересованности». Сравнивая

записки между собой, мы можем узнать, что именно из крымских событий, памятников, народов было, по мнению путешественников, стоящим внимания, а что вояжеры попросту игнорировали.

Безоговорочным лидером среди исторических периодов является время существования Крымского ханства (XV–XVIII вв.), которому посвящено наибольшее число страниц в трудах путешественников и чья политическая история и общественно-экономический уклад описаны подробнейшим образом. Постоянный интерес вызывала у путешественников и античная история (греческая колонизация полуострова), а в более поздние времена – Крымская война 1853–1856 годов. Наиболее часто упоминавшимися отдельными событиями являются крещение князя Владимира в 988 году и поход литовского князя Ольгерда на Крым в 1363 году. Меньше внимания уделяли путешественники истории раннего Средневековья и событиям последней четверти XVIII – начала XIX века.

Транспортная инфраструктура Крымского полуострова в целом характеризовалась вояжерами как неудовлетворительная (неразвита, с низким уровнем сервиса при высоких ценах и т. п.), за единственным исключением. Почти все путники с чрезвычайным восторгом отзывались о специально предназначенных для горных прогулок крымских лошадей, «что умнее всадника», которые сами выбирали путь между камнями и позволяли путешественникам чувствовать себя безопасно на краю пропасти.

Распределение интереса к Крыму с географической точки зрения выглядит следующим образом. На первом месте находится Центральный Крым (Бахчисарай, Симферополь), который посетили не менее одиннадцати вояжеров из двенадцати; второе место занимает Южный Крым (Алушта, Ялта), в котором побывали десять путешественников; третьим оказался Западный Крым (Евпатория, Севастополь) с шестью посетителями; на четвертом месте – Восточный Крым (Керчь, Феодосия), где побывали трое путников. Северный Крым, то есть крымские степи, проезжали только два путешественника.

Среди памятников культуры и архитектуры абсолютным лидером по интересу приезжих поляков был бахчисарайский ханский дворец, в глазах путешественников – главная восточная изюминка Крыма. Не меньшей популярностью пользовался «пещерный го-

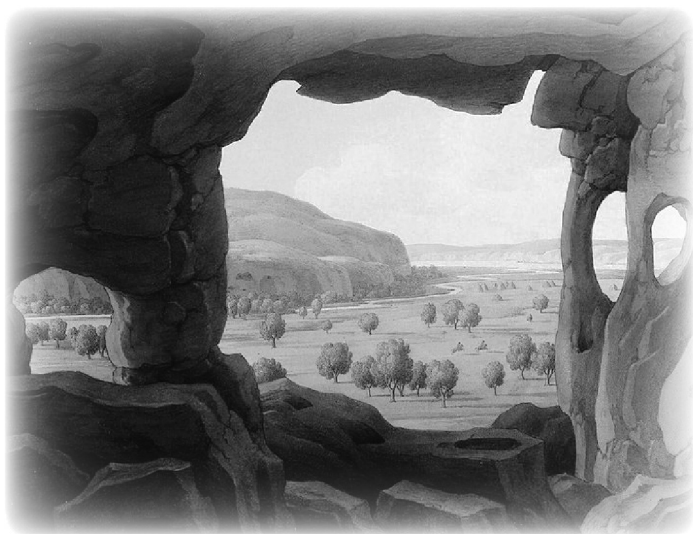
род» Чуфут-Кале. Замыкал тройку лидеров дворец князя Воронцова в Алушке. Привлекли внимание путников также Мангуп-Кале, сухие доки Севастополя и монастырь Св. Георгия. Херсонес, из-за позднего начала полномасштабных раскопок, стал аутсайдером этого списка, как и Ливадийский дворец, который не произвел положительного впечатления на посетителей.

Что касается этнографических наблюдений и выводов, то они оказались совершенно предсказуемыми. Наибольшее внимание вояжеров привлекали крымские татары, причем в путевых записках прослеживаются не только фольклорные и бытовые мотивы, но и содержатся серьезные размышления о происхождении, национальном сознании, субэтнических группах и расовых особенностях крымскотатарского населения, наблюдения над его экономической жизнью, общественным укладом и мировосприятием. Подобное внимание оказывалось путешественниками также и крымским караимам. Представителям других этносов, в том числе и полякам, проживавшим на полуострове, уделялось совсем мало внимания, либо не уделялось вообще.

Творческое наследие польских путешественников по Крыму конца XVIII – начала XX века является значительным вкладом не только в собственно крымскую, но и в польскую и европейскую культуру. Его систематизация, классификация и другие исследования позволили значительно расширить круг вопросов, связанных как с феноменом путешественников по Крыму, так и с историей Крыма в целом. Мои изыскания позволяют утверждать, что в совокупности все записки польских путешественников являются вполне самостоятельным, завершенным и самоценным корпусом исторических источников, который в значительной мере освещает вопросы истории, географии и экономики, хозяйства и инфраструктуры, культурного достояния и этнографии крымских народов. Всестороннее изучение и введение в научный оборот наследия польских вояжеров положительно повлияет на развитие не только отдельных аспектов источниковедения и историографии Крыма, но и всей отечественной исторической науки..

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
ТНУ – Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
KiW – Książka i Wiedza (wydawnictwo)
KUL – Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II
Ossolineum – Zakład Narodowy im. Ossolińskich
PAN – Polska Akademia Nauk
PWN – Państwowe wydawnictwo naukowe
SBP – Stowarzyszenie bibliotekarzy polskich
TNT – Towarzystwo Naukowe w Toruniu
UGD – Uniwersytet Gdański
UMCS – Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej
UMK – Uniwersytet Mikołaja Kopernika

ЛИТЕРАТУРА

1. Карамзин Н. Письма русского путешественника / Н. Карамзин. – М. : Правда, 1988. – 544 с.
2. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя / В. Г. Белинский // Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников / ред., предисл. и комм. С. И. Машинского. – М. : Худож. лит., 1952. – С. 340–348.
3. Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы / А. М. Скабичевский. – СПб., 1891. – 487 с.
4. Андреевский И. Путешествие Бруннера через Одессу в Крым / И. Андреевский // Библиотека для чтения. – 1836. – Т. 18. – Октябрь. – С. 152–175.
5. Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России / Н. И. Надеждин // Библиотека для чтения. – 1837. – Т. 20, отд. 3. – С. 93–136.
6. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: очерки путешествия / И. А. Гончаров. – Л. : Наука, 1986. – 879 с.
7. Вяземский П. А. Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина / П. А. Вяземский // Сочинения : в 2 т. – М. : Худож. лит., 1982. – Т. 2. – 383 с.
8. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. // Белинский В. Г. – М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959. – Т. 1. – 740 с. ; Т. 2. – 740 с. ; Т. 3. – 740 с. ; Т. 4. – 740 с. ; Т. 5. –

740 с.; Т. 6. – 740 с.; Т. 7. – 740 с.; Т. 8. – 728 с.; Т. 9. – 804 с.; Т. 10. – 474 с.; Т. 11. – 474 с.; Т. 12. – 474 с.; Т. 13. – 725 с.;

9. Пекарский П. П. Русские мемуары XVIII в. / П. П. Пекарский // Современник. – 1855. – Т. 50. – № 4. – С. 53–90; Т. 51. – № 5 – С. 29–62; Т. 52. – № 8. – С. 63–120.

10. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. / Н. Г. Чернышевский. – М.: Гос. издат. худож. лит., 1948. – Т. 4. – 997 с.

11. Водовозов В. И. Словесность в образцах и разборах / В. И. Водовозов. – СПб., 1868. – 422 с.

12. Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, анализ «Писем русского путешественника» / В. В. Сиповский. – СПб., 1899. – 578 с.

13. Сивков К. В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке / К. В. Сивков. – СПб., 1914. – 134 с.

14. Библиотека иностранных писателей о России : в 2 т. / сост. В. Семенов. – СПб., 1836–1847. – Т. 1: И. Барбаро, А. Контарини, А. Кампензе, П. Иовий. – 609 с.; Т. 2: С. Герберштейн. – 169 с.

15. Путешествия русских людей в чужие земли / сост. И. П. Сахаров. – СПб., 1837. – 139 с.

16. Путешествия русских людей по Святой земле / сост. И. П. Сахаров. – СПб., 1839. – 112 с.

17. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках / пер. с рукописей и изд. В. Любич-Романович. – СПб., 1843. – 99 с.

18. Сказания иностранных писателей о России, изданные Археографической комиссией / Императорская Археографическая комиссия; председ. А. С. Норов. – СПб., 1851–1868. – Т. 1. – 382 с.; Т. 2. – 176 с.

19. Милорадович Г. А. Иностранные сочинения о Малороссии : [библиографический указатель] / Г. А. Милорадович. – Чернигов, 1859. – 38 с.

20. Аделунг Ф. П. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений : в 2 ч. / Ф. П. Аделунг. – М., 1864. – Ч. 1. – 301 с.; Ч. 2. – 264 с.

21. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве / В. О. Ключевский. – М., 1866. – 260 с.

22. Киев в разные годы своего существования по описаниям современников и очевидцев / [уклад. невід.] // Киевские епархиальные ведомости. – 1874. – № 13. – С. 346–360.

23. Киев в I п. XVII в. по описаниям Сильвестра Косова (1635 г.), Боплана (ок. 1640 г.), Симона Старовольского (ок. 1640 г.) и дьякона Николая Циховия (1649 г.) / уклад. невід. // Киевские епархиальные ведомости. – 1874. – № 14. – С. 384–397.

24. Записки иностранцев о России в XVIII столетии : в 2 т. / пер., ред. и прим. С. Н. Шубинского. – СПб., 1874. – Т. 1: Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны. – 298 с.; Т. 2: Записки фельдмаршала графа Миниха. – 406 с.

25. Забелин И. Е. Посольские путешествия в Турцию в XVII столетии / И. Е. Забелин // Русская старина. – 1877. – Т. 20. – Сентябрь. – С. 1–33.

26. Сказания путешественников о Нижегородском крае // Нижегородский сборник / Нижегородский губернский статистический комитет ; секр. А. С. Гацисский. – Н. Новгород, 1887. – Т. 7. – С. 1–41.
27. Мемуары, относящиеся к истории Южной России : в 2 т. / пер. К. М. Мельника ; вступ. стат. и ред. В. Б. Антоновича. – К., 1890–1896. – Т. 1. – 190 с. ; Т. 2. – 439 с.
28. Сватиков С. Г. Ростов-на-Дону и Приазовский край в описаниях путешественников XVIII и первой половины XIX в. / С. Г. Сватиков // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы / под. ред. А. М. Ильина. – Ростов н/Д, 1912. – Т. 1. – С. 82–95.
29. Кордт В. А. Библиографические заметки об иностранных путешественниках по России до конца XVII века: Добавления и поправки к труду Аделунга «Uebersicht der Reisenden in Rusland» / В. А. Кордт // Ученые записки Юрьевского университета. – 1893. – № 2. – С. 55–69.
30. Минцлов С. Р. Обзор записок дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке : в 5 вып. / С. Р. Минцлов. – Новгород, 1911–1912. – Вып. 1: От скифских времен по смерть императора Павла I включительно. – 171 с. ; Вып. 2/3: Времена императоров Александра I и Николая I. – 198 с. ; Вып. 4/5: Времена императоров Александра II, Александра III и Николая II. – 115 с. ; Вып. 6 / М. С. Минцлова // Русская старина. – 1915. – Июнь – С. 1–6.
31. Бочкарев В. Н. Московское государство XV–XVII веков по сказаниям иностранцев / В. Н. Бочкарев. – Петроград, 1914. – 144 с.
32. Геннади Г. Н. Список сочинений о Крыме / Г. Н. Геннади // Вестник императорского Русского географического общества. – 1855. – Ч. 15, кн. 4, отд. 4. – I: Сочинения иноязычные (список первый). – С. 55–62.
33. Геннади Г. Н. Список сочинений о Крыме / Г. Н. Геннади // ЗООИД. – 1867. – Т. 6. – 623–644.
34. [Айналов Д. В.] Императорское Одесское общество истории и древностей и юбилейный XV том его записок (Одесса, 1889) / Д. В. Айналов // Исторический вестник. – 1890. – Февраль. – С. 457–460. – Изд. под. псевд.: А-лов.
35. Маркевич А. И. TAURICA: Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще : в 3 вып. / А. И. Маркевич // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1894. – № 20. – С. 1–395 ; 1898. – № 28. – С. 92–185 ; 1902. – № 32/33. – С. 47–128.
36. Непомнящий А. А. Историчне кримиознавство (кінець XVIII – початок XX століття): бібліографічне дослідження / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бізнес-інформ, 2003. – 465 с.
37. Смирненко Л. П. Крымское промышленное плодоводство / Л. П. Смирненко. – Симферополь : Таврия-Плюс, 2001. – Т. 1. – 992 с.
38. Бертъе-Делагард А. Л. Память о Пушкине в Гурзуфе / А. Л. Бертъе-Делагард // Пушкин и его современники : мат. и иссл. / комис. для изд. соч. Пушкина при Отд. нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. – СПб., 1913. – Вып. 17/18. – С. 77–155.

39. Голубцов В. С. К вопросу о научных принципах переиздания мемуарной литературы / В. С. Голубцов // Источниковедение истории советского общества : в 4 ч. – М. : Наука, 1968. – Вып. 2 / отв. ред. Д. А. Чугаев. – С. 367–388.
40. Никитин С. А. Источниковедение истории СССР : в 2 т. / С. А. Никитин. – М. : Наука, 1940. – Т. 2: XIX век (до нач. 90-х годов). – 226 с.
41. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях : аннот. указ. кн. и публ. в журн. : в 5 т., 13 кн. / науч. рук., ред., авт. вступ. ст. П. А. Зайончковский. – М. : Книга, 1976–1989. – Т. 1: XV – XVIII века. – 301 с. ; Т. 2: 1801–1856, ч. 1. – 367 с. ; Т. 2: 1801–1856, ч. 2. – 341 с. ; Т. 3: 1857–1894, ч. 1. – 379 с. ; Т. 3: 1857–1894, ч. 2. – 365 с. ; Т. 3: 1857–1894, ч. 3. – 375 с. ; Т. 3: 1857–1894, ч. 4. – 375 с. ; Т. 4: 1895–1917, ч. 1. – 364 с. ; Т. 4: 1895–1917, ч. 2. – 440 с. ; Т. 4: 1895–1917, ч. 3. – 440 с. ; Т. 5: Литература: Personalia, ч. 1. – 338 с. ; Т. 5, ч. 2: Дополнения к т. 1–5(XV–1917). – 544 с.
42. Лотман Ю. М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России / Ю. М. Лотман // Сравнительное изучение литератур : сб. ст. к 80-летию акад. М. П. Алексеева. – Л. : Наука, 1976. – С. 125–132.
43. Полиевтков М. А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу / М. А. Полиевтков. – Тифлис : НИИ Кавказоведения, 1935. – 233 с.
44. Кордт В. Чужоземні подорожні по Східній Європі до 1700 р. / В. Кордт // Збірник історично-філологічного відділу Української Академії наук. – Київ, 1926. – № 38. – С. 1–207.
45. Исторические путешествия: извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV – XVIII вв. / сост. В. А. Алексеев. – Сталинград: Краевое книгоизд-во, 1936. – 328 с.
46. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. Ю. В. Готье. – М. : Соцгиз, 1937. – 308 с.
47. Андреев А. И. Труды русских географов и путешественников XVII–XVIII вв. по изучению Украины и украинского народа / А. И. Андреев // Известия Всесоюзного географического общества. – 1954. – Т. 86. – Вып. 2. – С. 124–135.
48. Африка глазами наших соотечественников : (Отрывки из путевых записок XI–XIX вв.) : сб. / сост. : Ю. М. Кобищанов, Л. Е. Куббель. – М. : Наука, 1974. – 319 с.
49. Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века / сост. : И. М. Смилянская, М. Р. Рыженков и Е. И. Зеленев. – М. : Наука, 1991. – 368 с.
50. Данциг Б. М. Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси / Б. М. Данциг // Очерки по истории русского востоковедения. – М. : Наука, 1953. – С. 185–231.
51. Данциг Б. М. Русские путешественники на Ближнем Востоке / Б. М. Данциг. – М. : Мысль, 1965. – 272 с.
52. Разбегаева Л. П. Использование трудов западноевропейских путешественников как источников по истории Нижнего Поволжья XI–XV вв. в курсе истории СССР / Л. П. Разбегаева, З. М. Шарапова. – Волгоград: ВШИ, 1989. – 67 с.

53. Роботи Т. А. Литература «путешествий» / Т. А. Роботи // Русская проза : сб. ст. под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. – Л. : Academia, 1926. – С. 42–73.
54. Кучеров А. Я. Сентиментальная повесть и литература путешествий [начала XIX века] / А. Я. Кучеров // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т лит. (Пушкин. Дом). – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 5. – С. 106–120.
55. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. – М. : Учпедгиз, 1939. – 528 с.
56. Пумпянский Л. В. Сентиментализм / Л. В. Пумпянский // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т лит. (Пушкин. Дом). – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 4. – С. 430–445.
57. Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы: Публицистика. Проза. Критика / В. Г. Базанов. – М. : Гослитиздат, 1953. – 528 с.
58. Петрунина Н. Н. Декабристская проза и пути развития повествовательных жанров / Н. Н. Петрунина // Русская литература. – 1978. – № 1. – С. 27–58.
59. Михельсон В. А. «Путешествие» в русской литературе / В. А. Михельсон. – Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1974. – 108 с.
60. Прокофьев Н. И. Хождения как жанр древнерусской литературы / Н. И. Прокофьев // Вопросы русской литературы. – 1968. – Вып. 288. – С. 3–12.
61. Прокофьев Н. И. Древнерусские хождения и литература путешествий нового времени (к вопросу о преемственной связи жанров) / Н. И. Прокофьев // Актуальные проблемы литературы / Ростовский пед. ин-т ; под ред. И. Н. Сутягина. – Ростов-на-Дону, 1971. – С. 166–178.
62. Прокофьев Н. И. Хождение: путешествие и литературный жанр / Н. И. Прокофьев // Книга хождений: записки русских путешественников XI–XV вв. / сост., подг. текста, перевод, вступ. ст. и комм. Н. И. Прокофьева. – М. : Советская Россия, 1984. – С. 1–20.
63. Записки русских путешественников XVI – XVII вв. / сост., подг. текстов, комм. Н. И. Прокофьева и Л. И. Алехиной ; вступ. ст. Н. И. Прокофьева. – М. : Советская Россия, 1988. – 528 с.
64. Маслова Н. М. Путевые записки как публицистическая форма: Становление и развитие жанра «путешествия» в публицистике / Н. М. Маслова. – М. : Изд-во МГУ, 1977. – 115 с.
65. Маслова Н. М. Путевой очерк: проблемы жанра / Н. М. Маслова. – М. : Знание, 1980. – 64 с.
66. Гуминский В. М. К вопросу о жанре «путешествий» / В. М. Гуминский // Филология. – 1977. – Вып. 5. – С. 82–93.
67. Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники / В. М. Гуминский. – М. : Современник, 1987. – 286 с.
68. Ивашина Е. С. «Путешествие» как жанр русской литературы конца XVIII – первой трети XIX в. : к специфике изучения / Е. С. Ивашина // Культурологические аспекты теории и истории русской литературы / отв. ред. Л. А. Колобаева. – М. : Изд-во МГУ, 1978. – С. 50–55.

69. Ивашина Е. С. О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в. / Е. С. Ивашина // Вестн. МГУ. Сер. 9: филология. – 1979. – № 13. – С. 3–16.
70. Мальцева И. М. Записки путешествий XVIII века как источник литературного языка и языка художественной литературы (к постановке вопроса) / И. М. Мальцева // Язык русских писателей XVIII века / Ин-т рус. языка АН СССР ; под ред. Ю. С. Сорокина. – Л. : Наука, 1981. – С. 130–137.
71. Лотман Ю. М. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. – Л. : Наука, 1984. – С. 525–606.
72. Лотман Ю. М. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры / Ю. М. Лотман // Карамзин: сотворение Карамзина : ст. и иссл. – СПб. : Искусство-СПб., 1997. – 830 с.
73. Січинський В. Чужинці про Україну: вибір з описів подорожів по Україні та ін. писань чужинців про Україну за десять ст. / В. Січинський. – 5-е вид. – Авгсбург : Павлович, 1946. – 118 с.
74. Січинський В. Ю. Чужинці про Україну / В. Ю. Січинський. – Львів : Світ, 1991. – 96 с.
75. Вінтоняк О. Україна в описах західноєвропейських подорожників другої половини XVIII століття / О. Вінтоняк. – Львів – Мюнхен : Дніпрова хвиля, 1995. – 139 с.
76. Ясь О. В. Мемуаристика / О. В. Ясь // Енциклопедія історії України : у 10 т. – К. : Наук. думка, 2009. – Т. 6. – 784 с.
77. Said E. W. Orientalism / E. W. Said. – New York : Pantheon Books, 1978. – 636 p.
78. Саид Е. В. Ориентализм / Е. В. Саид ; пер. з англ. А. Говорунова. – СПб.: Русский Миръ, 2006. – 636 с.
79. Said E. W. Culture and imperialism / E. W. Said. – New York : Alfred A. Knopf, Inc., 1993. – 606 p.
80. Саїд Е. В. Культура й імперіалізм / Е. В. Саїд ; пер. з англ. К. Ботанової та Т. Цимбала. – К. : Критика, 2007. – 606 с.
81. Wolff L. Inventing Eastern Europe: the Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment / L. Wolff. – Stanford : Stanford Un-ty press, 1994. – 592 s.
82. Вульф Л. Винайдення Східної Європи: мапа цивілізації у свідомості епохи Просвітництва / Л. Вульф ; пер. з англ. С. Біленького. – К. : Критика, 2009. – 592 с.
83. Todorova M. Imagine the Balkans / M. Todorova. – New York – Oxford : Oxford Un-ty press, 1997. – 257 p.
84. Burke P. What is Cultural History? / P. Burke – Cambridge : Polity press, 2004. – 179 p.
85. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история / П. Берк ; пер. с англ. М. Неклюдовой // Новое лит. обозрение. – 2005. – № 75. – С. 64–91.
86. Adams P. O. Travellers and Travel Liars, 1600–1800 / P. O. Adams. – New York : Berkeley Un-ty press, 1962. – 292 p.
87. Fussell P. Abroad: British Literary Traveling between the Wars / P. Fussell. – New York – Oxford : Oxford Un-ty press, 1980. – 256 p.

88. Keay J. *Eccentric Travellers: Excursions with Seven Extraordinary Figures from the Eighteenth and Nineteenth Centuries* / J. Keay. – London : John Nurray Publisher Ltd., 1983. – 208 p.
89. Glazer E. *The Self-Reflexive Traveler: Paul Theroux on the Art of Travel and Travel Writing* / E. Glazer // *The Centennial Review*. – 1989. – Vol. 33. – P. 106–113.
90. Porter D. *Haunted Journeys: Desire and Transgression in European Travel Writing* / D. Porter. – Princeton : Princeton Un-ty press, 1991. – 360 p.
91. Pratt M. L. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation* / M. L. Pratt. – London: Routledge, 1992. – 272 p.
92. Behdad A. *Belated travelers: orientalism in the age of colonial dissolution* / A. Behdad. – Durham : Duke Un-ty press, 1994. – 165 p.
93. Mills S. *Discourses of Difference: An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism* / S. Mills. – London – New York : Routledge, 1991. – 240 p.
94. Lawrence K. *Penelope Voyages: Women and Travel in the British literature tradition* / K. Lawrence. – Ithaca : Cornell Un-ty press, 1994. – 268 p.
95. Blunt A. *Travel, Gender and Imperialism: Mary Kingsley and West Africa* / A. Blunt. – New York : The Guilford press, 1995. – 190 p.
96. Blunt A. *The Flight from Lucknow: British Women Travelling and Writing Home from India* / A. Blunt // *Writes of Passage: Ambiguity and Contradiction in British Colonial and Post-Colonial Travel Writing* / Edited by J. Duncan and D. Gregory. – London : Routledge, 1999. – P. 92–113.
97. Ghose I. *Women Travellers in Colonial India: The Power of the Female Gaze* / I. Ghose. – New York – Oxford : Oxford Un-ty press, 1999. – 196 p.
98. Korte B. *English Travel Writing: From Pilgrimages to Postcolonial Explorations* / B. Korte. – New York : St. Martin's, 2000. – 218 p.
99. Cronin M. *Across the Lines: Travel, Language, and Translation* / M. Cronin. – Cork : Cork Un-ty press, 2000. – 198 p.
100. Schweizer B. *Radicals on the Road: The Politics of English Travel Writing in the 1930s* / B. Schweizer. – Charlottesville : Un-ty of Virginia press 2001. – 232 p.
101. Nash D. *On Travelers, Ethnographers and Tourists* / D. Nash // *Annals of Tourism Research*. – 2001. – Vol. 28. – № 2. – P. 493–496
102. *Issues in Travel Writing: Empire, Spectacle, and Displacement* / ed. Kristi Siegel. – New York – Oxford : Peter Lang Publishing, 2002. – 303 p.
103. *Gender, genre, and identity in women's travel writing* / ed. Kristi Siegel. – New York – Oxford : Peter Lang Publishing, 2004. – 320 p.
104. *The Cambridge Companion to Travel Writing* / ed. T. Youngs, P. Hulme. – Cambridge : Cambridge Un-ty press, 2002. – 356 p.
105. *Perspectives in Travel Writing* / ed. T. Youngs, G. Hooper. – Cornwall : Ashgate Publishing, 2004. – 200 p. – (Studies in European Cultural Transition).
106. Hipp M.-T. *Mythes et réalités, enquête sur le roman et les mémoires (1660–1700)* / M.-T. Hipp. – Paris : Klincksieck, 1976. – 585 p.

107. Berelowitch W. La France dans le «Grande tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIII siècle / W. Berelowitch // Cahier du Monde russe et Sovetique. – 1993. – № 34. – P.193–209.
108. Berty V. Un essai de typologie narrative des récits de voyage français Orient au XIXe siècle / V. Berty. – Paris : Harmattan, 2001. – 224 p.
109. La culture du voyage : Pratiques et discours de la Renaissance à l'aube du XXe siècle / ed. G. Bertrand. – Paris : Harmattan, 2004. – 298 p.
110. Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal: contraintes nationales et tentations cosmopolites : 1790–1840 / ed. N. Bourguinat, S. Venayre. – Paris : Nouveau Monde, 2007. – 541 p.
111. New Directions in Travel Writing and Travel Studies / ed. C. M. Andras. – Aachen : Shaker Publisher, 2009. – 370 p.
112. Афиани В. Ю. Познание России (путешествие как факт культуры и исторический источник) / В. Ю. Афиани, Л. Б. Хорошилова // Русская провинция: культура XVIII – XX вв. : сб. ст. / ред. С. О. Шмидт. – М. : Изд-во Рос. ин-та культурологии, 1992. – С.120–124.
113. Малето Е. И. Зарубежный Восток и Запад в восприятии русских путешественников / Е. И. Малето // Русская история: проблемы менталитета : тез. докл. науч. конф. (4–6 окт. 1994 г.) / Ин-т рос. истории РАН. – М., 1994. – С. 75–78.
114. Малето Е. И. Зарубежный Восток в восприятии русских путешественников / Е. И. Малето // Россия и внешний мир: диалог культур : сб. ст. / редкол.: Ю. С. Борисов (отв. ред.) и др. ; Ин-т рос. истории РАН. – М., 1997. – С. 31–40.
115. Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников XII–XV веков: Исследование. Тексты. Комментарии / Е. И. Малето. – М. : Наука, 2005. – 438 с.
116. Путешествия в Святую землю: записки русских паломников и путешественников XII – XX вв. / сост., предисл. и прим. Б. Романова. – М. : Лепта, 1995. – 256 с.
117. Святые места вблизи и издали: путевые заметки русских писателей I половины XIX века / сост. К. Ургузова ; вступ. ст. В. Наумкина ; комм. Е. Н. и Л. А. Колесовых, Ю. О. Магидсона, Е. Б. Смагиной. – М. : Восточная литература – Школа-пресс, 1995. – 365 с.
118. Родоман Б. Б. Искусство путешествий / Б. Б. Родоман // Наука о культуре: итоги и перспективы. – М. : Информкультура, 1995. – Вып. 3. – С. 79–85.
119. Кузнецова Ю. Литература путешествий как исторический источник: корреспонденция русского священника из Испании / Ю. Кузнецова // История. – 2000. – № 38. – С. 12–16.
120. Мухина Е. В. Национальные английские добродетели и пороки глазами русских писателей-путешественников XIX в. / Е. В. Мухина // Проблемы национальных характеров, менталитетов и их проявление в языке : XI науч.-метод. чтения (июнь 2001 г.) / Дипломат. акад. Мин. иностранных дел РФ. – М., 2001. – С. 61–63.
121. Канонистова З. С. Образ англичанина на страницах русских путеводителей (вторая половина XIX – начало XX в.) / З. С. Канонистова // Туризм и культурное

наследие : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. В. Черевичко. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2006. – Вып. 3. – С. 78–89.

122. Канонистова З. С. Особенности восприятия Лондона русскими путешественниками во второй половине XIX – начале XX в. / З. С. Канонистова // Туризм и культурное наследие : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. В. Черевичко. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2007. – Вып. 4. – С. 97–106.

123. Эткинд А. М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. М. Эткинд. – М. : Новое лит. обозрение, 2001. – 496 с.

124. Сухих О. Е. «Прощай, цивилизация»: переживание границы с Казахской степью русскими путешественниками XIX в. / О. Е. Сухих // Актуальные проблемы отечественной истории XVI – начала XX вв. : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. А. Сорокин. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2002. – Вып. 2. – С. 140–150.

125. Белова Г. А. Русские в стране пирамид: путешественники, ученые, коллекционеры / Г. А. Белова, Т. А. Шеркова. – М. : Алетей, 2003. – 272 с.

126. Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения : в 3 т. / С. А. Козлов. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2003–2007. – Т. 1. – 496 с. ; Т. 2. – 270 с. ; Т. 3. – 304 с.

127. Зорин И. В. Феноменология путешествий : в 8 ч. / И. В. Зорин. – М. : Советский спорт, 2004–2005. – Ч. 1: Этнология путешествий. – 128 с. ; Ч. 2: Мифология путешествий. – 256 с. ; Ч. 3: Философия путешествий. – 68 с.

128. Куприянов П. С. Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности : в 3 ч. / П. С. Куприянов // Историк и художник. – 2004. – № 1. – Ч. 1: Между правдой и вымыслом. – С. 59–73 ; 2004. – № 2. – Ч. 2: Между традицией и личным опытом. – С. 74–86 ; 2005. – № 1. – Ч. 3: Между искусством и жизнью. – С. 65–79.

129. Щербинина Н. Н. Знания о природных ресурсах России в путевых заметках путешественников XVIII в. / Н. Н. Щербинина // Годичная научная конференция 2005 г. / Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. – М. : Диполь-Т, 2005. – С. 474–476.

130. Закаблуковская Н. Н. Записки путешественников и исследователей: вторая половина XVII – XVIII вв. : хрестоматия / Н. Н. Закаблуковская. – Новосибирск : Новосибирское книжное изд-во, 2007. – 144 с.

131. Гросул В. Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века / В. Я. Гросул. – М.: РОССПЭН, 2008. – 703 с.

132. Стеценко Е. А. История, написанная в пути: записки и книги путешествий в американской литературе XVII – XIX вв. / Е. А. Стеценко ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. – М. : Наследие, 1999. – 311 с.

133. Балина М. Литература путешествий / М. Балина // Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. – СПб. : Академический проект, 2000. – С. 896–909.

134. Савченко Т. Д. Литература «путешествий» второй половины XX века: константы жанра / Т. Д. Савченко // Науч. тр. / Пятигор. гос. технол. ун-т. – Пятигорск, 2001. – № 10. – С. 49–50.

135. Сорочан А. Ю. Е. П. Блаватская и женская «литература путешествий» / А. Ю. Сорочан // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX веков : сб. ст. / под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре – Тверь : Лилия-Принт, 2006. – С. 250–256.
136. Науменко В. Г. «Здесь, на конце России исполинской...»: Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII – начала XX века / В. Г. Науменко. – Ярославль : Ремдер, 2010. – 840 с.
137. Юрченко А. Г. Христианский мир и великая монгольская империя / А. Г. Юрченко. – СПб. : Евразия, 2002. – 478 с.
138. Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография / А. Г. Юрченко. – СПб. : Евразия, 2007. – 864 с.
139. Гаджиев Т. В. Сочинение Гамба «Путешествие в Южную Россию...» как исторический источник по истории народов Северо-Восточного Кавказа: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 «История СССР» / Тамерлан Владиленович Гаджиев. – Махачкала, 1983. – 186 с.
140. Петрова И. К. «Путешествия в Персию...» Жана Шардена как источник по истории государства Сафавидов во второй половине XVII века: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» / Ирина Константиновна Петрова. – СПб., 1993. – 244 с.
141. Куприянов П. С. Русские заграничные путешествия начала XIX в.: национальные представления и проблема национальной самобытности: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00, 07.00.02 «Отечественная история» / Павел Сергеевич Куприянов. – М., 2002. – 265 с.
142. Бессарабова Н. В. Путешествия Екатерины II по России в контексте внутренней и внешней политики: 1763–1767, 1780–1787 гг.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 «Отечественная история» / Нина Вячеславовна Бессарабова. – М., 2003. – 385 с.
143. Матвеев А. В. Сухопутные коммуникации и традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья в XVIII – первой трети XX в.: по данным этнографии и археологии: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» / Алексей Викторович Матвеев. – Омск, 2003. – 338 с.
144. Афанасьева А. Э. Британские путешественницы в Восточной Африке во второй половине XIX в.: проблемы статуса и репрезентаций: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 «Всеобщая история» / Анна Эдгардовна Афанасьева. – Ярославль, 2004. – 215 с.
145. Благодер Ю. Г. Образ Китая в письменных свидетельствах российских путешественников и дипломатов XVII – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 «Отечественная история» / Юлия Гариевна Благодер. – Краснодар, 2005. – 284 с.
146. Гармаев Ж. А. Изучение истории и культуры Монголии и Тибета бурятскими учеными-путешественниками: кон. XIX – нач. XX вв.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 «Всеобщая история» / Жаргал Александрович Гармаев. – Улан-Удэ, 2005. – 191 с.
147. Сботова С. В. Рефлексия темы путешествия (пути) в художественно-философской мысли Западной Европы и России XVIII – XX вв.: дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 «Теория и история культуры» / Светлана Викторовна Сботова. – Саранск, 2005. – 150 с.

148. Белякова Н. Ю. Уильям Кокс и его «Путешествия»: Екатерининская Россия в программе английского образовательного «Grand tour» дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 «Всеобщая история» / Наталия Юрьевна Белякова. – СПб., 2006. – 442 с.
149. Задваев Б. С. Западная Монголия в трудах российских исследователей и путешественников XVIII – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» / Бадма Сергеевич Задваев. – СПб., 2006. – 202 с.
150. Черепанова Н. В. Путешествие как феномен культуры: дис. ... канд. философ. наук : 09.00.13 «Религиоведение, философская антропология, и философия культуры» / Наталья Владимировна Черепанова. – Томск, 2006. – 167 с.
151. Лебедева Л. Б. Лингвокультурные особенности картины мира Великобритании: коммуникативное поле «путешествие»: дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 «Теория и история культуры» / Людмила Борисовна Лебедева. – М., 2008. – 145 с.
152. Королева О. В. Восточный город в восприятии английских путешественников в конце XVI – первой трети XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 «Всеобщая история» / Оксана Владиславовна Королева. – Саратов, 2009. – 280 с.
153. Стефко М. С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX веков: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 «Отечественная история» / Мария Станиславовна Стефко. – М., 2010. – 196 с.
154. Наливайко Д. С. Очима Заходу: рецепція України в Західній Європі XI – XVIII ст. / Д. С. Наливайко. – К. : Основи, 1998. – 578 с.
155. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX в.) / А. А. Непомнящий ; Ин-т украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – Киев, 1999. – 212 с. – (Научно-справочные издания по истории Украины ; вып. 46).
156. Непомнящий А. А. Иностранцы путешественники о колонизации Крыма в конце XVIII – XIX веке / А. А. Непомнящий // Заселення Півдня України: проблеми національного та культурного розвитку : наук. доп. Міжнарод. наук. метод. конф. : у 2 ч. – Херсон, 1997. – Ч. 1. – С. 219–223.
157. Непомнящий А. А. Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму / А. А. Непомнящий // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму ФПУ. – Київ, 1998. – Вип. 1: Мат. III Всеукр. наук.-практ. конф. «Туризм в Україні: економіка та культура» : у 2 ч. – Ч. 2. – С. 138–144.
158. Непомнящий А. А. Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму / А. А. Непомнящий // Крымский архив. – Симферополь, 1999. – Вып. 4. – С. 35–42.
159. Непомнящий А. А. Подорожі по Криму у другій третині XIX ст. у контексті розвитку історичного краєзнавства та туризму / А. А. Непомнящий // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму ФПУ. – Київ, 1999. – Вип. 2. – С. 609–620.
160. Непомнящий А. А. Первые европейские туристы в Крыму: записки иностранных путешественников конца XVIII – первой трети XIX века / А. А. Непомнящий // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму ФПУ. – Київ, 2005. – Вип. 6. – С. 457–466.

161. Мацапура В. И. Украина в русской литературе первой половины XIX века / В. И. Мацапура. – Харьков – Полтава : ПОИППО, 2001. – 396 с.
162. Мальгин А. В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи (конец XVIII – начало XX в.) / А. В. Мальгин. – Симферополь : СОНАТ, 2006. – 352 с.
163. Крутая Т. А. Дневник ак. Гильденштедта как источник по истории Донбасса / Т. А. Крутая // Летопись Донбасса : краевед. сб. / Донецк. обл. краевед. музей. – Донецк, 1992. – Вып. 1. – С. 16–18.
164. Вальо М. «Подорож» Якова Головацького в контексті подорожньої літератури про Карпати / М. Вальо // Шашкевичіана: Маркіян Шашкевич і українське відродження / ред. Я. Д. Ісаєвич. – Львів, 1993. – С. 64–74.
165. Варварцев М. Україна в оцінках і свідченнях Заходу: французькі інтерпретації першої половини XIX ст. / М. Варварцев // Вісник Національної академії наук України. – 1996. – № 3/4. – С. 91–100.
166. Брицький П. Німецькі мандрівники і посли про Україну в історії середньовіччя і нового часу / П. Брицький // Середньовічна Європа: погляд з кінця XX ст. : мат. Міжнар. наук. конф. / Чернівецький держ. ун-т ім. Ю. Федьковича ; Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича. – Чернівці : Золоті литаври, 2000. – С. 230–233.
167. Бочан П. О. Відомості німецьких мандрівників і послів – важливе джерело історії українського народу / П. О. Бочан, П. П. Брицький // Пам'ять століть. – 2003. – № 6. – С. 4–10.
168. Федунь М. Подорожня література в західноукраїнській мемуаристиці першої половини XX століття / М. Федунь // Наукові записки Тернопільського нац. пед. ун-ту. сер. : літературознавство. – 2009. – Вип. 26. – С. 157–169.
169. Черноус С. С. Жанрова своєрідність подорожей Юзефа Ігнація Крашевського / С. С. Черноус // Вісник Житомирського державного університету : філологічні науки. – 2010. – Вип. 49. – С. 223–227.
170. Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера: Авантюрные приключения англичанок в Тавриде / Е. Н. Деремедведь. – Симферополь : СОНАТ, 2008. – 208 с.
171. Деремедведь Е. Н. Жанр путешествия в английской женской литературе / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 48. – С. 105–108.
172. Деремедведь Е. Н. Английская литература путешествий XVIII – XX вв. о Крыме: реализация процесса коммуникации / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 49. – С. 112–115.
173. Деремедведь Е. Н. Крымские травелоги англичанок конца XVIII – первой четверти XIX века в контексте жанра путешествия / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 61. – С. 101–106.
174. Деремедведь Е. Н. Культура народов Крыма в зеркале английской литературы путешествия конца XVIII – первой четверти XIX века / Е. Н. Деремедведь // Литература в контексті культури : сб. наук. праць / Донецький нац. ун-т. – Донецьк, 2005. – Вип. 15. – С. 110–120.
175. Пилигримы Крыма – 1997: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : мат. Междунар. науч. конф. / редкол.: В. П. Казарин (отв. ред.) и др. – Симферополь : Крымский архив, 1998. – 68 с.

176. Пилигрими Крыма – 1998: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : мат. Междунар. науч. конф. / редкол.: В. П. Казарин (отв. ред.) и др. – Симферополь : Крымский архив, 1998. – 176 с.

177. Пилигрими Крыма–осень 1998: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : мат. Междунар. науч. конф. / редкол.: В. П. Казарин (отв. ред.) и др. – Симферополь : Крымский архив, 1999. – 294 с.

178. Пилигрими Крыма – осень 1999: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : мат. IV крымской междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / редкол.: В. П. Казарин (отв. ред.) и др. – Симферополь : Крымский архив, 2000. – Т. 1. – 280 с. ; Т. 2. – 212 с.

179. Пилигрими Крыма – осень 2000: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : мат. V крымской междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / редкол.: В. П. Казарин (отв. ред.) и др. – Симферополь : Крымский архив, 2001. – Т. 1. – 290 с. ; Т. 2. – 312 с.

180. Пилигрими Крыма: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : сб. науч. ст. и мат. : в 3 вып. / редкол.: В. П. Казарин (отв. ред.) и др. – Симферополь : Крымский архив, 2003. – Вып. 1(6). – 199 с. ; Вып. 2(7). – 275 с. ; Вып. 3(8). – 183 с.

181. Цинал С. Мицкевич в гостях у караимов в Евпатории / С. Цинал // Пилигрими Крыма: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : сб. науч. ст. и мат. : в 3 вып. / редкол.: В. П. Казарин (отв. ред.) и др. – Симферополь : Крымский архив, 2003. – Вып. 1(6). – С. 23–37.

182. Никифоренко Н. О. Мандрівні записки Й. А. Гільденштедта як джерело з соціально-економічної історії України другої половини XVIII ст.: автореф дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07.00.06 «історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни» / Наталя Олексіївна Никифоренко. – Донецьк, 2000. – 17 с.

183. Бочан П. О. Україна в поглядах німецьких і французьких вчених, послів і мандрівників XVII – XIX ст. : автореф дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07.00.01 «Історія України» / Петро Олегович Бочан. – Чернівці, 2008. – 32 с.

184. Деремедведь О. М. Жанрові особливості англійської жіночої літератури мандрів кінця XVIII – першої половини XIX століття (на матеріалі творів про Крим) : автореф дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.04 «Література зарубіжних країн» / Олена Миколаївна Деремедведь. – Симферополь, 2008. – 24 с.

185. Chudzikowska J. Ludzie wielkiej przygody: polscy podróżnicy i odkrywcy / J.Chudzikowska, J. Jaster. – Warszawa : Wiedza powszechna, 1955. – 514 s.

186. Худзиковская Я. Люди великой отваги: рассказы о польских путешественниках / Я. Худзиковская, Я. Ястер ; пер. с польск. В. С. Кулеша и Л. В. Якубовича. – М. : Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. – 304 с., карты.

187. Бернштейн-Коган С. В. Волго-Дон: историко-географический очерк / С. В. Бернштейн-Коган. – М. : Наука, 1954. – 222 с.

188. Марков А. Были астраханского края / А. Марков. – Волгоград : Нижневолжское изд-во, 1971. – 190 с.

189. Никитин В. П. Астрахань и ее окрестности / В. П. Никитин. – М. : Искусство, 1981. – 151 с.

190. Орловская Н. К. Грузия в литературах Западной Европы XVII–XVIII веков / Н. К. Орловская. – Тбилиси : Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1965. – 314 с.
191. Алироев И. Ю. Язык, история и культура вайнахов / И. Ю. Алироев. – Грозный : Ичкерия, 1990. – 364 с.
192. Равдоникас Т. Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа: V век до н.э. – конец XVIII века / Т. Д. Равдоникас. – Л. : Наука, 1990. – 138 с.
193. Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе / Б. М. Данциг. – М. : Наука, 1973. – 432 с.
194. Белов Г. Д. Херсонес Таврический: историко-археологический очерк / Г. Д. Белов. – Л. : Гос. Эрмитаж, 1948. – 146 с.
195. Базанов В. Г. Вольное общество любителей российской словесности / В. Г. Базанов. – Петрозаводск : Госиздат Карело-Финской ССР, 1949. – 423 с.
196. Каждан А. П. Церковь в истории России в IX в. – 1917 г.: критические очерки / А. П. Каждан, С. А. Токарев, А. М. Сахаров. – М. : Наука, 1967. – 336 с.
197. Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнорезья / О. И. Домбровский // Феодальная Таврика: материалы из истории и археологии Крыма / отв. ред. С. Н. Бибигов. – К. : Наук. думка, 1974. – 213 с.
198. Формозов А. А. Пушкин и древности юга России / А. А. Формозов // Пушкин: Исследования и материалы / Ин-т рус. лит. АН СССР. – Л., 1979. – Т. 9. – С. 195–206.
199. Ивинский П. К истории русско-польских литературных связей эпохи Романтизма: А. С. Пушкин и Г. Олизар / Ю. Борсукевич, П. Ивинский // История русской литературы первой половины XIX в.: литературные направления; компаративистика. – Люблин : Muśl, 1989. – С. 59–104.
200. Медведская Л. А. Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество / Л. А. Медведская // Очерки из истории движения декабристов. – М. : Госполитиздат, 1954. – С. 296–314.
201. Ольшанский П. Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение / П. Н. Ольшанский. – М. : Соцэргиз, 1959. – 224 с.
202. Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение / О. В. Орлик. – М. : Мысль, 1975. – 191 с.
203. Хренов И. А. Очерки революционных связей народов России и Польши: 1815–1917 гг. / И. А. Хренов, В. А. Дьяков, И. С. Миллер. – М. : Наука, 1976. – 601 с.
204. Нечкина М. В. Олизар / М. В. Нечкина, С. В. Мироненко // Декабристы: биографический справочник. – М. : Наука, 1988. – 446 с.
205. Боровой С. Я. Мицкевич накануне восстания декабристов. Мицкевич в Одессе / С. Я. Боровой // Декабристы–литераторы : в 2 кн. / Ред. : В. В. Виноградов (гл. ред.), И. С. Зильберштейн, С. А. Макашин, М. Б. Храпченко. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – Кн. 1. – С. 411–474. – (Литературное наследство; Т. 60).
206. Мохнач Н. Н. Идейная борьба в Белоруссии в 30–40-е годы XIX в. / Н. Н. Мохнач. – Минск : Наука и техника, 1971. – 157 с.
207. Пушкин : Исследования и материалы : в 3 т. / под. ред. Б. В. Томашевского, М. П. Алексеева, В. Э. Вацууро. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 1. – 502 с.

208. Сапаргалиев Г. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане / Г. Сапаргалиев, В. А. Дьяков. – М. ; Алма-Ата : Наука, 1971. – 252 с.
209. Витт В. В. История польской литературы : в 3 т. / В. В. Витт. – М. : Наука, 1969. – Т. 1. – 427 с.
210. Витт В. В. Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы: пути и специфика литературного развития в XIX веке / В. В. Витт. – М. : Наука, 1983. – 317 с.
211. Будагова Л. Н. Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы первой трети XX века: художественные поиски; особенности развития / Л. Н. Будагова. – М. : Наука, 1989. – 269 с.
212. Кирчів Р. Ф. Україніка в польських альманахах доби романтизму / Р. Ф. Кирчів. – К. : Наукова думка, 1965. – 131 с.
213. Цыбенко Е. З. Тургенев и польская литература до 1917 г. / Е. З. Цыбенко. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 62 с.
214. Бялокозович Б. Родственность, преемственность, современность: о польско-русских и польско-советских литературных связях / Б. Бялокозович, В. А. Хорев. – М. : Радуга, 1988. – 350 с.
215. [Герцен А. И.] А. И. Герцен : в 2 кн. / Институт литературы (Пушкинский дом) АН СССР ; отв. ред. П. И. Лебедев–Полянский; зав. ред. И. С. Зильберштейн. – М. : Изд-во АН СССР, 1941. – Кн. 1. – 616 с. – (Лит. наследство; Т. 39–40).
216. [Герцен А. И.] А. И. Герцен : в 2 кн. / Институт литературы (Пушкинский дом) АН СССР ; Отв. ред. П. И. Лебедев–Полянский; Зав. ред. И. С. Зильберштейн. – М. : Изд-во АН СССР, 1941. – Кн. 2. – 633 с. – (Лит. наследство; Т. 41–42).
217. [Герцен А. И., Огарев Н. П.] Герцен и Огарев : в 3 кн. / Отделение литературы и языка АН СССР ; Редакция: А. М. Еголин (гл. ред.), Н. Ф. Бельчиков, И. С. Зильберштейн, С. А. Макашин. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – Кн. 1. – 938 с. – (Лит. наследство; Т. 61).
218. [Герцен А. И., Огарев Н. П.] Герцен и Огарев : в 3 кн. / Отделение литературы и языка АН СССР ; Редакция: В. В. Виноградов (гл. ред.), И. С. Зильберштейн, С. А. Макашин, М. Б. Храпченко. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Кн. 2. – 894 с. – (Лит. наследство; Т. 62).
219. [Герцен А. И., Огарев Н. П.] Герцен и Огарев : в 3 кн. / Отделение литературы и языка АН СССР ; Редакция: В. В. Виноградов (гл. ред.), И. С. Зильберштейн, С. А. Макашин, М. Б. Храпченко. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – Кн. 3. – 913 с. – (Лит. наследство; Т. 63).
220. Белявская И. М. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века / И. М. Белявская. – М. : Изд-во МГУ, 1954. – 195 с.
221. Прокофьев В. А. Герцен / В. А. Прокофьев. – М. : Молодая гвардия, 1987. – 400 с.
222. Полонский В. Материалы для биографии М. Бакунина : в 2 т. / В. Полонский. – М. : Госиздат, 1923. – Т. 2. – 1923. – 109 с.
223. Стеклов Ю. М. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность: в 4 т. / Ю. М. Стеклов. – М. : Госиздат, 1926. – Т. 2. – 270 с.

224. Щеголев П. Е. Петрашевцы в воспоминаниях современников / П. Е. Щеголев. – М. : Госиздат, 1926. – 135 с.
225. Евграфов В. Е. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев / В. Е. Евграфов. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 777 с.
226. Прокофьев В. А. Петрашевский / В. А. Прокофьев. – М. : Молодая гвардия, 1962. – 336 с.
227. Удальцов И. И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. / И. И. Удальцов. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 221 с.
228. Дьяков В. А. Польско-русские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года / В. А. Дьяков, В. Д. Королук, И. С. Миллер. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 106 с.
229. Дьяков В. А. Восстание 1863 года: материалы и документы. – М.–Вроцлав : Наука, 1963. – 762 с.
230. Дьяков В. А. Революционное подполье в Царстве Польском в 1840–1845 гг. / В. А. Дьяков, В. Сливовская, С. Кеневич // *Polskie ruchy społeczno-polityczne i życie literackie, 1832–1855.* – Wrocław : Ossolineum, 1981. – 815 s.
231. Фалькович С. М. Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50-60-х годов XIX века / С. М. Фалькович. – М. : Наука, 1966. – 244 с.
232. Балашов Н. И. Польско-русские литературные связи / Н. И. Балашов. – М. : Наука, 1970. – 497 с.
233. Цыбенко Е. З. Польский социальный роман 40–70-х годов XIX века / Е. З. Цыбенко. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 358 с.
234. Манн Ю. В. Гоголь и мировая литература / Ю. В. Манн. – М. : Наука, 1988. – 318 с.
235. Свидин И. Н. Полуостров судьбы поэта: [о Т. Г. Шевченко] / И. Н. Свидин. – Алма-Ата : Изд-во Казахстана, 1978. – 155 с.
236. Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши: 30–60 годы XIX века / А. Ф. Смирнов. – М. – Л. : Госсоецкиздат, 1962. – 427 с.
237. Козлов В. П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века / В. П. Козлов. – М. : Изд-во РГГУ, 1994. – 414 с.
238. Хорошкевич А. Л. Русь и Крым конца XV – начала XVI в. в отечественной историографии XVIII – начала XX в. / А. Л. Хорошкевич // Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 : Памяти члена-корреспондента РАН Афанасия Петровича Новосельцева ; отв. ред. Т. М. Калинина. – М., 2000. – С. 255–262.
239. Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. / А. К. Тихонов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. – 352 с.
240. Тункина И. В. Вклад поляков в становление классической археологии в России (конец XVIII – первая треть XIX в.) / И. В. Тункина // Восточная Европа: прошлое и современность : мат. науч. конф. (7 апр. 1999 г.) / под ред. Л. Д. Бондарь. – СПб., 1999. – С. 23–28.

241. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – 676 с.
242. Строев А. «Те, кто поправляет фортуна»: авантюристы Просвещения / А. Строев. – М. : Новое лит. обозрение, 1998. – 398 с.
243. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство / Г. Чхартишвили. – М. : Захаров, 1999. – 573 с.
244. Орлов В. В. Марокканские дневники Яна Потоцкого (1791): источник и его автор / В. В. Орлов // XX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки (6–7 апреля 1999 г.) : тез. докл. / СПбГУ ; под ред. Н. Н. Дьякова, А. А. Жукова, Б. Н. Мельниченко. – СПб. 2000. – С. 109–118.
245. Волков В. К. Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / В. К. Волков. – М. : Индрик, 2003. – 287 с.
246. Ланда С. С. Пушкин и Густав Олизар (из истории русско-польских литературных и общественных отношений) / С. С. Ланда // «Я вижу некий свет...». – СПб. : Наука, 1999. – 305 с.
247. Болдырев Н. Ф. Евангелие от Ржевусских (послесловие) // Боккаччо. Бомарше. Беранже. Байрон. Бальзак : Биогр. повествования / сост., общ. ред. и послесл. Н. Ф. Болдырева. – Челябинск : Урал LTD, 1998. – С. 427–454.
248. Яшин М. «Итак, я жил тогда в Одессе...» / М. Яшин // Утаенная любовь Пушкина : сб. ст. / ред. Д. М. Климова. – СПб. : Академический проект, 1997. – С. 407–462.
249. История литератур западных и южных славян : в 5 т. / Ин-т славяноведения РАН; под ред. А. В. Липагова, С. В. Никольского, Л. Н. Будаговой. – М., 1997. – Т. 3. – 886 с.
250. Дьяков В. А. Поляки на Славянском съезде 1848 г. / В. А. Дьяков // Славянское движение XIX–XX веков: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения : сб. ст. / РАН ; Лексикографический семинар кабинет «Славянский мир» ; отв. ред. М. Ю. Досталь. – М., 1998. – С. 49–57.
251. Зильберштейн И. С. Парижские находки: эпоха Пушкина / И. С. Зильберштейн. – М. : Изобразительное искусство, 1993. – 292 с.
252. Жур П. В. Труды и дни Кобзаря / П. В. Жур. – Люберцы : Люберецкая газета, 1996. – 568 с.
253. Wąsowicz A. Chersones Taurydzki: z polskich podróży po Krymie / A. Wąsowicz // Meander. – 1996. – Т. 51. – № 3/4. – С. 209–222.
254. Wołoszyński R. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych: 1801–1820 / R. Wołoszyński. – Warszawa : PWN, 1974. – 489 s.
255. Bazyłow L. Polacy w Petersburgu / L. Bazyłow. – Wrocław : Ossolineum, 1984. – 473 s.
256. Kotwicz W. Jan hrabia Potocki i jego podróż do Chin / W. Kotwicz. – Wilno, 1935. – 145 s.
257. Dzechicińska H. Jan Potocki & the writers of Enlightenment / H. Dzechicińska. – Wrocław : Ossolineum, 1990. – 154 s.
258. Ryba J. Motywy podróżnicze w twórczości Jana Potockiego / J. Ryba. – Wrocław : Ossolineum, 1993. – 178 s.

259. Piotrowski W. Horyzonty światopoglądowe «Rękopisu znalezione go w Saragossie» Jana Potockiego / W. Piotrowski. – Słupsk : Wyższa szkoła pedagogiczna, 1993. – 231 s.
260. Baumgarten L. Dekabryści a Polska / L. Baumgarten. – Warszawa : KiW, 1952. – 246 s. – (Biblioteka Historyczna ; T. 15).
261. Dworski A. «Do Hr. Olizara» Aleksandra Puszkina: próba interpretacji / A. Dworski // Acta Universitatis Wratislaviensis. – 1971. – № 129. – Z. 2. – S. 29–60.
262. Mucha B. Z dziejów «poetyckiej przyjaźni»: Gustaw Olizar i Aleksander Puskin / B. Mucha // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. – 1984. – T. 679: Prace historycznoliterackie. – № 50. – S. 229–235.
263. Kościński P. Powrót Olizarów / P. Kościński // Rzeczpospolita. – 1999. – 1 lipca. – S. 8–9.
264. Fiszman S. Z problematyki pobytu Mickiewicza w Rosji / S. Fiszman. – Warszawa : Państwowy instytut wydawniczy, 1956. – 90 s.
265. Mochnacki M. Artyzm «Sonetów Krymskich» / M. Mochnacki // Walka romantyków y klasykami. – Wrocław : Ossolineum, 1956. – 249 s.
266. Makowski S. Świat «Sonetów krymskich» Adama Mickiewicza / S. Makowski. – Warszawa : Czytelnik, 1969. – 89 s.
267. Kubacki W. Z Mickiewiczem na Krymie / W. Kubacki. – Warszawa : Państw. in-tyd-y, 1977. – 234 s.
268. Opacki I. Człowiek w sonetach przełomu (O sonetach Mickiewicza) / I. Opacki // «W środku niebokręga», poezja romantycznych przełomów. – Katowice : Para, 1995. – S. 35–36.
269. Werowska D. A. Mickiewicz na Krymie / D. A. Werowska // Kurier Wileński. – 2005. – Listopad. – № 28. – S. 4–5.
270. Gomolicki L. Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji (1824–1829) / L. Gomolicki. – Warszawa : KiW, 1949. – 374 s.
271. Kleiner J. Mickiewicz : w 2 t. / J. Kleiner. – Lublin : Towarzystwo Nauk. Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1948. – T. 1. – 622 s. ; T. 2. – 512 s.
272. Яструн М. Мицкевич / М. Яструн ; пер. с пол. А. Голембы. – М. : Молодая гвардия, 1963. – 608 с.
273. Łukasiewicz J. Mickiewicz / J. Łukasiewicz. – Wrocław : Ossolineum, 1996. – 267 s.
274. Łytkowski J. Józef de Maistre a Henryk Rzewuski: studjum porównawcze / J. Łytkowski. – Kraków : Wydaw-wo PAN, 1925. – 282 s.
275. Walicki A. Filozofia i myśl społeczna w latach 1831–1864 / A. Walicki, J. Garewicz. – Warszawa : Państw. inst. wyd-y, 1977. – 1071 s.
276. Ludwikowski R. Główne nurty polskiej myśli politycznej (1815–1890) / R. Ludwikowski. – Warszawa : PWN, 1982. – 465 s.
277. Ślisz A. Henryk Rzewuski: życie i poglądy / A. Ślisz. – Warszawa : Krajowa agencja wyd-a, 1986. – 325 s.
278. Bartnicka B. O języku Henryka Rzewuskiego / B. Bartnicka. – Kielce-Warszawa: Wydaw-wo G. Dąbkowskiego, 1996. – 173 c.

279. Bartnicka B. O języku Henryka Rzewuskiego: ciąg dalszy / B. Bartnicka. – Warszawa : TAKT, 1998. – 231 s.
280. Ropek M. Karol Kaczkowski jako lekarz i obywatel kraju / M. Ropek. – Warszawa : Ateneum, 1938. – 114 s.
281. Lisowski W. Generał profesor Karol Kaczkowski (1797–1867) / W. Lisowski. – Warszawa : Wydaw-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1986. – 73 s.
282. Zieliński A. Polskie podróże po Śląsku w XVIII i XIX wieku (do 1863 r.) / A. Zieliński. – Wrocław : Ossolineum, 1974. – 356 s.
283. Kozłowski E. Historia oręża polskiego (1795–1939) / E. Kozłowski, M. Wrzosek. – Warszawa : Wiedza powszechna, 1983. – 777 s.
284. Ciesielski S. Polacy w Kazachstanie / S. Ciesielski, A. Kuczyński. – Wrocław : Ossolineum, 1996. – 643 s.
285. Demel M. Promocja zdrowia – polskie drogi: szkoła wileńsko-krzemieniecka / M. Demel // *Gazeta lekarska*. – 1998. – № 12. – S. 24–39.
286. Durkalec J. Lekarze-pisarze w literaturze Polskiej / J. Durkalec, J. Hasik // *Nowiny Literackie*. – 2000. – № 8. – S. 170–183.
287. Ułanowski Z. Aktualne problemy zabezpieczenia medycznego sił zbrojnych / Z. Ułanowski // *Skalpel: biuletyn wojskowej izby lekarskiej*. – 2008. – № 1. – S. 16–17.
288. Stankowska H. «Alkadar» Edmunda Chojeckiego / H. Stankowska // *Zeszyty naukowe / Wyższa szkoła pedagogiczna w Opolu*. – Ser. 3: Historia literatury. – 1957. – № 1. – S. 78–97.
289. Bachórz J. Poszukiwanie realizmu / J. Bachórz. – Gdańsk : Sopot, 1972. – 351 s.
290. Bobrownicka M. Związki i paralele literatur polskiej i słowackiej / M. Bobrownicka. – Wrocław : Ossolineum, 1972. – 228 s.
291. Owczarz E. «Alkadar» Edmunda Chojeckiego: szkic problemów / E. Owczarz // *Acta Universitatis Nicolai Copernici*. – 1993. – Z. 245. – S. 23–44.
292. Markiewicz Z. Melpomena polska na paryskim bruku / Z. Markiewicz, T. Sivert. – Warszawa : PWN, 1973. – 442 s.
293. Markiewicz Z. Polsko-francuskie związki literackie / Z. Markiewicz. – Warszawa : PWN, 1986. – 515 s.
294. Sivert T. Polacy w Paryżu: z dziejów polskiego życia kulturalnego w Paryżu na przełomie XIX i XX wieku / T. Sivert. – Warszawa : PWN, 1980. – 218 s.
295. Śladkowski W. Polska obecność w kulturze Francji: XVIII – XX wiek, do 1939 r. / W. Śladkowski, M. Willaume, S. Wiśniewski. – Lublin : Wyd-wo UMCS, 1991. – 210 s.
296. Szydłowska-Ceglowa B. Polonia w Europie / B. Szydłowska-Ceglowa. – Poznań : Wydaw-wo Zakładu Badań Narodowościowych, 1992. – 745 s.
297. Gmurczyk-Wrońska M. Polacy we Francji w latach 1871–1914: Społeczność polska i jej podstawy / M. Gmurczyk-Wrońska. – Warszawa : Neriton, 1996. – 296 s.
298. Koberdowa I. Demokracja polska w Powstaniu Styczniowym: wybór źródeł / I. Koberdowa, E. Halicz, I. Radtke. – Wrocław : Ossolineum, 1961. – 168 s.
299. Nowak A. Między carem a rewolucją: studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831–1849 / A. Nowak. – Warszawa : Gryf, 1994. – 369 s.

300. Karpiński W. Polska a Rosja: z dziejów słowiańskiego sporu / W. Karpiński. – Warszawa : PWN, 1999. – 190 s.
301. Piotrowski B. Edmunda Chojeckiego wyprawa na Islandię w 1856 r. / B. Piotrowski // Materiały o Islandii. – Warszawa, 1982. – Z. 53. – 24 s.
302. Kalemekow S. Edmunda Chojeckiego «Wspomnienia z podróży po Krymie», jako dokument polskich zainteresowań Półwyspem w erze romantyzmu / S. Kalemekow, U. Kalemekowa // Крымско-польский сборник научных работ / отв. ред А. К. Гадомский. – Симферополь, 2006. – Т. 3: Дни Адама Мицкевича в Крыму : сб. ст. и мат. – С. 197–203.
303. Bachulska H. Bibliografia historii Polski XIX wieku / H. Bachulska, S. Płoski, W. Chojnacki. – Wrocław : Ossolineum, 1958. – S. 256–257.
304. Przewoska H. Parnas polski we wspomnieniu i anegdotce: od Niemcewicza do Wyspiańskiego / H. Przewoska, K. Sopoćko. – Warszawa : SBP, 1964. – 321 s.
305. Szmydtowa Z. Polska krytyka literacka 1800–1918 : materiały / Z. Szmydtowa. – Warszawa : PWN, 1966. – 468 s.
306. Stolzman M. Czasopisma wilenskie Adama Honorego Kirkowa. – Krakow : PWN w Krakowie, 1973. – 162 s.
307. Fornalczyk F. Hardy lirnik wioskowy: studium o Kondratowiczu-Syrokomla / F. Fornalczyk. – Poznań : Poznańskie wydaw-wo, 1979. – 105 s.
308. Kowalczykowa A. [Antoni Marcinkowski] // Idee programowe romantyków polskich : antologia / A. Kowalczykowa – Wrocław : Ossolineum, 1991. – S. 376–377.
309. Janion M. [Antoni Marcinkowski] // Literatura krajowa w okresie romantyzmu: 1831–1863 / M. Janion, B. Zakrzewski, M. Maciejewski, M. Dernałowicz, M. Gumkowski, S. Żółkiewski, H. Markiewicz, I. Wyczańska. – Krakow : Wydaw-wo Literackie, 1992. – T. 3. – S. 57–59.
310. Makowski S. Wernyhora: przepowiednie i legenda / S. Makowski. – Warszawa: Pamiętnik Literacki, 1995. – 268 s.
311. Markiewicz H. Polskie teorie powieści: od początków do schyłku XX wieku / H. Markiewicz. – Warszawa : PWN, 1998. – 133 s.
312. Kwapiszewski M. O twórczości Antoniego Marcinkowskiego: z dziejów środowiska literackiego «Gwiazdy» / M. Kwapiszewski // Z problemyw preromantyzmu i romantyzmu : studia i szkice / pod red. A. Aleksandrowicz. – Lublin : Wyd-wo UMCS, 1991. – S. 171–200.
313. Kwapiszewski M. Powieść i zmierzch romantyzmu: wokół refleksji krytycznoliterackiej Antoniego Marcinkowskiego / M. Kwapiszewski // Lustra historii : rozprawy i eseje ofiarowane Profesor Marii Żmigrodzkiej z okazji pięćdziesięciolecia pracy naukowej / pod red. M. Kalinowskiej i E. Kiślak. – Warszawa : Wyd-wo PAN, 1998. – S. 135–141.
314. Kwapiszewski M. Od Alberta Gryfa do Antoniego Nowosielskiego: biografia intelektualna późnoromantycznego krytyka / M. Kwapiszewski // Polska krytyka literacka XIX wieku / pod red. M. Strzyżewskiego. – Toruń : Wyd-wo UMK, 2005. – S. 170–189.
315. Kwapiszewski M. O prozie powieściowej Antoniego Marcinkowskiego / M. Kwapiszewski // Album Gdańskie: prace ofiarowane Profesorowi Józefowi Bachórzowi

na siedemdziesiątą piątą rocznicę urodzin i pięćdziesięciolecie pracy nauczycielskiej / pod red. J. Daty i B. Oleksowicza. – Gdańsk : Wyd-wo UGD, 2009. – S. 409–416.

316. Fajnhauz D. 1863, Litwa i Białoruś / D. Fajnhauz. – Warszawa : NERITON, 1999. – 357 s.

317. Swieżawski S. Wielki przełom: 1907–1945 / S. Swieżawski. – Lublin : Wyd-wo KUL, 1989. – 412 s.

319. Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej : w 11 t. / R. Aftanazy. – Wrocław : Ossolineum, 1991. – T. 2: Woj. brzesko-litewskie, nowogródzkie. – 470 s.

320. Troński B. «I w Ostrej świecisz Bramie»: śladami młodego Adama Mickiewicza / B. Troński. – Warszawa : Alfa, 1993. – 198 s.

321. Wachowicz B. Ty jesteś jak zdrowie: z Mickiewiczem nad Wilią i Świteznią, ze Słowackim w Krzemieńcu, z Orzeszkową nad Niemnem : opowieści / B. Wachowicz. – Warszawa : Rytm, 1993. – 344 s.

322. Romanowski A. Pozytywizm na Litwie: polskie życie kulturalne na ziemiach litewsko-białorusko-inflanckich w latach 1864–1904 / A. Romanowski. – Kraków : UNIVERSITAS, 2003. – 485 s.

323. Krzywicki T. Szlakiem Adama Mickiewicza po Nowogródzczyźnie, Wilnie i Kownie : przewodnik / T. Krzywicki. – Pruszków : Rewasz, 2006. – 320 s.

324. Baranowski B. Polskie zainteresowania z XVIII i XIX wieku kulturą Gruzji / B. Baranowski // Prace Wydziału II Nauk Historycznych i Społecznych Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. – 1982. – № 89. – 78 s.

325. Skubała-Tokarska Z. Historia nauki polskiej : w 3 t. / Z. Skubała-Tokarska. – Wrocław : Ossolineum, 1987. – T. 3. – 1124 s.

326. Słabczyński W. Polscy podróżnicy i odkrywcy / W. Słabczyński. – Warszawa : PWN, 1988. – 426 s.

327. Bukowski A. Waplewo: zapomniana placówka kultury polskiej na Pomorzu Nadwiślańskim / A. Bukowski. – Wrocław : Ossolineum, 1989. – 208 s.

328. Abramowicz A. Historia archeologii polskiej, XIX i XX wiek / A. Abramowicz. – Warszawa : Wyd-wo Inst. Hist. Kult. Mat. PAN, 1991. – 206 s.

329. Niedzielska M. Niemieckie towarzystwa naukowe w Prusach zachodnich w latach 1815–1920 / M. Niedzielska. – Toruń : Wydaw-wo UMK, 1993. – 210 s.

330. Kuczyński A. Polskie opisanie świata: studia z dziejów poznania kultur ludowych i plemiennych : w 2 t. / A. Kuczyński. – Wrocław : Wyd-wo Un-tu Wrocławskiego, 1997. – T. 1: Azja i Afryka. – 548 s.

331. Biskup M. Działacze Towarzystwa Naukowego w Toruniu: 1875–1975 / M. Biskup ; Towarzystwo Naukowe w Toruniu. – Toruń : Wyd-wo TNT, 2000. – 194 s.

332. Knopek J. Migracje Polaków do Afryki Północnej w XX wieku / J. Knopek. – Bydgoszcz : Wyd-wo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2001. – 372 s.

333. Podemski K. Socjologia podróży / K. Podemski. – Poznań : Wyd-wo Un-tu im. Adama Mickiewicza, 2004. – 365 s.

334. Kęcińska J. Geografia życia literackiego na Pomorzu Nadwiślańskim 1772–1920: polski i kaszubski krąg kulturowy / J. Kęcińska. – Gdańsk : Wydaw-wo Inst. Kaszubskiego w Gdańsku, 2003. – 624 s.

335. Сорочан С. Б. У истоков мифов: С. Сестренцевич-Богуш о раннесредневековом Херсонесе / С. Б. Сорочан // Материалы XI научных Сюзюмовских чтений / Уральский гос. ун-т ; отв. ред. М. А. Поляковская. – Екатеринбург, 2003. – С. 90–91.

336. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.): очерки истории и культуры / С. Б. Сорочан. – Харьков : Майдан, 2005. – 1648 с.

337. Чубіна Т. Д. Ян Потоцький: Визначні віхи життя та творчості / Т. Д. Чубіна // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Історія / За заг. ред. проф. М. М. Алексієвця. – Тернопіль, 2006. – Вип. 1. – С. 105–108.

338. Полякова И. В. Густав Олизар: по материалам польских и отечественных источников / И. В. Полякова // Крымские пенаты. – Симферополь, 1994. – № 1. – С. 65–70.

339. Архипова Е. Н. Друзья и знакомые А. С. Пушкина в доме Ришелье (1820–1825 гг.) / Е. Н. Архипова // Пилигримы Крыма – 1997: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : мат. Междунар. науч. конф. / редкол.: В. П. Казарин (отв. ред.) и др. – Симферополь : Крымский архив, 1998. – С. 3–4.

340. Єршов В. О. Густав Олізар – поет, перекладач, мемуарист / В. О. Єршов // Актуальні проблеми історії і літератури Волині та Київщини : зб. наук. пр. : у 2 ч. / за ред. В. О. Єршова. – Житомир, 1999. – Ч. 1. – С. 150–163.

341. Богданова Н. В. Густав Олизар – владелец имения «Кардиатрикон» в Артеке (1823–1832 гг.) / Н. В. Богданова // Крымско-польский сборник научных работ / отв. ред А. К. Гадамский. – Симферополь, 2004. – Т. 1: Дни Адама Мицкевича в Крыму : сб. ст. и мат. – С. 103–104.

342. Минчик С. С. Крымская встреча А. С. Грибоедова и А. Мицкевича : была ли она? / С. С. Минчик // Крымско-польский сборник научных работ / отв. ред. А. К. Гадамский. – Симферополь, 2004. – Т. 1: Дни Адама Мицкевича в Крыму : сб. ст. и мат. – С. 135–140.

343. Громенко С. В. Густав Олизар и его воспоминания как источник по истории Крыма / С. В. Громенко // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 15. – С. 156–168.

344. Мицкевич и Крым: библиографический указатель / Сост. В. Т. Федорова ; Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко. – Симферополь, 1998. – 14 с.

345. Кондрашенко Л. Прихоть полубога: к 175-летию путешествия по Тавриде Адама Мицкевича / Л. Кондрашенко // Брега Тавриды. – 2000. – № 6. – С. 145–147.

346. Бугаева И. С. «...К тому же еще и поэт»: к вопросу о пребывании Адама Мицкевича в Крыму / И. С. Бугаева // Крымско-польский сборник научных работ /

отв. ред А. К. Гадамский. – Симферополь, 2004. – Т. 1: Дни Адама Мицкевича в Крыму : сб. ст. и мат. – С. 105–107.

347. Коньков П. В. Путешествие А. Мицкевича по Крыму. Обзор и анализ основных источников фактических сведений: перспективы дальнейших исследований / П. В. Коньков // Крымско-польский сборник научных работ / отв. ред А. К. Гадамский. – Симферополь, 2004. – Т. 1: Дни Адама Мицкевича в Крыму : сб. ст. и мат. – С. 108–114.

348. Савчук И. Генрих Ржевуский – блеск и горечь славы / И. Савчук. – Житомир: Рута, 2004. – 172 с.

349. Громенко С. В. Граф Воронцов в воспоминаниях польских путешественников по Крыму в XIX веке / С. В. Громенко // Воронцовы и русское дворянство : X Крымские Междунар. Воронцовские науч. чтения : сб. докл. / сост. Г. Г. Филатова. – Симферополь : Н. Оріанда, 2008. – С. 24–33.

350. Навроцкий В. Польские аргонавты шествуют по Крыму / В. Навроцкий // Пилигримы Крыма – 1997: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : мат. Междунар. науч. конф. / редкол.: В. П. Казарин (отв. ред.) и др. – Симферополь : Крымский архив, 1998. – С. 60–67.

351. Навроцкий В. Дневник польского врача: год 1825-й / В. Навроцкий, И. Неяченко // Крымский альбом : историко-краеведческий и литературно-художественный альманах, 1998. – Феодосия : Коктебель, 1998. – С. 88–89.

352. Навроцкий В. Казачья вежа XVII века в горах Южнобережья / В. Навроцкий // Зеркало недели. – 2002. – № 31(406). – 17 августа. – С. 12–14.

353. Навроцкий В. Поляки в Крыму два століття тому / В. Навроцкий // Кримська світлиця. – 2003. – 5 дек. – С. 3.

354. Кизилев М. Караймская община г. Гезлева (Евпатории) в XVIII – XIX вв. по свидетельству очевидцев / М. Кизилев // Тирош: труды по иудаике : сб. ст. / ред. Л. Коган, Я. Лобков. – М. : Сефер, 2001. – Т. 5, вып. 5. – С. 245–256.

355. Громенко С. В. До біографії польського мандрівника Карла Качковського / С. В. Громенко // Культура народів Причорномор'я. – 2010. – № 177. – С. 196–197.

356. Нудьга Г. А. Українська дума і пісня в світі : в 2 кн. / Г. А. Нудьга ; Ін-т народознавства НАН України. – Львів : [б.в.], 1998. – Кн. 2. – 510 с.

357. Кирчів Р. Ф. Донаукові зацікавлення українським фольклором та етнографією / Р. Ф. Кирчів // Народна творчість та етнографія. – 2005. – № 1. – С. 40–66.

358. Баранов В. І. Е. Хоєцький: короткий нарис життя / В. І. Баранов // Хоєцький Е. Спогади з подорожі по Криму. – Симферополь : Симферопольская городская типография, 2008. – С. 289–292.

359. Громенко С. В. Спогади польського мандрівника XIX ст. Едмунда Хоєцького як джерело до вивчення пам'яток історії та культури Криму / С. В. Громенко // Другі Зарембівські читання : мат-ли Других Всеукраїнських Зарембівських наук. читань: «Українське пам'яткознавство: сучасні проблеми та тенденції» (22 січня 2009 р.) : зб. наук. ст. / гол. ред. кол. О. М. Титова ; Центр пам'яткознавства НАН України та УТОПК. – К., 2009. – С. 61–70.

360. Баженов Л. В. Поділля в працях дослідників і краєзнавців XIX – XX ст. / Л. В. Баженов. – Кам'янець-Подільський : Кам'янець-Поділ. міськ. друк, 1993. – 214 с.
361. Проценко Л. А. Київський некрополь: путівник-довідник / Л. А. Проценко. – К. : Український письменник, 1994. – 118 с.
362. Зборовський А. Новосельський А. [Біографічна довідка] / А. Зборовський // Новосельський А. [Марчінковський А.] Український народ / А. Марчінковський ; переклад та вступ. ст. А. Зборовського // Приріпіння: історико-краєзнавчий альманах. – 2002. – № 2. – С. 9–12.
363. Батирева І. М. Традиційна культура Поділля у дослідженнях другої половини XIX – початку XX ст. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07.00.05. «Етнологія» / Ірина Миколаївна Батирева. – К., 2006. – 20 с.
364. Єршов В. Міф Бердичева в польскомовній мемуаристичній літературі Правобережжя / В. Єршов // Волинь філологічна: текст і контекст – польська, українська, білоруська та російська літератури в європейському контексті : зб. наук. праць. – Вип. 6. – Ч. 1 / Упор. Л. К. Оляндер. – Луцьк, 2008. – С. 371–382.
365. Громенко С. В. Антоний Марцинковский: к вопросу о становлении крымоведаческого направления в польской историографии / С. В. Громенко // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. – 2008. – Т. 21(60). – № 1. – Серия: исторические науки. – С. 35–43.
366. Кизилов М. Б. Крымские «пещерные города» по описанию Е. Скирмунт (Поята) / М. Б. Кизилов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2002. – Вып. IX. – С. 543–548.
367. Krakowski E. Le Comte Jean Potocki: un témoin de l'Europe des Lumières / E. Krakowski. – Paris : Gallimard, 1963. – 267 s.
368. Kroh A. Jean Potocki: Voyage lointain / A. Kroh. – Paris : Harmattan, 2004. – 457 s.
369. Rosset F. Jean Potocki. Biographie / F. Rosset, D. Triaire. – Paris : Flammarion, 2004. – 506 s.
370. Leiva D. El laberinto imaginario de Jan Potocki: manuscrito encontrado en Zaragoza (estudio crítico) / D. Leiva. – Madrid : Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2000. – 411 p.
371. Klene É. Jean Potocki à nouveau / É. Klene. – Amsterdam : Rodopi, 2010. – 436 p.
372. Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento / G. Berti. – Torino : Einaudi, 1957. – 874 s.
373. Evans J. L. The Petraševskij circle 1845–1849 / J. L. Evans. – Den Haag : Mouton, 1974. – 114 s.
374. Brock P. Polish revolutionary populism: a study in agrarian socialist thought from the 1830s to the 1850s / P. Brock. – Toronto : Toronto Un-ty press, 1977. – 125 s.
375. Orton L. D. The Prague Slav Congress of 1848 / L. D. Orton. – New York : Columbia Un-ty press, 1978. – 187 s.
376. Walicki A. A History of Russian Thought: from the Enlightenment to Marxism / A. Walicki. – Stanford : Stanford Un-ty press, 1979. – 476 s.

377. Walicki A. Philosophy and romantic nationalism: the case of Poland / A. Walicki. – Stanford : Stanford Un-ty press, 1982. – 415 s.
378. Miłosz C. The history of Polish literature / C. Miłosz. – Los Angeles : Un-ty of California press, 1983. – 583 s.
379. Seddon J. H. The Petrashevtsy: a study of the Russian revolutionaries of 1848 / J. H. Seddon. – Manchester : Manchester Un-ty press, 1985. – 312 s.
380. Miller M. A. The Russian revolutionary émigrés, 1825–1870 / M. A. Miller. – Baltimore : Johns Hopkins Un-ty press, 1986. – 292 s.
381. Luckyj G. Shevchenko and the critics: 1861–1980 / G. Luckyj, D. Ferguson, S. Yurkevich. – Toronto : Toronto Un-ty press, 1980. – 522 s.
382. Harviainen T. The Epigraph of the Derbent Torah and the Madjalis Scroll Discovered by Abraham Firkovich in 1840 / T. Harviainen // *Studia Orientalia*. – 2003. – № 95. – S. 55–79.
383. Францев В. А. Последнее ученое путешествие графа Яна Потоцкого 1805–1806 гг. / В. А. Францев. – Прага, 1938. – 112 с.
384. Богуш-Сестрэнцевич Станислав/[автор неизвестен]//Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. И. Е. Андриевского : в 41 т. – СПб., 1891. – Т. 4 (7): Битбург – Босха. – С. 374.
385. Храевич К. И. Сестрэнцевич-Богуш Станислав (Siestrzeńcewicz-Bogusz) / К. И. Храевич // Русский биографический словарь / А. А. Половцов : в 25 т. – СПб., 1904. – Т. 18: Сабанев – Смыслов. – С. 388–392.
386. Godlewski M. Siestrzeńcewicz-Bohusz Stanisław / M. Godlewski // *Podręczna encyklopedia kościelna* / Pod. red. ks. Z. Chełmickiego. – Warszawa, 1912. – Т. 35/36. – S. 242–257.
387. Wołoszyński R. Siestrzeńcewicz Stanisław / R. Wołoszyński // *Polski słownik biograficzny*. – Kraków : Wydaw-wo Inst. hist. PAN im. Tadeusza Manteuffla, 1997. – Т. 37. – S. 375–380.
388. Potocki J. / [Автор не визначений] // *Grand Dictionnaire universel du XIX siècle* / Par Pierre Larousse : in 15 v. – Paris, 1874. – Т. 12. – S. 1521
389. [Н.Я.] Потоцкие / [Автор не визначений] // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. И. Е. Андриевского : в 41 т. – СПб., 1898. – Т. 24а (48): Полярные – Прая. – С. 211–212.
390. Potocki Jan / [Автор не визначений] // *Encyklopedia powszechna* / S. Orgelbrand. – Warszawa, 1902. – Т. 12. – S. 241–242.
391. Петров А. Потоцкий Иван / А. Петров // Русский биографический словарь / А. А. Половцов : в 25 т. – СПб., 1910. – Т. 14: Плавильщиков – Примо. – С. 692–697.
392. Żółtowska M. E. Potocki Jan / M. E. Żółtowska // *Polski słownik biograficzny*. – Kraków : Wydaw-wo Inst. hist. PAN im. Tadeusza Manteuffla, 1985. – Т. 28. – S. 36–42.
393. Lopuszanski B. Olizar Gustav Henryk Atanazy / B. Lopuszanski // *Polski słownik biograficzny*. – Kraków : Wydaw-wo Inst. hist. PAN im. Tadeusza Manteuffla, 1978. – Т. 23. – S. 808–810.
394. Морозов П. О. [Генрих Ржевуский] / П. О. Морозов // *Всеобщая история литературы* : в 3 т. / под ред. В. Ф. Корша. – СПб., 1886. – Т. 3. – С. 180–181.

395. [Храневич К. И.] Ржевуские / К. И. Храневич // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон; под ред. И. Е. Андриевского : в 41 т. – СПб., 1899. – Т. 26 А (52): Резонанс и резонаторы – Роза ди-Тиволи. – С. 247. – Вид. під. псевд.: К.Х.
396. Жевуский Генрик / [Автор не встановлений] // Большая советская энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – Т. 9: Евклид–Ибсен. – С. 130.
397. Ślisz A. Rzewuski Henryk / A. Ślisz // Polski słownik biograficzny. – Kraków : Wydaw-wo Inst. hist. PAN im. Tadeusza Manteuffla, 1992. – Т. 34. – S. 106–111.
398. Серков А. И. Ржевуский Генрих Адамович / А. И. Серков // Русское масонство в 1731–2000 гг. : энцикл. слов. – М. : РОССПЭН, 2001. – С. 103.
399. Kościński S. L. Słownik lekarzów polskich obejmujący oprócz krótkich życiorysów lekarzy polaków oraz cudzoziemców w Polsce osiadłych, dokładną bibliografią lekarską polską od czasów najdawniejszych aż do chwili obecnej / S. L. Kościński. – Warszawa, 1883. – 682 s.
400. Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели / Л. Ф. Змеев. – СПб., 1886. – Вып. 1: До 1863 г. – 194 с.
401. Качковский Карл Григорьевич / [Автор не встановлений] // Русский биографический словарь / А. А. Половцов : в 25 т. – СПб., 1898. – Т. 8: «Ибак – Ключарев». – С. 581–582.
402. Zakrzewski T. Kaczowski Karol Maciej / T. Zakrzewski // Polski słownik biograficzny. – Kraków : Wydaw-wo Inst. hist. PAN im. Tadeusza Manteuffla, 1964. – Т. 11. – S. 375–377.
403. Seyda B. Słownik encyklopedyczny lekarzy-pisarzy w literaturze światowej / B. Seyda. – Szczecin : Albatros, 1999. – 110 s.
404. Chmielowski P. Historia literatury polskiej : w 6 t. / P. Chmielowski. – Warszawa, 1900. – Т. 6. – S. 115–119.
405. Rzepecka H. Ojczyzna w piśmie i pomnikach : w 5 t. / H. Rzepecka. – Poznań, 1911. – Т. 2. – S. 372–373.
406. Chojecki A. Chojecki Edmund Franciszek Maurycy (pseud. fr. Charles Edmond) / A. Chojecki // Polski Słownik Biograficzny. – Kraków: Wydaw-wo Inst. hist. PAN im. Tadeusza Manteuffla, 1937. – Т. 3. – S. 391–392.
407. Chojecki Edmund (1822–1899) // Bibliografia literatury polskiej. – Warszawa : Państw. inst. wyd-y, 1968. – Т. 7: Romantyzm. – S. 217–221.
408. Марцинковский Антоний / [Автор не встановлений] // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. И. Е. Андриевского : в 41 т. – СПб., 1896. – Т. 18 А (36): Малолетство – Мейшагола. – С. 706.
409. Jeske-Choiński T. Historyczna powieść polska: studium krytyczno-literackie / T. Jeske-Choiński. – Warszawa, 1899. – 162 s.
410. Idzikowski L. Przewódnik po Kijowie: z poglądowym planem miasta / L. Idzikowski. – Kijow, 1913. – 174 s.
411. Inglot M. Marcinkowski Antoni Albert / M. Inglot // Polski słownik biograficzny. – Kraków : Wydaw-wo Inst. hist. PAN im. Tadeusza Manteuffla, 1974. – Т. 19. – S. 589–590.

412. Polanowska J. Skirmuntowa Helena / J. Polanowska // Polski słownik biograficzny. – Kraków : Wydaw-wo Inst. hist. PAN im. Tadeusza Manteuffla, 1997. – T. 38. – S. 187–189.
413. Tyrowicz M. Pawłowicz Edward Bonifacy / M. Tyrowicz // Polski słownik biograficzny. – Kraków : Wydaw-wo Inst. hist. PAN im. Tadeusza Manteuffla, 1980. – T. 25. – S. 479–481.
414. Pawłowicz E. // Słownik artystów polskich i obcych w Polsce działających: malarze, rzeźbiarze, graficy : w 6 t. / red. J. Maurin-Białostocka. – Warszawa : Inst. sztuki PAN, 1998. – T. 6. – 484 s.
415. Tyrowicz M. Dzieduszycki Maurycy Ignacy / M. Tyrowicz // Polski słownik biograficzny. – Kraków : Wydaw-wo Inst. hist. PAN im. Tadeusza Manteuffla, 1948. – T. 6. – S. 113–116.
416. Potocki J. Mémoire sur un nouveau Peryple du Pont-Euxin, ainsi que sur la plus ancienne histoire des peuples du Taurus, du Caucase, et de la Scythie / J. Potocki. – Vienne, 1796. – 44 s.
417. Potocki J. Voyage dans les Steps d'Astrakhan et de Caucase : in 2 v. / J. Potocki. – Paris, 1829. – V. 1. – 395 s.
418. Потоцкий И. Путешествие в Астрахани и окрестные страны в 1797 г. / И. Потоцкий // Астраханский сборник / Петровское общество исследователей Астраханского края. – Астрахань, 1896. – Вып. 1. – С. 412–446.
419. Sestrencewitz de Bohusz S. Histoire de la Tauride : in 2 v. / S. Sestrencewitz de Bohusz. – Brunswick, 1800. – V. 1. – 440 s. ; V. 2. – 444 s.
420. Сестренцевич-Богуш С. История царства Херсонеса Таврийского : в 2 т. / С. Сестренцевич-Богуш. – СПб., 1806. – Т. 1. – 440 с. ; Т. 2. – 444 с.
421. Olizar G. Pamętniki 1798–1865 / G. Olizar. – Lwów, 1892. – 300 s.
422. Копылов А. Мемуары графа Олизара / А. Копылов // Русский вестник. – 1893. – Август. – С. 1–41; Сентябрь. – С. 101–132.
423. Kaczkowski K. Dziennik podróży do Krymu odbytej w r. 1825 : w 4 t. / K. Kaczkowski. – Warszawa, 1829. – T. 4. – 154 s.
424. Качковский К. Путешествие в Крым / К. Качковский ; пер. с польск., предисл., прим. В. Навроцкого, И. Неяченко // Крымский альбом : историко-краеведческий и литературно-художественный альманах, 1998. – Феодосия : Коктебель, 1998. – С. 90–111.
425. Качковский К. Дневник путешествия в Крым, совершенного в 1825 г., дня 19, дня 20 / К. Качковский ; пер. Г. Путиной // Алушта в литературе и живописи / Сост. Г. Путиной. – Алушта, 2007. – С. 47–49.
426. Mickiewicz A. Dzieła : wydanie rocznicowe (1798–1998) : w 18 t. / A. Mickiewicz. – Warszawa : Czytelnik, 2006. – T. 14: Listy, część pierwsza (1815–1829) / oprac. E. Jaworska. – 620 s.
427. Szapszał H. S. Adam Mickiewicz w gościnie u Karaimów / H. S. Szapszał // Myśl karaimska. – 1934. – № 10. – S. 3–12.
428. Sierakowski A. Listy z podróży: podróż na Krym, Kaukaz i do Tunisu / A. Sierakowski. – 2-e wyd. – Warszawa, 1913. – 166 s.

429. [Skirmuntowa H.] Szkice z Krymu / [H. Skirmuntowa] // Tygodnik ilustrowany. – 1871. – Т. VIII. – № 195. – S. 155–156 ; № 196. – S. 163–165 ; № 198. – S. 192 ; № 199. – S. 201 ; № 200. – S. 207–210 ; № 201. – S. 219–225 ; № 202. – S. 233–236 ; № 203. – S. 243–247. – Вид. під псевд.: Pojata.
430. [Skirmuntowa H.] Szkice z Krymu, wycieczka na Mangub-Kale / [H. Skirmuntowa] // Kłosy. – 1873. – Т. XVII. – № 432. – S. 232–235 ; № 433. – S. 250–251. – Вид. під псевд.: Pojata.
431. Chojecki E. Wspomnienia z podróży po Krymie / E. Chojecki. – Warszawa, 1845. – 313 s.
432. Хоєцький Е. Спогади з подорожі по Криму / Е. Хоєцький ; пер. О. О. Тищенко-Монастирської. – Сімферополь : СГТ, 2008. – 384 с.
433. Marcinkowski A. Stepy, morze i góry: szkice i wspomnienia z podróży : w 2 t. / A. Marcinkowski. – Wilno, 1854. – Т. 2. – 277 s. – Вид. під псевд.: A. Nowosielski.
434. Pawłowicz E. Zapóžno! Z wycieczki do Krymu / E. Pawłowicz. – Lwów, 1897. – 48 s.
435. [Wolańska-Dzieduszycka A.] Wrażenia z Krymu / [A. Wolańska-Dzieduszycka]. – 2-e wyd. – Lwów, 1902. – 67 s. – Вид. під псевд.: A-Wska.
436. Сестренцевич-[Богуш] С. Дневник и переписка / С. Сестренцевич-[Богуш] ; под ред. М. Годлевского и В. Криксина. – СПб., 1913. – 473 с.
437. Kaczkowski K. Wspomnienia z przeszłości: z papierów pozostałych po śp. Karolu Kaczkowskim, generał-sztabś-lekarzu wojsk polskich. III.: w Wilnie od roku 1815 do 1821 / K. Kaczkowski // Ojczyzna. – 1875. – № 36. – S. 3–74.
438. Marcinkowski A. Pamiętniki kuratora magazynów / A. Marcinkowski. – Warszawa, 1858. – 159 s.
439. Залескі Б. З жыцця літвінкі / Б. Залескі ; пер. з польськ. В. Жук і Н. Косыціна. – Мінск : Хурсік, 1999. – 344 с.
440. Pawłowicz E. Wspomnienia z nad Wilji i Niemna: Studya, podróże. – Lwów, 1883. – 312 s.
441. Pawłowicz E. Wspomnienia : Nowogródek, więzienie, wygnanie. – Lwów, 1887. – 431 s.
442. [Шерпинский О.]. Краткое начертание деятельной и трудолюбивой жизни его Высокопреосвященства митрополита Римских церквей в России Станислава Сестренцевича-Богуша / О. Шерпинский. – СПб., 1827. – 45 с.
443. Глаголев А. Воспоминания о митрополитах Римско-католической церкви в России Станиславе Сестренцевиче-Богуше и Гаспаре Колюмне Цецишовском / А. Глаголев // Журнал Министерства внутренних дел. – 1835. – № 1. – С. 93–107.
444. Puzynina G. W Wilnie i w dworach litewskich: pamiętnik z lat 1815–1843 / G. Puzynina. – Wilno, 1928. – 389 s.
445. Герцен А. И. Былое и думы / Герцен А. И. // Собр. соч. : в 30 т. / Глав. ред. В. П. Волгин. – М. : Изд-во АН СССР, 1954–1966. – Т. 11. – 807 с.; Т. 24. – 500 с.

446. Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем (1828–1876) / М. А. Бакунин ; под ред., прим. Ю. М. Стеклова. – М. : Изд-во Всеосоюз. Общ. политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. – Т. 4: В тюрьмах и ссылке (1849–1861). – 279 с.
447. Шевченко Т. Повне зібрання творів : в 10 т. / Т. Шевченко. – К. : Вид-во АН УРСР, 1957. – Т. 6. – 589 с.
448. Pawłowicz T. Obraz pokolenia / T. Pawłowicz. – Kraków : Wyd-wo Un-tu Jagiellońskiego, 1999. – 269 s.
449. Knysz-Tomaszewska D. Dole i niedole francuskiego polonisty Paul Cazin : 1881–1963 : szkice / D. Knysz-Tomaszewska. – Warszawa : Wyd-wo Inst. Literatury Polskiej, 1999. – 268 s.
450. Potocka A. Mój pamiętnik / A. Potocka. – Warszawa : Pax, 1973. – 494 s.
451. Morawski K. Wspólna droga z Rogerem Raczyńskim: wspomnienia / K. Morawski. – Poznań : Wyd-wo poznańskie, 1998. – 309 s.
452. Ивановский А. Станислав Сестренцевич-Богущ, первый римско-католический митрополит в России / А. Ивановский // Русский Мир. – 1872. – № 2. – С. 234–235.
453. Мурзакевич Н. Н. Архиепископ католический Станислав Сестренцевич-Богущ / Н. Н. Мурзакевич // ЗООИД. – 1875. – Т. 9. – С. 339–342.
454. Пржецлавский О. Станислав Сестренцевич-Богущ / О. Пржецлавский // Русская старина. – 1890. – № 4. – С. 158–166.
455. Грабовский М. А. Граф Генрих Ржевусский / М. А. Грабовский // Русская беседа. – 1858. – Кн. 2. – С. 1–32; Кн. 3. – С. 1–26.
456. Hirsztoft P. A. Karol Kaczkowski / P. A. Hirsztoft // Tygodnik illustrowany. – 1868. – № 16. – S. 113–118.
457. Majkowski J. Karol Kaczkowski / J. Majkowski // Medycyna. – 1896. – № 5. – S. 119–120.
458. Dębicki Z. Edmund Chojecki / Z. Dębicki // Głos warszawski. – 1899. – № 49–50. – S. 128–134.
459. Долгоруков П. В. Русская родословная книга : в 4 т. / П. В. Долгоруков. – СПб., 1856. – Т. 3. – 523 с.
460. Konarski S. Materiały do biografii, genealogii i heraldyki polskiej: źródła i opracowania : w 10 t. / S. Konarski. – 2-e wyd. – Warszawa : DiG, 2005. – Т. 3. – 368 s.
461. Baliński M. Wizerunki i roztrząśnienia naukowe : w 6 cz. / M. Baliński. – Wilno, 1835. – Cz. 6. – 142 s.
462. Baliński M. Pisma historyczne : w 4 t. / M. Baliński. – Warszawa, 1843. – Т. 3. – 245 s.
463. Pauli Ż. O życiu i pismach Jana hr. Potockiego / Ż. Pauli // Potocki J. Podróż do Turcji i Egiptu. – Kraków, 1849. – 103 s.
464. Brückner A. Jana hr. Potockiego prace i zasługi naukowe / A. Brückner. – Warszawa, 1911. – 123 s.
465. [Rzązewski A.] Mickiewicz w Odessie i twórczość jego z tego czasu / A. Rzązewski. – Warszawa, 1885. – 198 s. – Вид. під псевд.: Аёр.

466. Mickiewicz W. *Zywot Adama Mickiewicza: podlug zebranych przez siebie materialow oraz z wlasnych wspomnien* : w 4 t. / W. Mickiewicz. – Poznań, 1890–1895. – Т. 1. – 444 s.; Т. 2. – 616 s.; Т. 3. – 584 s.; Т. 4. – 489 s.
467. Погодин А. Л. *Адам Мицкевич, его жизнь и творчество* : в 2 т. / А. Л. Погодин. – М., 1912. – Т. 1. – 330 с.; Т. 2. – 342 с.
468. Меховский М. *Трактат о двух Сарматиях* / М. Меховский ; пер. С. А. Аннинского. – М. : Изд-во АН СССР, 1936. – 288 с.
469. Литвин М. *О нравах татар, литовцев и москвитян* / М. Литвин ; пер. В. И. Матузовой. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 146 с.
470. Броневский М. *Описание Татарии* / М. Броневский ; пер. И. Г. Шершеневича // ЗООИД. – 1867. – Т. 6. – С. 333–367.
471. Arouet F.-M. *Histoire de Charles XII, roi de Suede* / F.-M. Arouet. – Paris : Garnier-Flammarion, 1968. – 304 s. – Вид. під псевд.: Voltaire
472. Smith J. *Travels and Works of Captain John Smith: President of Virginia, and Admiral of New England, 1580-1631* : in 2 p. / J. Smith ; ed. Edward Arber. – Edinburgh, 1910. – Part 2. – 912 p.
473. Peyssonnel C. *Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxin* / P. Peyssonnel. – Paris, 1765. – XLIV, 364 p.
474. Tott F. *Memoires du Baron de Tott Sur les Turcs et les Tartares* : in 3 v. / Tott F. – Amsterdam, 1785. – V. 1. – 287 p. ; V. 2. – 286 p. ; V. 3. – 248 p.
475. Peyssonnel C. *Lettre de M. de Peyssonnel, ancien consul a Smyrne, contenant quelques observations relatives aux memoires qui ont paru sous le nom de M. le Baron de Tott / C. Peyssonnel // Memoires du Baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares.* – Maestricht, 1785. – Part 5. – 152 p.
476. Craven E. *A Journey Through the Crimea to Constantinople: in a Series of Letters from the Right Honourable Elizabeth Lady Craven, to His Serene Highness the Margrave of Brandebourg, Anspach, and Bareith, Written in the Year MDCCLXXXVI* / E. Craven. – New York : Arno Press, 1970. – 327 p.
477. Ségur L.-P. *Mémoires, souvenirs, et anecdotes, par le comte de Ségur* : in 2 v. / L.-P. Ségur ; éd. M. F. Barrière // Bibliothèque des mémoires : relatif à l'histoire de France : pendant le 18e siècle. – Paris, 1859. – V. XIX. – 488 p. ; V. XX. – 530 p.
478. Ligne C.-J. *Correspondance et pensées du prince de Ligne* / C.-J. Ligne ; éd. M. F. Barrière // Bibliothèque des mémoires : relatif à l'histoire de France : pendant le 18e siècle. – Paris, 1859. – V. XX. – 530 p.
479. [Сегюр Л.-Ф.] *Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789)* / Л.-Ф. Сегюр. – СПб., 1865. – 215 с.
480. Naruszewicz A. *Tauryka, czyli wiadomości starożytne i późniejsze o stanie i mieszkańcach Krymu* / A. Naruszewicz. – Warszawa, 1781. – 139 s.
481. Нарушевич А. *Таврикия, или Известия древнейшая и новейшая о состоянии Крыма и его жителей до наших дней* / А. Нарушевич. – Киев, 1788. – 172 с.
482. [Коховский В. В.] *Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В. С. Попову, для доклада его*

светлости князю Григорию Александровичу Потемкину / В. В. Коховский // ЗООИД. – 1877. – Т. 10. – С. 235–361.

483. Габлиц К. И. Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы / К. И. Габлиц. – СПб., 1785. – 199 с.

484. Паллас П. С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области / П. С. Паллас; пер. с франц. И. Рижского. – СПб., 1795. – 72 с.

485. Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794 : in 2 bd. / P. S. Pallas. – Leipzig, 1799–1801. – Bd 1. – 436 p. ; Bd 2. – 430 p.

486. Сиротина И. Л. Культурологическое источниковедение: проблема мемуаристики / И. Л. Сиротина // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: к 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана : мат. междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 18 мая 2001 г.) / Санкт-Петербургское философское общество. – СПб. : Symposium, 2001. – С. 226–232.

487. Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки / К. Д. Петряев. – К. : Вища шк., 1978. – 180 с.

488. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М. : Наука, 1987. – 440 с.

489. Иванов В. В. Методология исторической науки / В. В. Иванов. – М. : Высшая шк. – 168 с.

490. Ясь О. В. Мемуари / О. В. Ясь // Енциклопедія історії України : у 10 т. – К. : Наук. думка, 2009. – Т. 6. – 784 с.

491. Попова Т. Н. О методике биоисториографических исследований / Т. Н. Попова // Записки історичного факультету / Одеський держ. ун-т ім. І. І. Мечникова. – 1997. – Вип. 5. – С. 165–167.

492. Замятин Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. – М. : Аграф, 2004. – 471 с.

493. Сенявский А. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская // Вестник Росийского университета дружбы народов. – 2006. – № 2(6). – С. 54–72.

494. Зашкильняк Л. А. Польская историография / Л. А. Зашкильняк // Историография истории южных и западных славян : курс лекций. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – 262 с.

495. Яковенко Н. М. Вступ до історії / Н. М. Яковенко. – К. : Критика, 2007. – 375 с.

496. Щербенок А. А. Деконструкция и классическая русская литература: от риторики текста к риторике истории / А. А. Щербенок. – М. : Новое лит. обозрение, 2005. – 228 с.

497. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж: имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX века / В. В. Орехов. – Симферополь : АнтикВА, 2006. – 608 с.

498. Журба О. І. Становлення української археографії: люди, ідеї інституції / О. І. Журба. – Донецьк : Вид-во ДНУ, 2003. – 316 с.

499. Sistrzeńcewicz-Bohusz S. O Rosji Zachodniej / S. Sistrzeńcewicz-Bohusz. – Mohylów, 1793. – 54 s.
500. Sistrzeńcewicz-Bohusz S. Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves, et sur les époques de la conversion de ces peuples au christianisme : in 5 v. / S. Sistrzeńcewicz-Bohusz. – SPb., 1812–1813. – V. 1. – 237 s. ; V. 2. – 162 s. ; V. 3. – 223 s. ; V. 4. – 293 s. ; V. 5. – 72 s.
501. Potocki J. Voyage en Turquie et en Égypte fait en l'année 1784 / J. Potocki. – Varsovie, 1788. – 169 s.
502. Potocki J. Essay sur l'histoire universelle et recherches sur celle de la Sarmatie : 4 vol. / J. Potocki. – Varsovie, 1789–1792. – V. 1. – 182 s. ; V. 2. – 191 s. ; V. 3. – 171 s. ; V. 4. – 90 s.
503. Potocki J. Voyage dans l'empire de Maroc, fait en l'année 1791, suivi de voyage de Hafez: récit oriental / J. Potocki. – Varsovie, 1792. – 333 s.
504. Potocki J. Chroniques, memoires, et recherches pour servir a. l'histoire de tous les peuples slaves : 2 vol. / J. Potocki. – Varsovie, 1792–1793. – V. 1. – 231 s. ; V. 2. – 148 s.
505. Potocki J. Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités Slaves ou Vendes / J. Potocki. – Hambourg, 1795. – 102 s.
506. Potocki J. Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves / J. Potocki. – Brunsvic – Berlin, 1796. – V. 1. – 412 s. ; V. 2. – 408 s. ; V. 3. – 185 s. ; V. 4. – 379 s.
507. Potocki J. Histoire primitive des peuples de la Russie, avec une exposition complète de toutes les notions locales, nationales et traditionnelles nécessaires à l'intelligence du quatrième livre d'Hérodote / J. Potocki. – SPb., 1802. – 230 s.
508. Potocki J. Histoire ancienne du gouvernement de Cherson / J. Potocki. – SPb., 1804. – 59 s.
509. Potocki J. Atlas archéologique de la Russie européenne / J. Potocki. – SPb., 1805. – 37 s.
510. Potocki J. Manuscrit trouvé à Saragosse / J. Potocki. – SPb., 1804. – 770 s.
511. Дейвіс Н. Європа: історія / Н. Дейвіс ; пер. П. Тарашука. – К. : Основи, 2008. – 1464 с.
512. Пушкин А. С. Графу Олизару / А. С. Пушкин // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Худож. лит., 1959–1962. – Т. 2. – 673 с.
513. Міцкевич А. Кримські сонети / А. Міцкевич ; пер. з пол. Б. Тена ; передмов., уклад. та ред. К. Чайковського. – Częstochowa : Towarzystwo literackie im. Adama Mickiewicza, 2003. – 225 s.
514. Mickiewicz A. Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego / A. Mickiewicz. – Paryż, 1832. – 99 s.
515. Kaczkowski K. Lekcye higieny czyli nauki zachowania zdrowia / K. Kaczkowski. – Warszawa, 1827. – 168 s.
516. Chojecki E. Gęśla / E. Chojecki. – Lipsk, 1846. – 74 s.
517. Chojecki E. Czechia i Czechowie przy końcu pierwszej połowy XIX stulecia : w 2 t. / E. Chojecki. – Berlin, 1847. – T. 1. – 248 s. ; T. 2. – 272 s.
518. Chojecki E. Rewolucyoniści i stronnictwa wsteczne w roku 1848 / E. Chojecki. – Berlin, 1849. – 305 s.

519. Chojecki E. Alkhadar, ustęp z życia ojców naszych : w 4 t. / E. Chojecki. – Wyd. 2. – Lipsk, 1869. – T. 1. – 295 s. ; T. 2. – 309 s. ; T. 3. – 258 s. ; T. 4. – 235 s.
520. Chojecki E. Voyage dans les meres du Nord à bord de la corvette «La Reine Hortense» / E. Chojecki. – Paris, 1857. – 536 s.
521. Chojecki E. La Pologne captive et ses trois poètes Mickiewicz – Krasieński – Słowacki / E. Chojecki. – Leipzig, 1864. – 240 s.
522. Chojecki E. L'Egypte a l'exposition universelle / E. Chojecki. – Paris, 1867. – 383 s.
523. Chojecki E. Patrijotyzm i objawy jego u niektórych narodów / E. Chojecki. – Paryż, 1870. – 64 s.
524. Marcinkowski A. Ideały i karykatury: zarysy fantazyi i rzeczywistego świata: (etiudy nakreślone dwoma tępyimi ołówkami) / A. Marcinkowski. – Kijów, 1848. – 108 s. – Вид. під псевд.: A. Nowosielski.
525. Leviathan: książka składkowa : pismo zbiorowe / red. A. Marcinkowski. – Kijów, 1848. – 108 s. – Ред. під псевд.: A. Gryf.
526. Marcinkowski A. Dwie siostry: obrazek z powszedniego życia : w 2 t. / A. Marcinkowski. – Kijów – Wilno, 1855. – T. 1. – 250 s. ; T. 2. – 332 s. – Вид. під псевд.: A. Nowosielski.
527. Marcinkowski A. Lud ukraiński, jego piesni, bajki, podania, klechdy, zabobony, obrzedy, zwyczaje, przysłowia, zagadki, zamawiania, sekreta lekarskie, ubiory, tance, gry i t. d. : w 2 t. / A. Marcinkowski. – Wilno, 1857. – T. 1. – 380 s. ; T. 2. – 282 s. – Вид. під псевд.: A. Nowosielski.
528. Дубровский П. [Рецензия] / П. Дубровский // Русский вестник. – 1857. – Т. 8, кн. 2. – С. 378–379. – Рец. на кн.: [Marcinkowski A.] Lud ukraiński. – Wilno, 1857.
529. Marcinkowski A. Kilka myśli o powieści i jej formie / A. Marcinkowski // Pisma krytyczno-filozoficzne : w 2 t. / red. A. Marcinkowski. – Wilno, 1857. – T. 2. – S. 69–102. – Вид. та ред. під псевд.: A. Nowosielski.
530. Marcinkowski A. Pamiętniki kuratora magazynów / A. Marcinkowski. – Warszawa, 1858. – 156 s. – Вид. під псевд.: A. Nowosielski
531. Marcinkowski A. Stary buralista / A. Marcinkowski. – Kijów, 1859. – 92 s. – Вид. під псевд.: A. Nowosielski
532. Marcinkowski A. Pogranicze naddnieprzańskie: szkice społeczności ukraińskiej w wieku XVIII : w 2 t. / A. Marcinkowski. – Kijów, 1863. – T. 1. – 310 s. ; T. 2. – 236 s. – Вид. під псевд.: A. Nowosielski.
533. Marcinkowski A. Badania zwyczajów ludu ukraińskiego / A. Marcinkowski // Tygodnik Powszechny. – 1878. – №. 32. – S. 255–303. – Вид. та ред. під псевд.: A. Nowosielski.
534. Marcinkowski A. Przysłowia ukraińskie / A. Marcinkowski // Upominek wileński: pismo zbiorowe poświęcone Józefowi Ignacemu Kraszewskiemu, na pamiątkę pięćdziesięcioletniej rocznicy jego zawodu literackiego / red. J. Zawadzkiego. – Wilno, 1879. – S. 183–197. – Вид. під псевд.: A. Nowosielski.

535. Громенко С. В. Идеали Романтизму як чинник подорожей польських мандрівників до Криму в першій чверті – середині XIX ст. / С. В. Громенко // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. / Інститут історії України. – К., 2010. – Випуск XVII. – С. 190–195.

536. Рославець О. М. Реалізм у живопису Франції XIX століття / О. М. Рославець. – К. : Мистецтво, 1979. – 101 с.

537. Дыбковская А. История Польши с древнейших времен до наших дней / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын ; пер. с польск. М. Белевич и др. – Варшава : Польское научное издательство, 1995. – 381 с.

538. Колотухин В. А. Ранний железный век. Киммерийцы. Тавры / В. А. Колотухин // Крым сквозь тысячелетия / сост. и науч. ред. Э. Б. Петрова. – Симферополь : ЛИРА, 2004. – С. 49–60.

539. Власов В. П. Киммерийцы / В. П. Власов // От киммерийцев до крымчаков: народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. И. Н. Храпунова и А. Г. Герцена. – Симферополь : Доля, 2004. – С. 7–15.

540. История Крыма с древнейших времен до наших дней. – Симферополь : Атлас-компакт, 2007. – 408 с.

541. Петрова Э. Б. Великая греческая колонизация. Боспорское царство / Э. Б. Петрова // Крым сквозь тысячелетия / сост. и науч. ред. Э. Б. Петрова. – Симферополь : ЛИРА, 2004. – С. 79–101.

542. Масыкин В. В. Сарматы / В. В. Масыкин // От киммерийцев до крымчаков: народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. И. Н. Храпунова и А. Г. Герцена. – Симферополь : Доля, 2004. – С. 36–44.

543. Герцен А. Г. Крымские татары / А. Г. Герцен // От киммерийцев до крымчаков: народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. И. Н. Храпунова и А. Г. Герцена. – Симферополь : Доля, 2004. – С. 228–240.

544. Громенко С. В. Польські мандрівники в Криму у XIX столітті: географія подорожей / С. В. Громенко // Історичний архів. Наукові студії : зб. наук. праць / ЧДУ ім. Петра Могили ; гол. ред. П. С. Сохань. – Вип. 3. – Миколаїв : Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2009. – С. 134–137.

545. Домбровский Ф. М. Обзорение Южного берега Крыма. Пособие для путешествующих / Ф. М. Домбровский. – Одесса, 1850. – 43 с.

546. Бартев П. И. Пушкин в Южной России / П. И. Бартев // Пушкин в Тавриде : сб. лит.-краев. ст. / ред.-сост. П. В. Коньков. – Симферополь : Таврия, 1995. – С. 9–23.

547. Сумароков П. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду : в 2 ч. / П. Сумароков. – СПб, 1803. – Ч. 1. – 226 с., ил.; Ч. 2. – 244 с., ил.

548. Домбровский Ф. М. Прошедший и настоящий быт города Евпатории / Ф. М. Домбровский // Новороссийский календарь на 1847 г. – Одесса, 1846. – С. 346–356.

549. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / П. С. Паллас. – М.: Наука, 1999. – 246 с. – (Научное наследие; Т. 27).

550. История городов и сел УССР: Крымская область / Институт истории АН УССР ; зав ред. серии В. М. Кулаковский. – К. : УСЭ, 1974. – 624 с.
551. Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических / П. И. Кеппен. – СПб., 1837. – 409 с. – Загл. обл.: Крымский сборник.
552. Монтандон К. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / К. Монтандон ; пер. с франц. яз., предисл., сост. и подготовка текста В. В. Орехова. – Симферополь : Крымский архив, 1997. – 130 с.
553. Кошляков А. Десятидневная поездка на Южный берег Крыма / А. Кошляков. – Одесса, 1848. – 70 с.
554. [Автор невідомий]. Несколько слов о Крыме // Сын Отечества. – 1840. – № VI. – С. 442.
555. Громенко С. В. Інженерні та фортифікаційні споруди Криму в записках польських мандрівників XIX століття / С. В. Громенко // Мат. 8 Всеукр. наук. конф.: «Актуальні питання науки і техніки» (м. Очаків, 17–19 жовтня 2009 р.) / Центр пам'яткознавства НАН України та УТОПК ; відп. за вип. Л. О. Гріфен. – К., 2009. – С. 282–284.
556. Громенко С. В. Поляки в історії Криму: історіографія питання / С. В. Громенко // Археологія та етнологія Східної Європи : мат. та досл. – Донецьк, 2004. – Т. 4 : зб. наук. праць / відп. ред. О. В. Колесник та І. І. Мартинчук. – С. 86–88.
557. Березин И. Н. Крым / И. Н. Березин // Библиотека для чтения. – 1856. – № 1, отд. 3. – С. 33–53.
558. Самойлович А. Н. Отчет приват-доцента А. Самойловича о поездке летом 1916 года в Поволжье и Крым / А. Н. Самойлович // Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. – Симферополь : Симферопольская городская типография, 2008. – Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. – С. 567–574.
559. Мусаева У. К. Виктор Иосифович Филоненко // У. К. Мусаева Подвижники крымской этнографии, 1921 – 1941 : Историографические очерки / под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего. – Симферополь: Таврия, 2004. – 214 с.
560. Радде Г. И. Крымские татары / Г. И. Радде // Вестник Русского географического общества. – 1856. – Ч. 19. – С. 290–330.
561. Дашкевич Я. Р. Кримські татари / Я. Р. Дашкевич // Енциклопедія історії України : у 10 т. – К. : Наук. думка, 2008. – Т. 5. – С. 568 с.
562. Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова : (Материалы и вопросы) / Б. А. Куфтин // Мемуары этнографического отдела О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1925. – Вып. 1-й. – 98 с., ил.
563. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма / В. Х. Кондараки. – Николаев, 1873. – Ч. 1. – 244 с.
564. Бонч-Осмоловский Г. А. Брачные обряды татар горного Крыма / Г. А. Бонч-Осмоловский // Известия Государственного Русского географического общества. – М.-Л., 1926. – Т. 58. – Вып. 1. – С. 21–61.

565. Шишкина О. П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году : в 2 ч. / О. П. Шишкина. – СПб., 1848. – Ч. 2. – 304 с., карт., ил.
566. [Свиньин П. П.] Картины России и быт разноплеменных ея народов из путешествий П. П. Свиньина / П. П. Свиньин. – СПб, 1839. – Ч. 1. – 389 с.
567. Кизилев М. Б. Караимы / М. Б. Кизилев // От киммерийцев до крымчаков: народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. И. Н. Храпунова и А. Г. Герцена. – Симферополь : Доля, 2004. – С. 254–269.
568. Водарский Я. Е. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав) / Я. Е. Водарский, О. И. Елисеева, В. М. Кабузан. – М. : Наука, 2003. – 160 с.
569. Араджиони М. А. Крымские цыгане / М. А. Араджиони // От киммерийцев до крымчаков: народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. И. Н. Храпунова и А. Г. Герцена. – Симферополь : Доля, 2004. – С. 241–253.
570. Араджиони М. А. Крымские греки / М. А. Араджиони // От киммерийцев до крымчаков: народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. И. Н. Храпунова и А. Г. Герцена. – Симферополь : Доля, 2004. – С. 192–208.
571. Араджиони М. А. Армяне / М. А. Араджиони // От киммерийцев до крымчаков: народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. И. Н. Храпунова и А. Г. Герцена. – Симферополь : Доля, 2004. – С. 209–227.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Труды путешественников как объект изучения в крымоведении: достижения и перспективы исследования</i> (А. А. Непомнящий)	5
ПРЕДИСЛОВИЕ.	11
ЧАСТЬ I <i>Историография, источники</i> <i>и методология исследования.</i>	21
<i>Глава 1</i> Путешествия в исторической ретроспективе.	22
<i>Глава 2</i> Источниковый фундамент	83
<i>Глава 3</i> Методы и методология	95
ЧАСТЬ II <i>Польские путешественники</i> <i>конца XVIII – начала XX века в Крыму:</i> <i>просопографический портрет</i>	103
<i>Глава 4</i> Путники эпохи Просвещения (конец XVIII – начало XIX века)	104

Глава 5
Путешественники эпохи Романтизма
(первая четверть – середина XIX века)117

Глава 6
Вояжеры эпохи реализма
(последняя треть XIX – начало XX века)141

ЧАСТЬ III

***Разноголосая симфония Крыма
в записках польских путешественников
конца XVIII – начала XX века153***

Глава 7
История Крыма в интерпретации польских вояжеров154

Глава 8
Транспорт и пути сообщения163

Глава 9
Города и поселки175

Глава 10
Памятники культуры и архитектуры206

Глава 11
Быт и традиции крымских народов228

ЗАКЛЮЧЕНИЕ254

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ261

ЛИТЕРАТУРА262

СЕРИЯ
«БИОБИБЛИОГРАФИЯ КРЫМОВЕДЕНИЯ»
под редакцией профессора А. А. Непомнящего

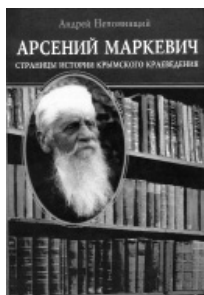
Выпуск 1:

Бобков В. В. Статистики Таврической губернии (XIX – начало XX века) : биобиблиографический указатель / В. В. Бобков ; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – 302 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 1).

Выпуск 2:

Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: историографические очерки / У. К. Мусаева ; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь : Таврия, 2004. – 214 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 2).

Выпуск 3:

Непомнящий А. А. Арсений Маркевич : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий ; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского ; Рабочая группа Свода памятников истории и культуры Украины по АРК. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – 432 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 3).

Выпуск 4:

Кармазіна Н. В. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.) / Н. В. Кармазіна / Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського. – Сімферополь : Таврія, 2005. – 177 с. – (Серія : Біобібліографія кримознавства ; вип. 4).

Выпуск 5:

Историческое краеведение Крыма на рубеже столетий : вопросы истории крымоведения и охраны памятников : сборник научных трудов в честь 150-летия со дня рождения А. И. Маркевича. (Серия: Биобиблиография крымоведения ; вып. 5) // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. сер. : История. – 2005. – Т. 18 (57), № 1: Спецвыпуск. – Симферополь, 2005. – 228 с.

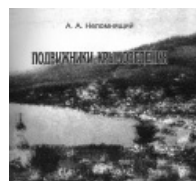

Выпуск 6:

Волкова С. А Чехи на Півдні України (друга половина XIX – перша третина XX століття) / С. А. Волкова / Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського. – Сімферополь : Антіква, 2006. – 160 с. – (Серія : Біобібліографія кримознавства ; вип. 6).

Выпуск 7:

Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий ; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК ; Научный центр историко-краеведческих исследований и Свода памятников Украины по АРК. – Симферополь : СГТ, 2006. – Т. 1. – 324 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 7).

Выпуск 8:

Бобкова О. М. А. Я. Фабр : портрет администратора на фоне эпохи / О. М. Бобкова ; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – Киев, 2007. – 321 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 8).

Выпуск 9:

Мусаева У. К. Народный учитель : документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / У. К. Мусаева ; РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет». – Симферополь : СГТ, 2007. – 240 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 9).

Выпуск 10:

Кангиева Э. М. Крымоведение на страницах тюркоязычных периодических изданий крымскотатарской диаспоры / Э. М. Кангиева. – Киев ; Симферополь : СГТ, 2007. – 424 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 10).

Выпуск 11:

Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР : исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк ; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК; Научный центр историко-краеведческих исследований и Свода памятников Украины по АРК. – Симферополь : СГТ, 2008. – 240 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 11).

Выпуск 12:

Непомнящий А. А. Подвижники краеведения : в 2 т. / А. А. Непомнящий ; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК ; Научный центр историко-краеведческих исследований и Свода памятников Украины по АРК. – Симферополь : СГТ, 2008. – Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. – 600 с. – (Серия : Библиография краеведения ; вып. 12).

Выпуск 13:

Севастьянов А. В. Десять лет на службе краеведения : Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / А. В. Севастьянов ; под ред. А. А. Непомнящего. – Киев ; Симферополь, 2010 – 255 с. – (Серия : Библиография краеведения ; вып. 13).

Научное издание

Серия
БИОБИБЛИОГРАФИЯ КРЫМОВЕДЕНИЯ
Выпуск 14

Сергей Громенко

СТЕРУ, MORZE I GÓRY

ПОЛЬСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА
О КРЫМЕ

Под редакцией профессора А. А. Непомнящего

Верстка: *Т. Ю. Шкуренко*
Главный редактор: *Г. Н. Гржибовская*
Корректор: *Т. Н. Юкало*
Художественный редактор *Е. В. Мажарова*

Подписано в печать: 01.08.2011 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆
Гарнитура Times Nem Roman.
Объем 14,26 уч.-изд. л., 17,67 усл.-печ. л.
Тираж 300 экз.

Издательство «Антиква»
95000, г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел. (0652) 60-02-98. E-mail: antikva07@mail.ru
Свидетельство о внесении в Государственный реестр
субъекта издательского дела ДК № 2485 от 05.05.2006

Отпечатано в типографии «DigitPint», ЧП «Владыкин В. В.»,
99011, г. Севастополь, (095) 850-5028, DigitPint@gmail.com

Тяжель близ Байларских вратъ.

Горы. Видъ на ...

de Bahche-Seraï,

Крымъ — Crimée.

Алашта. Общій видъ. Alouchta. Vue générale.

Крымъ

Чуфутъ-Кале. Крѣпостная стѣна. — Tchoufouf-Kale. Le mur de la forteresse.

Крымъ.—Crimée. № 96.

Херсонесь. Общій видъ развалинъ. Chersonèse. Vue générale des ruines.

Крымъ

Гурауфъ. Деревня Village. Goursouf.

Крымъ — Crimée